

БК 75.719.6 В26

Составитель Л. В. Россошик

Век российских скороходов/Сост. Л. В. Россо-В26 шик. — М.:
Физкультура и спорт, 1990. — 224 с., ил.—

18БК 5—278—00132—1

В книгу, посвященную столетию конькобежного спорта в России, включены очерки о лучших русских и советских скороходах — чемпионах олимпийских игр, мира и Европы. В работе над сборником приняли участие ведущие спортивные журналисты.

Для широкого круга читателей.

в 4204000000—053 27—90 ББК 75.719.6

009(01)—90

ISBN 5—278—00132—1

© Издательство «Фиткулмурп и спорт», 1990 г.

Когда люди изобрели коньки? Где зародился конькобежный спорт? В каком полушарии? На какой материке? Точного ответа на эти вопросы не могут дать ни археологи, ни историки.

В Британском музее в Лондоне я видел костяные коньки, на которых катались почти две тысячи лет назад. Коньки эти были найдены в прошлом веке. Тогда-то и родилась версия, что коньки появились в Англии.

В квартире почетного секретаря Международного союза конькобежцев Георга Хесслера в Давосе я видел костяные коньки, найденные среди свайных построек на Женевском озере. Криминалисты доказали, что их возраст около двух тысяч лет. Они ровесники тех, что экспонируются в Британском музее.

Но вот в Советском Союзе при раскопках поселений бронзового века, существовавших по меньшей мере за тысячу лет до нашей эры, археологи нашли шесть пар коньков. Это открытие было сделано в

1948 году близ города Кустаная в Казахстане. Коньки тоже были костяными. По размеру они соответствовали ноге взрослого человека. В нижней части кости просверливались, точнее прожигались, отверстия. В них продевались веревки, чтобы привязывать коньки к ноге. Как утверждают ученые, коньки делались из фаланги передних ног лошади. Не трудно подсчитать, что найденные под Кустанаем коньки по возрасту превосходили «инвентарь» англичан и швейцарцев.

Любопытно, что советские археологи, которые конечно же не занимались специально поисками древних коньков, почти всегда при раскопках славянских городищ в Новгороде и Старой Ладого среди домашней утвари часто находили костяные коньки. Но однажды археологи нашли коньки неподалеку от Черного моря — в низовьях Южного Буга. Как они могли появиться там, где практически не бывало холодных зим?

А лет двадцать пять назад неподалеку от Одессы археологи раскопали две пары самых древних коньков из всех, когда-либо найденных на планете. Хранятся они в Одесском археологическом музее. Эти костяные коньки, примерно 38—39-го размеров, принадлежали кимерийцам, кочевому племени, жившему 3200 лет назад в Северном Причерноморье.

Впервые упомянул о коньках в литературе кентерберийский монах Стефаниус, который в 1174 году создал «Хронику знатного города Лондона». Вот как описывал он зимние забавы: «Когда большое болото, омывающее с севера городской вал у Мурфильда, замерзает, целые группы молодых людей идут туда заниматься спортом на льду. Одни, шагая как можно шире, быстро скользят. Другие, более опытные в играх на льду, подвязывают к ногам берцовые кости животных и, держа в руках палки с острыми наконечниками, по временам отталкиваются ими ото льда и несутся с такой быстротой, как птица в воздухе или копьё, пущенное из баллисты...» Красиво писал монах, но, как и многие журналисты, любил, видимо, присочинить: разве на коньках можно бегать со скоростью полета копья? Но простим преувеличение древнему затворнику. Будем благодарны ему за его труд.

Итак, пока нет ясности, где и когда родились коньки. Посему примем на вооружение общепринятый факт: в средние века коньки уже распространились по многим странам Европы. Видоизменяясь, они дошли до наших дней.

Русский художник и популяризатор конькобежного спорта Гельфрих в начале XX века издал сборник «Катание на коньках в старинных открытках». Есть в этой книге один любопытный сюжет. Оказывается, еще в 1380 году в Голландии была написана картина, отображающая увлечение коньками. Целая баллада о коньках, радуге и снеге. Жила, мол, некая принцесса Людвина. Была она доброй, отзывчивой, выражаясь современным языком, демократичной: даже с простыми людьми дружила. И вот кто-то рассказал ей про катание на коньках по льду реки или канала. Принцесса решила освоить этот спорт сама. Прикрутила коньки к сапогам, поехала и... упала. Ведь не знала принцесса первой заповеди конькобежца: «Хочешь кататься — научись падать». Людвима с тех пор с постели не вставала — девушку парализовало... Когда король Голландии хотел после этой драмы запретить коньки в стране, дочь запротестовала: «Коньки — это удовольствие. И они не виноваты...» Вот так прокомментировал русский исследователь Гельфрих содержание старинной гравюры.

А когда коньки появились в Новом Свете? Были ли они завезены туда пионерами? Вопросы любопытные, потому что сегодня Канада и США далеко не последние страны среди культивирующих различные виды ммп.ко-бежного спорта — и бег, и фигурное катание, и хоккей. Я был на выставке в Оттавском муниципалитете, устроенной канадским инженером Луи Сен-Дени, человеком, который полвека назад был неплохим хоккеистом. И если его имя в истории хоккея не так впечатляюще, как имена Мориса Ришара, Горди Хоу, Бобби Халла и Бобби Ора, то для нас, ценителей коньков, Сен-Дени сделал очень многое, чтобы воссоздать историю. Он собрал коллекцию различных коньков, возраст которых превышает 500 лет!

Уже первые переселенцы из Европы на территорию нынешней Канады видели, оказывается, у местных жителей — ирокезов — коньки, сделанные из оленьей, овечьей или лошадиной фаланги. На таких

костяных полозьях местные жители бегали по замерзшим рекам и озерам.

Но были среди североамериканских аборигенов и такие племена, которые познакомились с коньками через европейцев. Так, к примеру, одному из первопроходцев, пересекших Атлантический океан, именно умение кататься на коньках спасло жизнь. Когда его взяли в плен местные индейцы, европейец не растерялся и пообещал научить кататься на коньках вождя племени. Он прикрутил полозья, покрутился на льду, показал несколько фигур, от которых индейцы пришли в изумление, а потом... быстрые коньки унесли пленника на свободу! Легенда примечательная: если бы ее не существовало, то пропагандистам коньков следовало бы ее придумать!

Первый конькобежный клуб открылся — это известно точно — в 1604 году в шотландском городе Эдинбурге. Сохранились даже условия, обязательные для всякого конькобежца, который намеревался стать членом клуба. При приеме в клуб абитуриенты сдавали экзамен: надо было проехать круг на одной ноге, перепрыгнуть через три шляпы, поставленные одна на другую, на большой скорости поднять шиллинг, лежащий на льду.

В 1763 году спортсмены туманного Альбиона провели первую международную товарищескую встречу с американскими скороходами.

Самое первое издание правил о коньках вышло тоже в Англии в 1772 году. Книга эта бесценна, ибо сохранилась в мире лишь в трех экземплярах. Кроме правил в ней собраны методические советы начинающим конькобежцам и фигуристам. Свыше двухсот лет назад англичане, как выяснилось, задумывались над техникой бега и прыжков над льдом и рисовали схемы и гравюры.

Через восемь лет эта книга вышла вторым изданием,

которое было, естественно, расширенным и дополненным.

Третья книга по истории коньков появилась уже в Германии. Она оригинальна по форме, потому что написана стихами.

Четвертая книга напечатана во Франции в 1813 году, когда над Европой гремели наполеоновские войны. Ее автор Жан Гаран дал ей оригинальное название: «Настоящий катальщик, или Принципы искусства катания на льду с грацией».

Одна из книг, вышедшая в Англии в 1823 году, принадлежала перу лейтенанта королевской артиллерии Роберта Джонса (иногда его фамилия пишется в транскрипции — Джоунз). Автор не пожалел места для названия книги — оно состоит из 24 слов: «Искусство катания, основанное на определенных принципах, извлеченных из многолетнего опыта; при помощи которых эти благородные, полезные для здоровья и приятные упражнения доведены до искусства».

Оказывается, и полтора столетия назад уже существовали определенные принципы катания. А обобщенный многолетний (ну надо же!) опыт? А коньки, понимаемые как спорт для здоровья? И сравнение коньков с искусством?

Книга эта была новаторской. Первый русский олимпийский чемпион Николай Панин-Коломенкин, изучая ее, нашел много деталей, свидетельствующих о бурном развитии коньков, о различных направлениях, по которым шло катание в Англии и Голландии — странах, считавшихся эталоном, законодательницами конькобежной моды.

Но вот что любопытно: в той же Голландии первая книга по конькам появилась сравнительно поздно — лишь в 1848 году. Впрочем, издание это можно назвать своеобразной энциклопедией — в нем собраны рисунки коньков всех систем. На одной из страниц упоминается о том, что впервые коньки к ботинкам приказал приклепать русский император Петр Первый, который, строя корабли в голландском лесном порту Заандаме (ныне именуемом Зандамом), увлекся в «свободное от работы время» конькобежным спортом. А будучи человеком сугубо практичным, сразу раскусил, что коньки и обувь должны составлять одно целое.

Позднее эту версию подхватили англичане в книге «Искусство катания». В 1910 году они даже объявили Петра Великого изобретателем конька, привинчиваемого к сапогу. Справедливости ради надо, наверное, согласиться с точкой зрения немецкого историка Фрица Ренеля, который писал: «Русские долго питали веру в то, что Петр Великий изобрел в Схидаме (еще одна транскрипция Заан-дама. — **А. Ю.**) древо-железный конек. Но он его, конечно, не выдумал, а только приобрел и привез в Россию, где бег на коньках был долгое время привилегией двора и сфер».

Здесь необходимо уточнение: коньки давно известны русским людям, которые очень любили эту полезную забаву. Но они до Петра Первого не соревновались в скорости, не демонстрировали красоту фигур. Английский дипломат Карлейль еще в 1663 году отмечал в своем дневнике зимнее увлечение москвичей коньками, то есть задолго до того, как русский император Петр ездил в страну, лежащую ниже уровня Северного моря в устье трех судоходных рек — Мааса, Шельды и Рейна. Прислушаемся к голосу объективного британца: «Зимой они имеют (как и голландцы) коньки, которые употребляют, когда воды покрыты льдом, но не для путешествия, а только для упражнения и согревания на льду...»

Работая в Голландии под именем плотника Петра Михайлова, император Петр вспомнил свою первую детскую «спортивную специализацию». Ведь он умел кататься уже в девять лет, а потом остыл к этому развлечению. И лишь в Голландии, увидев повальное увлечение народа бегом на коньках, не смог остаться равнодушным. И сам встал на коньки, и своих придворных увлек.

Голландец Яан Номен в прелюбопытнейших записках о пребывании Петра Первого в Нидерландах в 1697[^] 1698 годах оставил такое свидетельство: «Москвитяне... пользовались зимним временем и усердно учились кататься на коньках, причем они неоднократно падали и сильно ушибались. А так как они по неосторожности иногда катались по тонкому льду, то некоторые из них проваливались по шею в воду. Между тем они отлично переносили холод и потому не торопились надевать сухое платье, а продолжали кататься еще

некоторое время в мокром, затем уже переодевались в сухое платье и снова отправлялись кататься. Этим они занимались так ревностно, что делали успехи, и некоторые из них могли отлично бегать на коньках...» (Запись сделана 6 февраля 1698 года.)

Историки спорта отмечают, что катание на коньках как элемент физической культуры и вид состязания, увиденное Петром Первым и его сподвижниками в Голландии

и затем привезенное в Россию, пошло и быт народа, стало одним из любимых развлечений. Постепенно оно вытеснило дикие формы придворных забав в виде поединков между ловчими и дикими медведями, поединков, не уступающих по своей жестокости схваткам рабов со львами в римском Колизее для увеселения патрициев и паразитической толпы во II веке до нашей эры».

Дальнейший свет на историю коньков проливает заметка, напечатанная в русском журнале «Геркулес» в 1914 году. Ее автор, в частности, писал: «Со смертью Петра Великого исчез в России конькобежный спорт».

Да, коньки потеряли популярность, почти сто лет о них в России не было, как говорится, ни слуху ни духу... И лишь в двадцатые годы гениальный Пушкин (он и в пропаганде коньков первый!) спел им короткий, но до сих пор непревзойденный гимн в «Осени»:

Как весело, обув железом острым ноги,

Скользить по зеркалу стоячих ровных рек...

В двадцатые и тридцатые годы XIX века коньки возрождаются в России и даже становятся модными. В 1839 году издается книга преподавателя гимнастики военноучебных заведений Петербурга Г. М. де Паули «Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами». Паули назвал бег на коньках самым «приличным и полезным зимним удовольствием», которое, составляя забаву юношей, «воодушевляет нередко веселость и людей взрослых, возбуждая участие в самих зрителях». Преподаватель гимнастики свидетельствует для истории,

что «в течение прошедшей зимы не только число катающихся на коньках значительно увеличилось, но даже кадеты и воспитанники прочих заведений начали наслаждаться этим приятным удовольствием». Они уже катались на металлических коньках, изобретенных канадцем Е. Бушнеллом.

Лучше всех изучил геометрию конька Бушнелла русский ученый и педагог, олимпийский чемпион и воспитатель чемпионов Николай Панин-Коломенкин: «Конек Бушнелла впервые был сделан из металла целиком. Ни по высоте, ни по форме лезвия он не был похож на старые древо-железные коньки. Он был гораздо выше прежних и по внешности напоминал сапный полоз — лезвие спереди круто и закругленно поднималось к носку сапога; конек имел четыре стойки, последовательно повышающиеся от задней к передней...»

Конек Бушнелла, который впервые был сделан из металла, к сожалению, не решал проблемы крепления без ремней. Эту задачу решил другой американский изобретатель — Гейнс Джаксон, который прикрепил коньки к обуви самым элементарным способом — приклепал. Когда же Джаксон, которого принято считать отцом фигурного катания, приехал в Россию демонстрировать свое изобретение, он был поражен, узнав, что опоздал по меньшей мере на полтора столетия, что Петр Первый привез из Голландии подобные коньки (правда, древо-железные) еще в начале XVIII века...

В 1859 году знаменитый американский скороход Уэпли изготовил беговые коньки с лезвием рекордной длины — 50 сантиметров. Четырьмя годами позже в Канаде появились первые коньки для игры в хоккей, которые назывались «черный алмаз».

Коньки для детей, которые учатся овладевать искусством скольжения, появились в 1900 году и имели два полоза...

Первый каток «на суше» был залит в 1842 году в Англии жителем Лондона Генри Кирком; до того времени спортсмены пользовались льдом естественных водоемов...

Значительный вклад в разработку формы коньков для бега внес русский мастеровой, служащий Николаевской железной дороги Александр Паншин, в будущем первый чемпион России и победитель неофициального первенства мира 1889 года. Паншин нашел самую рациональную форму конька, которая позволяла бы показывать высокие скорости. Уже в 1887 году он смастерил по собственной модели удлиненные коньки (прообраз сегодняшних «норвежек»), на которых достиг выдающихся результатов. Правда, свои лучшие результаты Паншин показал не на тех коньках, что изготовил сам, а на тех, которые по его чертежам сделали в лаборатории хирургических инструментов: лезвие этих коньков было совершенно прямое...

Логичен вопрос: а какую дату следует считать точкой отсчета спортивного бега на коньках в России?

Ответа на этот вопрос нет. Одни историки предлагают вести счет с открытия Петербургского катка при яхт-клубе в Юсуповом саду в 1865 году. Другие настаивают на 1889 году, когда состоялся первый чемпионат России — в Москве, на Петровке, на катке речного яхт-клуба.

И хотя единого принципа определения начального момента истории русского скоростного бега на коньках не установлено, доподлинно известно другое: первые в России конькобежные состязания были устроены за чугунными решетками Юсупова сада. Программа соревнований сегодня вызовет улыбку: «Бег скорости» — от эстрады вокруг острова; «Бег на скорость со стульями, служащими для обучения новичков»; «Парный бег» — парная гонка, в которой кавалер и дама шли так называемым голландским шагом.

В журнале «Спорт» № 7 за 1903 год была напечатана статья председателя Российского олимпийского комитета Вячеслава Срезневского, написанная к 25-летию русского конькобежного спорта. Вот что писал Срезневский, человек, безусловно, знающий:

«Петербургское общество любителей бега на коньках основано в 1877 году. В 1881 году Общество начало обращать большое внимание на правильное развитие бега и искусства катания на коньках как спорта...

Общество любителей бега на коньках получило такую известность за границу, что в 1890 году могло собрать в Петербурге лучших в то время представителей Америки, Англии, Австрии, Голландии, Германии, Швеции, Норвегии на большие международные соревнования по случаю 25-летия катка в Юсуповом саду».

Первая в России организация скороходов называлась оригинально — Общество ржавого конька. В первые годы аристократы, создавшие это общество, ограничивали доступ на каток «строгим выбором и рекомендацией посетителей». Одна петербургская газета констатировала: «Лучшие семьи высокопоставленных лиц смело отпускали своих детей на каток Общества».

«В те времена многие представители даже интеллигентных слоев общества, в том числе и моих товарищей по университету, относились к занятиям спортом неодобрительно и с насмешкой, — свидетельствовал Николай Александрович Панин-Коломенкин. — Поэтому я решил скрыть свою фамилию под псевдонимом, что было тогда в большой моде среди спортсменов». Так студент Николай Коломенкин стал Николаем Паниным. Позднее, когда он уже работал инспектором Царскосельского уезда в финансовом ведомстве, Панин столкнулся с неприязненным отношением своего начальства к спорту и не решился раскрыть псевдоним. Директорат категорически запрещал своим служащим участвовать в каких бы то ни было соревнованиях. И финансовые деятели, читая газеты с отчетами о победах блестящего чемпиона России по конькам Николая Панина, даже не догадывались, что речь идет о скромном и тихом Николае Коломенкине — их подчиненном...

Когда после победы на Олимпийских играх 1908 года в Лондоне псевдоним инспектора Коломенкина оказался раскрытым, над головой «золотого русского», как называли его газеты Англии и Швеции, стугнулись тучи: ему стали грозить различными карами вплоть до ссылки в отдаленные провинции, где льда днем с огнем не сыщешь... И пришлось тогда Панину-Коломенкину бросить выступления в соревнованиях и засесть за книгу-монографию «Фигурное катание на коньках».

Для полноты картины добавим и такой штрих: будущий олимпийский чемпион был допущен на каток Юсупова сада по рекомендации председателя Общества ржавого конька В. Срезневского, который работал в университете вместе с дядей Коли Коломенкина, известным в то время автором учебников русского языка. И кто знает, не будь этой случайной цепочки знакомств — дядя Па-нина-Коломенкина и председатель «ржавого конька», — может быть, Россия и не узнала бы имени Панина, прославившего русский спорт, ставшего первым и единственным в дореволюционной России олимпийским чемпионом.

Та же случайность есть и в появлении на спортивной арене мещанина из Сестрорецка Александра Никитича Паншина. На каток Юсупова сада он проник чудом и предстал пред очами президента «ржавого конька» В. Срезневского.

— Уже сегодня я могу показать результат на дистанции в одну милю, не уступающий никаким голландцам и австрийцам, — сказал он Срезневскому. — А если потренируюсь как следует, то...

— Докажите это в соревнованиях, — холодно ответил председатель. — Скажите судьям, что я не возражаю против вашей кандидатуры на соискание высшей скорости...

В первых же состязаниях — 9 февраля 1886 года — Паншин показал отличный результат — 3.53,8 на дистанции 1609 метров (1 миля). Бежал он на круглых «яхт-клубовских» коньках.

А через год, выступая уже на коньках собственной конструкции, Паншин сбросил с личного рекорда на милю сразу 22 секунды.

В России ему равных не было. А в мире?

Общество решило на примере Паншина узнать истинную силу русских скоростников: Александра Никитича послали в Австрию на открытый чемпионат. Паншин лсг-ко завоевал первое место, опередив второго призера на 17 секунд, то есть больше, чем на 100 метров.

Паншин жаждал состязаний, ездил по Европе в поисках турниров. Он выигрывал у всех. А когда в январе 1889 года в Амстердаме организовали нечто вроде первого чемпионата мира, пригласив на турнир не знавшего поражений американца Джо Доногю, то Паншин очень легко выиграл у своего соперника. А ведь Доногю был моложе Александра Никитича почти на десять лет.

Доногю пытался, как и все американцы, объяснить свое поражение случайностями, падением.

— Не поскользнулся я на полмили, — говорил он, — русскому ничего бы не светило. Передайте это господину Паншину.

Господину Паншину передали. Александр Никитич только рассмеялся:

— Хочешь побеждать — умей стоять на коньках. Лед одинаково скользкий для всех. А что касается реванша, то в любом месте и в любое время!

Доногю назначил встречу в Австрии, на открытом первенстве Вены.

Паншин только на стартовой прямой видел спину бежавшего американца, а на повороте петербуржец мощно накатил и длинная фигура Доногю осталась где-то позади... Очередная победа!

Сильнейший скороход мира вернулся в свою страну. И титулов у него было достаточно, и мировых достижений множество, а вот одного звания не хватало — чемпиона России.

И тут Паншину повезло. Москвичи, не дожидаясь официального решения петербургских руководителей Общества любителей бега на коньках, объявили о проведении первенства России в беге на три версты...

Первый чемпионат России разыгрывался на дорожке в 200 метров. Нужно было преодолеть 15 кругов. Победил, естественно, Паншин, выигравший у второго призера 11 секунд. Серебряную медаль завоевал Сергей Пу-ресев — молодой врач, который завоюет в

недалеком будущем звание чемпиона России и достойно пронесет эстафету своего предшественника Паншина...

Анатолий Юсин

Глава I

НАЧАЛО

На Петровке у входа на хорошо знакомый и сейчас москвичам каток стоял высокий, могучего телосложения человек и кричал зычным голосом зазывалы: «Милостивые господа! Спешите не пропустить истинно удивительное зрелище! Сейчас будет разыгран первый в истории России чемпионат мастеров бега на коньках! Спешите видеть, господа!»

В приложении к русскому журналу «К спорту!», выходявшему на рубеже веков, один из очевидцев этого события определил число зрителей в 1500 человек, что по тем временам было цифрой колоссальной. В программу был включен бег всего лишь на одну дистанцию — 3 версты (около 3200 м). Каждому из участников предстояло преодолеть пятнадцать кругов по дорожке, но существу не имевшей виражей, с «тупыми» поворотами.

На старт вышли все сильнейшие скороходы России: А. Зим-ницкий и А. Паншин из Петербурга, москвичи С. Пуресев, Д. Ла-уш, П. Виноградов, Н. Похильский, А. Алексеев. Но Паншину отдавали победу заранее — слишком высок был его авторитет.

На прохождение дистанции установили лимит — 8.40,0. Кто не укладывался в это время, в финал не допускался.

В первом забеге Паншин легко убежал от всех конкурентов, хотя среди них был лучший конькобежец Москвы Сергей Пуресев. Паншин финишировал через 7.21,75. Пуресев показал 7.47,5. На третьем месте Лауш — 8.05,8. Во втором забеге, легко оторвавшись от остальных, первым закончил дистанцию Виноградов 8.05,75. Лишь ему и Похильскому (8.38,0) удастся

выполнить квалификационный норматив, чтобы попасть в финал. В третьем забеге этого добился только Зимницкий — 8.06,0.

В финале борьба развернулась, как и предполагалось, между Паншиным и Пуресевым. Правда, Пуресев не выдержал темпа, предложенного петербуржцем, и Паншин заканчивал дистанцию в одиночку под аплодисменты болельщиков. Судьи объявили время первого чемпиона России — 7.30,0. После финиша, едва успев отдышаться, Паншин дал одно из первых в истории нашего спорта интервью:

— Дорожка маловата, одни повороты, не бег на коньках, а какая-то карусель...

В следующем году на первенстве России победил... норвежец Альфред Норсенг. Что ж, удивительного в этом ничего нет: в то время большинство национальных первенств были открытыми. (Паншин, к примеру, носил титул чемпиона Австрии.) Именно поэтому лучший из русских скороходов москвич Сергей Пуресев в 1890 году занял лишь третье место, уступив Норсенгу и финскому спортсмену Ф. Бальчевскому. Кстати, только эти трое скороходов и вышли в финал первенства России 1890 года, которое состоялось 9 февраля (по старому стилю) на катке зоологического сада. Квалификационный норматив для выхода в финал на дистанции составлял ровно 7 минут. В первом забеге Норсенг финишировал через 6.31,75. Во втором лучшим был Бальчевский — 6.38,0 у Пуресева — 6.38,25.

Квалификационный норматив из года в год совершенствовались, устанавливали новые, более сложные ориентиры, и попадать в финал становилось труднее. В 1892 году произошел казус: в одном из предварительных забегов фаворит первенства Пуресев не сумел уложиться в отведенное для выхода в финал время (6.30,0). Публика же, собравшаяся на катке, требовала, чтобы их любимец был допущен к решающему старту, где он мог рассчитывать на победу. Но судьи не пошли на это. В результате выиграл Александр Белоусов со временем, значительно уступающим своему предварительному результату, — всего 6.49,25. Тогда Пуресев,

получив разрешение на внеконкурсный старт, пробежал 3 версты за 6.26,75 — значительно быстрее чемпиона.

С 1896 года Международный союз конькобежцев стал разыгрывать ежегодные первенства мира как по скорости, так и по искусству. Право провести первое подобное состязание было предоставлено России. Организатором выступило Петербургское общество любителей бега на коньках.

Скоростные соревнования, как тогда говорили, были проведены 7 и 8 февраля на специально подготовленной дорожке ипподрома Семеновского плаца, так как каток Юсупова сада ни по протяжению, ни по форме не отвечал требованиям правил международных соревнований. Лучшим из наших конькобежцев стал Александр Паникин, который оказался вторым на пятисотке.

Русские спортивные клубы, к сожалению, редко посылали сильнейших конькобежцев страны за границу. На рубеже веков только петербуржец Эдуард Фоллейвендер участвовал в первенствах континента 1899 и 1900 годов и оба раза занимал третье место.

В 1903 году толчок развитию скоростного бега на коньках в России дал чемпионат мира, прошедший в Петербурге. Для этого залили специальный каток на Марсовом поле. На первой дистанции 500 метров русские конькобежцы выглядели посредственно. Но на следующей дистанции — 5000 метров — они преподнесли сюрприз. Москвич Сергей Григорьев и петербуржец Григорий Киселев попали в одну пару. С первых метров дистанции Киселев убежал от своего соперника. С каждым кругом разрыв становился все большим и большим. Время Киселева на финише — 10.08,0 — можно было признать достаточно высоким. В следующем забеге стартовал норвежец Теодор Беннес, которого считали одним из претендентов на победу. К половине дистанции он опережал график Киселева на 3,5 секунды, но затем преимущество норвежца исчезло, и он проиграл. Так Киселев стал первым в истории

конькобежного спорта России победителем на дистанции чемпионата мира.

Появление в том же сезоне на московских катках Николая Седова, человека с исключительными физическими данными, феноменальной выдержкой, безукоризненным по красоте стилем, произвело полный переворот в русском конькобежном спорте. С имени Седова начинается слава русских конькобежцев. В столице Финляндии Гельсингфорсе на чемпионате мира 1906 года Седов произвел уже настоящий фурор, выиграв две дистанции.

Эстафетную палочку от Седова принял Николай Струнников, безусловно, один из самых талантливых конькобежцев за всю историю коньков нашей страны. Ему, первому в нашем отечественном спорте, покорился рубеж мирового рекорда, он был увенчан лавровыми венками чемпиона мира и Европы, ему удалось прервать серию побед, казалось бы, непобедимых скандинавов во главе с норвежцем Оскаром Матисеном.

К сожалению, Струнников, как и ряд других талантливых скороходов, рано оставил активные занятия спортом. Но на смену ему пришли братья Василий и Платон Ипполитовы, Никита Найденов, а чуть позднее Яков Мельников. Все они с успехом выступали на внутренних соревнованиях, а когда им доводилось защищать честь России на международной арене, боролись за высокие места.

В феврале 1910 года в Москве в конькобежных соревнованиях \ на катке зоологического сада впервые участвовали женщины. На старт вышли Воломеева, Евдокимова, Кузьмина и сестры Кривенчевские. По условиям состязаний каждая участница бежала один круг в паре с мужчиной, взявшись за руки. В 1911 году женщины стали выступать в одиночном беге на дистанции 500 метров. В 1911—1912 годах состоялись три турнира для женщин. Большинство участниц бежало в длинных юбках, полупальто, и лишь немногие из них решались надеть брюки. Соревнования среди женщин проводились в перерывах между забегами мужчин. Особенно выделялась Елена Кривенчевская.

В 1912 году участницы бежали дистанции 500 метров по дорожке с четырьмя поворотами, но в паре с мужчиной. Победила пара Воломеевой со временем 1.19,0. В следующих состязаниях того же года в паре с известным скороходом Евгением Бурцевым отличилась Елена Кременчевская.

Созданная в 1914 году московская конькобежная лига включила в программу соревнований на первенство Москвы бег на коньках для женщин на 500 метров. Многие конькобежки впервые бежали в спортивном трико. Состязания выиграла Елена Кременчевская со временем 1.05,0. Причем после окончания соревнований было официально объявлено, что она сильнейшая конькобежка России. Иначе говоря, Е. Кременчевскую можно считать первой и единственной чемпионкой России. После 1914 года и вплоть до Октябрьской революции ни одно спортивное объединение не проводило крупных стартов для женщин.

Скоростной бег на коньках, пользовавшийся в России особой популярностью, принес отечественному спорту немало славных побед. Это единственный вид, в котором представители царской России не раз сумели добиться крупных успехов. Но они были бы еще ярче, если бы правительство уделяло спорту больше внимания, а руководство клубов и объединений относилось бы к скоростному бегу на коньках серьезнее и выделяло нужные средства.

Александр Любимов

Ольга Струнникова РУССКОЕ ЧУДО

Мне кажется, успех никогда не минует спортсмена, если он искренне предан своему виду и упорно тренируется. Эта преданность и упорство должны обязательно быть вознаграждены. Может быть, это произойдет не очень скоро, но такой момент непременно наступит.

Николай Струнников был самозабвенно влюблен в коньки, и сейчас мне очень трудно припомнить хотя бы два дня подряд, когда бы он не тренировался. Летом Николай много ездил на велосипеде и мотоцикле, а с наступлением зимы, разумеется, бегал на коньках. Тогда, правда, не

говорили «бегал», чаще можно было услышать такое расхожее сочетание «прошел на коньках». Что ж, за семьдесят пять лет — с момента завоевания Струнниковым титула чемпиона мира — скорости изменились.

Помню, Коля всегда вставал очень рано, быстро начинал делать самые различные физические упражнения, потом готовил себе завтрак и убежал на службу, приходил домой, брал свои коньки и шел на каток пешком. Мы жили около площади, где сейчас расположены три вокзала, а каток находился совсем рядом, около Красных ворот.

На льду Николай появлялся всегда в одно и то же время — в половине шестого. И начиналась тренировка. Сначала бегал «на технику», как он любил говорить, потом отработывал скорость и под занавес, на закуску, вместо ужина Николай пробегал 25 кругов. Эти заключительные десять километров он преодолевал при любой погоде — плюсовой и в сильные морозы, а они случались нередко. Как-то пришел Коля с тренировки и говорит: «Так не хотелось бежать эти 25 кругов, еле уговорил сам себя». Посмотрела я на градусник — минус сорок. На улице — ни души. Оказалось, что Николай один на катке катался. Не тренируйся Струнников так упорно и ежедневно, никогда не стать бы ему чемпионом мира, континента, России...

Познакомилась я с Николаем Васильевичем Струнниковым совершенно случайно. Отец Коли Василиск Ермилович (впоследствии почему-то журналисты стали называть его Василием, но это ошибка) шел на свадьбу к сыну приятеля. И отец жениха предложил: «Василиск Ермилович, ты своего Кольку-то возьми с собой, чего ему дома сидеть». А я была лучшей подругой невесты и, как принято сейчас говорить, свидетельницей.

Невысокого роста молодой человек мне сразу понравился. Он как-то выделялся среди остальных. А как танцевал — ему равных не было. Помню, Коля хотел меня на танец пригласить, но его все опережали мои братья и их приятели. Мы тогда, наверное, только раз и станцевали. Потом он признался, что очень смущался. Он вообще был очень скромный.

На том празднестве нам толком познакомиться не удалось, и Коля потом стал искать возможность для новой встречи. Время было тогда другое, просто так прийти в гости к малознакомым людям было нельзя. Коля приложил немало усилий, чтобы его отец через своих знакомых сумел представить нас друг другу по бытовавшему тогда этикету. Затем Коля за мной ухаживал три года и только после этого сделал предложение. Свадьбу сыграли в 1908 году.

У многих впоследствии создалось впечатление, что именно Коля привил мне любовь к катанию на коньках. Совсем не так было: и до нашего знакомства я часто ходила на каток и даже на велосипеде каталась. В начале века конькобежный спорт пользовался большой популярностью среди молодежи. Причем на каток приходили даже без коньков. Считалось хорошим тоном просто посещение катка. Его хозяева кроме массового катания устраивали различные представления, карнавалы.

После свадьбы я очень часто сопровождала Колю на каток. Он обычно оставлял меня на попечение своих друзей, а сам начинал тренироваться. Со мной он почти никогда не катался. «Оленька, — оправдывался он, — ты мои коньки можешь попортить, что я тогда буду делать. Ты уж лучше с кем-нибудь другим походи».

За своими знаменитыми «гагами» он следил, всегда вытирал, когда уходил со льда, клал их в специальный мешок. Правда, его «бегашки» резко отличались от всех остальных, какие я видела и держала в руках. Были они необычайно легкие, кожа на ботинках очень мягкая. Другие коньки возьмешь в руки — они точно гири, а Колины, как пушинка. Коля рассказывал, что их подарил ему знаменитый норвежский конькобежных дел мастер — Хаген. Фамилию я его помню, а имя, к сожалению, забыла.

Конькобежный спорт в начале своего развития в России многим был обязан арендаторам катков, которые не только представлениями, но и различными соревнованиями старались привлечь на лед публику. В целях поднятия интереса со стороны зрителей к старту допускалась сразу группа в 10—12, а иногда и более человек. Поэтому соревнований на короткие дистанции не устраивали, так как судьи

легко могли ошибиться при определении победителя. Бег проводился обычно на 20 кругов, что с учетом меньшей длины многих тогдашних дорожек составляло приблизительно 5000 метров.

Долго Коля бегал по второму разряду действующей тогда классификации, и только в 1906 году ему дали возможность состязаться со скороходами первого разряда. С бывшим тогда лучшим конькобежцем России Николаем Седовым Струнников встречался неоднократно в групповых забегах, но всегда, будучи намного сильнее всех, Седов уходил вперед на два-три круга. Но в 1906 году Струнников заметно улучшил свои достижения, и в его лице Седов приобрел сильного соперника, способного бороться с ним на равных.

В 1907 году на знаменитом катке зоологического сада, недалеко от которого жил сам Седов, были в очередной раз устроены состязания не парами, а с общего старта. Интерес подогревался еще тем, что Седов решил принять участие в соревнованиях, хотя обычно он стартовал вне конкурса. Среди зрителей разгорелись горячие дебаты: сумеет ли Седов обойти Струнникова на круг или не сумеет. В победе Седова, конечно, никто не сомневался.

Дали старт. Именитый скороход легко оторвался от всех конкурентов, лишь Струнников держался за ним. Круг за кругом они идут конек в конек, Седов пытается увеличить темп после половины дистанции, но Струнников на этот раз не отстает. На последнем круге произошло непредвиденное: Струнников сделал решительный рывок и на финишной прямой оторвался от своего маститого соперника.

Времена были тогда суровые. Как только закончился забег, ко мне подбежал Коля и быстро проговорил: «Оля, бери мои коньки под мышку и направляйся ко мне домой, а я потом приду». Я очень разволновалась, захотела узнать, в чем дело. К нам подошел его приятель и все объяснил: «Струнников выиграл у Седова, чьи дружки с Пресни собираются теперь побить Колю, тикать надо быстрее». Вот как иногда доставались победы. А на Седова это поражение так сильно подействовало, что он больше не пожелал встречаться в сериях со Струнниковым.

Главными состязаниями в Москве были, конечно, чемпионаты столицы, которые разыгрывались на дистанции 5000 метров (стартовали парами), и первенства России, которые проводились на дистанциях 500, 1500 и 5000 метров (дистанция 10 000 метров в нашей стране тогда не включалась в программу состязаний).

I

С 1904 по 1907 год включительно Седов не отдавал никому первого места ни в чемпионатах Москвы, ни в первенствах России, но с 1908 года во всех самых крупных состязаниях побеждал Струнников.

В 1908 году, несмотря на тщательную подготовку к нашей свадьбе, Коля успевал интенсивно тренироваться и на чемпионате города выиграл у всех конкурентов, показав на 5000 метров 9.41.0. А затем, через несколько недель, на катке зоологического сада уверенно победил на состязаниях сильнейших скороходов России, пробежав 500 метров за 50,0, 1500 — за 2.40,0 и 5000 метров за 9.26,8

На следующий год Коля в первенстве Москвы не стартовал: он был приглашен в Петербург. Чемпионаты России в то время проводились, как правило, в Москве, и спортивные клубы Петербурга решили провести свои соревнования и пригласили всех сильнейших конькобежцев. Устроители назвали эти старты очень громко — Кубок национального первенства России.

Конечно, организаторы мечтали видеть победителем своего земляка, но Григорию Блювасу удалось выиграть у Струнникова лишь на самой короткой дистанции. На остальных трех Николай легко обошел всех конкурентов, установил новые рекорды России (5000 м — 9.05,0; 1500 м — 2.33,6 и 10 000 м — 18.27,2) и завоевал главный приз.

Интересно, что эти старты явились первыми, в ходе которых был проведен подсчет очков в классическом многоборье. Струнников набрал прекрасную для того времени сумму очков — 211,813.

И все же нашлись тогда злые языки, утверждавшие, что Струнникову повезло и что уж на первенстве России ему первого места не видать.

Считалось, что Блювас возьмет убедительный реванш, к тому же ожидался приезд из Норвегии Евгения Бурнова. Тот выступал за рубежом на чемпионате мира и выиграл там обе стайерские дистанции, но из-за слабых результатов на 500 и 1500 метров не попал даже в тройку призеров. Однако ни Блювас, ни Бурнов Струнникову в 1909 году конкуренции не оказали.

В 1910 году Николай победил с высокими результатами на первенстве Москвы, а еще через несколько дней на катке гимнастического общества «Сокол» завоевал титул чемпиона России, установив рекорд страны на 500 метров — 47,2. Было решено послать Струнникова и Буркова на первенство Европы в Выборг.

Уехал Коля в середине февраля: чемпионат должен был состояться 26—27 февраля (даты даны по новому стилю). Но закончился февраль, начался март, а Коли нет, нет и никаких вестей от него. Радио тогда только делало первые шаги, а в газетах спортивные новости печатались обычно со значительным опозданием. Вдруг неожиданно пришла телеграмма: «Выиграл первенство мира. Николай».

Получила я эту телеграмму и страшно удивилась: почему чемпионат мира, когда он на чемпионат Европы поехал. Решила, что это почта что-то перепутала. Но через несколько часов прибежал кто-то из клуба и сказал, что Коля выиграл действительно чемпионат мира. Правда, почему мира, никто не мог понять.

Наконец приехал сам Николай. Вот что он рассказал: «Первенство Европы я выиграл довольно легко. Даже неожиданно легко. В первый день на пятисотке проиграл только норвежцу Оскару Матисену, на 5000 обыграл всех. Но особенно памятны мне 1500 метров. Дорожка была очень тяжелая, просто каша. Бежали мы с моим главным соперником Матисеном в одной паре. Нога в ногу, никто не хотел выходить вперед. Но затем мы резко взвинтили темп. Когда входил в последний поворот (заканчивал я бег по большой дорожке), был уверен, что Матисен, вошедший в поворот вместе со мной, выйдет на прямую метров на десять впереди. Тем более что ноги у меня подгибались, а в глазах появились предательские фиолетовые круги. Велико же было мое удивление, когда я вышел из виража метров на

десять впереди Матисена, а на прямой, энергично финишируя, еще больше увеличил просвет.

На заключительной дистанции — 10 000 метров условия были такие, что скорее это было похоже не на «ходьбу на коньках», а на плавание. Мой результат был 24.42,8. Матисен проиграл полторы минуты. В итоге я был провозглашен чемпионом Европы.

На первенство мира я попал случайно. Соревнования должны были состояться в Клагенфурте, в Австрии, но там растаял лед, и старты были перенесены в столицу Финляндии — Гельсингфорс (теперь Хельсинки). Тогда мы решили не возвращаться в Москву, а поехали сразу в Гельсингфорс. На этот раз борьба была намного упорней. Матиссен заявил, что обязательно побьет «черного черта», как он называл меня за то, что я всегда выступал в черном косо ме. Действительно, норвежец подготовился отлично. В первый день Матиссен прекрасно пробежал обе дистанции 500 и 5000 — и лидировал. Во второй день стартовали сначала на 10 000. Причем мне пришлось бежать по жребью раньше Матисена. Но я решил отдать этому бегу все, что могу, все силы. Когда закончил дистанцию, думал, что сердце выскочит. Матиссен бежал после меня, но преодолел 25 кругов значительно слабее.

Вот где пригодилась ежедневная тренировка в беге на десять километров. Моей любимой всегда была полуторка, но благодаря настойчивости и усердию на тренировках длинные дистанции, которые вначале не давались, стали затем моим «коньком». Благодаря отличному выступлению на 10 000 метров судьба мирового первенства была решена. Я мог даже немного проиграть Матисену на заключительной дистанции. Он действительно опередил меня всего на 0,4 секунды, но я стал чемпионом мира. Ко мне подбежал единственный земляк — Женя Бурнов, мы обнялись и расцеловались от счастья».

Я все еще не верила, что мой Коля самый сильный скороход на всей земле. Еще и еще раз требовала, чтобы он повторил свой рассказ. Отец Николая Василис к Грми-лович слушал рассказ сына, повторяющийся несколько раз, очень внимательно, но ни разу ни одного вопроса не

задал. И вдруг как во весь голос гаркнет: «А ну, ребята, собирай тесь, едем в ресторан гулять — в «Яр»!»

Русское гимнастическое общество «Сокол» устроило специальное заседание, на котором присутствовало более двухсот представителей разных видов спорта. Вот что написал по этому поводу один из российских журналов «К спорту»: «От имени совета выступил председатель общества господин И. И. Касаткин, было сообщено спортивной комиссией общества, что со следующего сезона будет разыгрываться переходящий приз имени Струнникова, затем Струнников рассказал о своем выступлении на чемпионатах мира и Европы. Весело и оживленно прошел затянувшийся далеко за полночь товарищеский ужин в одном из самых больших ресторанов Москвы. Как заседание, так и ужин носили чрезвычайно теплый и сердечный характер».

К следующему сезону Николай подготовился отлично. 1 января 1911 года он установил рекорд России на 1000 метров— 1.38,0, через неделю на 1500 метров — 2.29,4. 14 и 15 января впервые были разыграны переходящие призы имени Струнникова. Вне конкурса стартовал и сам Николай. Каково же было удивление зрителей, когда чемпион мира потерпел поражение от молодого Хорькова. После этого проигрыша многие журналисты обрушились с критикой на Струнникова. Настроение у Коли, когда он уезжал на чемпионаты мира и Европы, было пессимистическим. Но каково было наше удивление, когда через три недели пришла неожиданная телеграмма: «Струнников побил мировой рекорд на дистанции 5000 метров».

А потом я получила Колино письмо. Вот что там было написано: «В день приезда начались соревнования шведско-норвежского кубкового матча. Я подошел к Левину, корреспонденту «Русского слова» и представителю общества «Сокол» на соревнованиях, и сказал, что мне хотелось бы пробежать 5000 метров. Он передал это судьям, они очень обрадовались и согласились меня допустить. Мне в пару дали второразрядника Гундерсена, брата того Гундерсена, который установил мировой рекорд на 500 метров в Давосе. От своего противника я сразу оторвался и, когда закончил дистанцию, узнал, что

побил мировой рекорд. Был страшно удивлен, так как бежал в тренировочном костюме и не стремился показать рекордного времени. Тем самым я побил рекорд шестнадцатилетней давности голландца Япа Эдена на ²Д секунды. Мое время было 8.37 и ¹/5 секунды. Порадовался этому и Оскар Матисен. Он был со мной в отличных отношениях вне катка. Больше всех сиял толстый Иоган-сон — единственный мастер по изготовлению льда. Он сказал, что в Норвегии лед можно сделать не хуже, чем в швейцарском Давосе, и рекорд блестяще подтвердил его слова».

Затем Коля стартовал на международных состязаниях в столице Норвегии, потом на чемпионате Европы в Тронхейме и еще через неделю в Тронхейме вновь выступил с триумфом на первенстве мира. В 1911 году Коля стартовал за границей на различных дистанциях тринадцать раз и ни разу не проиграл.

Блестяще начал Струнников и следующий сезон. В начале зимы 1912 года на катке на Патриарших прудах он установил рекорд России на 500 метров — 46,0. Коля любил повторять, что это счастливый случай. Действительно, на дорожке длиной всего 273 метра пришлось «повертеться» при сильном ветре и на весьма неважном льду. И вдруг такое время! Вечером на тренировке Коля попробовал свои силы на 1500 метров — и вновь время было выше официального рекорда России — 2.29,0. С большим интересом ожидали выступления Струнникова за границей на мировом и европейском форумах. Но...

Вот что писал в своей статье «Быть или не быть первенству мира за русскими?» журнал «Русский спорт»: «Дело в том, что для обеспечения победы одного Струнникова мало. Необходима еще посылка представителя, который бы мог следить за правильностью самого состязания и защищать интересы русского конькобежца. Действительно ли необходима такая посылка, станет ясно из того, что сам Струнников категорически заявляет о своем отказе ехать на первенство мира одному. Достаточно вспомнить тернии мировой славы, с которыми пришлось встретиться в первую поездку в 1910 году: звонок, возвещавший о последнем круге, почему-то не звучал вовремя, в счете кругов как-то странно сбивались, да и других помех

хватало. Не говоря уже о безвыходном положении человека, незнакомого с иностранным языком!»

Но руководство клуба, тратившее огромные суммы на забавы своих руководителей, не нашло необходимых 100 рублей на посылку представителя, и Струнников решительно отказался от дальнейшего участия в состязаниях. Так в царской России наплевательски отнеслись к яркому, многогранному таланту выдающегося спортсмена.

После революции Николай продолжал служить своему любимому делу — конькам. С шести часов вечера его всегда можно было увидеть на стадионе «Буревестник» в Самарском переулке. Он делал все, что требовалось, не отказываясь ни от какого дела. Обычно после работы приходила на стадион и я, помогала ему, часто судила соревнования.

Тренировал он и молодых скороходов. Лучшим его учеником был Александр Люскин, неоднократный призер чемпионатов страны, обладатель нескольких рекордов СССР.

Записал Александр Любимов

Александр Никитич Паншин происходил из мещан города Се-строрецка и служил счетоводом в правлении Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги.

Это был коренастый, мускулистый человек среднего роста, глаза с постоянно расширенными черными зрачками придавали его бритому с усами лицу выражение решительности и упорства.

В те времена конькобежцы носили преимущественно короткие, но довольно широкие темные панталоны и шерстяные чулки, так что голень была гладко обтянута. Но Александр Никитич почему-то начал носить сверх ботинок с коньками сапожные голенища «бутылками», которые сильно портили его мощную фигуру. В таком костюме он и выступал на соревнованиях, когда впоследствии стал фигуристом.

Первое выступление Паншина-конькобежца в скоростном состязании, как тогда говорили, состоялось 9 февраля 1886 года на круглых «яхтклубовских» коньках на дистанции в 1 милю (1609 метров). Он без труда занял первое место, показав время 3.53,8, опередив известных скоростников того времени Гусарова и Девятова.

В 1887 году Паншин заказал себе в мастерской хирургических инструментов удлиненные коньки собственной модели с лезвием, касающимся всей поверхностью полоза. Скорость бега на таких коньках заметно возросла, и на международных соревнованиях в Петербурге в 1887 году Паншин опередил представителя Гельсингфорса Ф. Бальчевского, пробежав 1 милю за

3. 31,0 а 100 ярдов — за 10,4. После этого и было решено направить Паншина на соревнования за границу.

Выступив в январе 1888 года на чемпионате Австрии, русский конькобежец оказался первым, опередив в состязании на милю австрийца Блаттера на целых 17 секунд, иначе говоря, более чем на 100 метров. Результат Паншина — 3.35,0 был выше рекорда, установленного здесь же, в Вене, одним из сильнейших скороходов мира норвежцем Акселем Паульсенем.

7 февраля 1888 года (по старому стилю) Паншин выиграл в Москве неофициальное первенство России в беге на 8 верст, показав время 21.20,0 и победив москвича, студента-медика Сергея Пуресева.

В следующем зимнем сезоне пришли к Паншину самые большие победы.

В январе 1889 года Амстердамский клуб конькобежцев устроил большие соревнования на звание лучшего скорохода мира по скорости. Чтобы завоевать его, нужно было выиграть три дистанции. В числе участников был сам Джозеф Доногю, о котором ходили легенды. 19-летний американец на родине не знал поражений, и за свои выдающиеся результаты был прозван Джо-

циклон. Кроме него и Паншина на старт вышли англичане Чарльз-Гудман Теббот и Джеймс Лавдей, голландец Клас Пандер и другие.

На первой дистанции — полмили — давался общий старт. Доногю неожиданно упал, Паншин же финишировал первым с мировым рекордом 1.24,6. Американец подал протест, требуя перебежки, мотивируя это своим неожиданным падением. Судьи долго совещались. В правилах ничего подобного не значилось. Наконец вынесли решение: «Не падай!» Соревнования продолжались.

Надо сказать, что Паншин больше тяготел к бегу на короткие дистанции и на второй день опередил в беге на милю с результатом 2.58,6. На сей раз старт давался парами, и жребий свел в одном забеге Доногю и Паншина. Перед самым финишем русский скороход продемонстрировал свой знаменитый спурт и первым закончил дистанцию. Лишь на третий день, соревнуясь на дистанции 2 мили, Доногю удалось наконец победить — 6.24,0; Паншин показал 6.31,0.

Так как никто из участников не выиграл всех трех дистанций, главный приз не был присужден, однако превосходство Паншина для всех было очевидным.

Затем путь Александра Паншина вновь пролегал через Вену, где он вторично выступил в первенстве Австрии. Туда же отправился и Доногю вместе со своими тремя ассистентами — врачом, массажистом и представителем. В австрийской столице Паншин внезапно заболел. Американец теперь не сомневался в своей победе и по телеграфу предложил членам своего клуба в Америке крупное пари на сей счет.

Но Паншин все же вышел на старт с температурой около 39 градусов. В программе была одна дистанция — миля. Сперва Паншин держался за американцем, но вскоре начал отставать. Перед последним кругом он уступал Доногю почти 15 метров. И вдруг сразу после гонга русский скороход вынул из-за спины руку и бледный, со стиснутыми зубами рванул вперед что было сил. Он

промчался как ветер мимо ошеломленного соперника и финишировал первым, показав время 2.57,0. Паншин на 38 секунд улучшил свой результат 1888 года на этом же льду.

Из Вены Паншин направился в Прагу, выступал там и стал чемпионом Чехии.

В следующем году Паншин в третий раз выиграл в Вене бег на милю и звание сильнейшего конькобежца Австрии. Но дома его ждала неудача.

В 1890 году в Юсуповом саду были проведены большие состязания по случаю 25-летия катка в скоростном беге на коньках и фигурном катании. На дистанции всего 100 ярдов Паншин проиграл малоизвестному скороходу из Петербурга И. Линдстеду. Результат был явно случайный, но это так раздосадовало Паншина, что он отказался от дальнейшего участия в соревнованиях.

Юбилейный приз достался норвежцу Норсенгу.

С этого времени начался закат Паншина как конькобежца, и, когда 9 февраля 1892 года (по старому стилю) москвич Сергей

Пуресев победил его в Юсуповом саду в беге на 3 мили, всем стало ясно, что карьера Паншина-конькобежца закончена. Все называли преемником Паншина Пуресева, который произвел очень приятное впечатление своим быстрым, спокойным и уверенным длинным шагом.

Паншин перестал с того времени участвовать в соревнованиях по скоростному бегу на коньках, но зато успешно выступал в фигурном катании.

Александр Любимов

НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ

Впервые о Николае Седове заговорили в 1903 году, когда он успешно выступил на соревнованиях в Москве. Но уже в следующем году ему не было равных во всей России. Особенно уверенно выступал Седов на стайерских дистанциях.

Почетное звание чемпиона он удерживал до 1907 года включительно. Иными словами, Седов становился победителем первенства страны четыре раза подряд, чего ни до него ни после не удалось ни одному конькобежцу.

Успешно выступал Седов и в международных стартах. Русские конькобежные объединения некоторое время не направляли своих представителей на чемпионаты мира и Европы, и только после ярких побед Седова над соперниками на русских катках было решено отправить его на первенство мира 1906 года. (Была возможность послать сильнейшего конькобежца России и на чемпионат Европы, но в последний момент денег пожалели...)

И вот столица четырнадцатого чемпионата мира — финский город Гельсингфорс (ныне Хельсинки). Стадион празднично украшен флагами четырех стран, приславших своих спортсменов: Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Русские скороходы принимают участие после двухлетнего перерыва. Впрочем представитель России всего один: Николай Седов.

Погода совсем не соревновательная: дует пронзительный ветер, идет сильный снег. Естественно, на стадионе почти никого — в такую пургу зрители не решились прийти на стадион.

Седов стартовал на пятисотке в первой паре и показал довольно высокий для таких условий результат — 53,0. В итоге время это оказалось четвертым.

К началу следующей дистанции ветер поутих, но снегопад не прекратился. На этот раз Седову предстояло бежать в одной из последних пар. Здесь все внимание было приковано к двум конькобежцам — чемпионам континента двух последних лет Рудольфу Гундерсену из Норвегии и хозяину первенства финскому

спортсмену Джону Викандеру. Но оба показали посредственные результаты. А лучшее время принадлежало финну Гуннару Стремстену, и все сходились на том, что его результат никто не улучшит. И все же Седову это удалось! 9.45,2 — победное время русского скорохода!

Не менее впечатляющей была его победа и на другой стайерской дистанции — 10 000 метров. Седов вначале отпустил своего партнера — Стремстена, а затем догнал его и финишировал с великолепным результатом — 19.03,6. Стремстен отстал на 58,2 секунды.

И все-таки русский скороход не стал чемпионом: по правилам того времени для победы на первенстве мира было необходимо выиграть как минимум три дистанции. Седов выиграл две. Если бы состязания проводились по современным правилам, то, без сомнения, он был бы провозглашен чемпионом. Его сумма очков была лучше, чем у других конькобежцев.

И еще одна интересная деталь. Многие считают Седова основоположником русской техники скоростного бега на коньках. Его ровный размашистый шаг на стайерских дистанциях послужил примером для многих молодых конькобежцев, ставших выдающимися мастерами.

Александр Любимов

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

После Николая Струнникова многие считали, что русские скороходы не смогут теперь бороться за мировое и европейское первенство. Пока же, утверждали они, речь может идти только о соревнованиях внутри страны.

На чемпионате России 1911 года основную борьбу вели два молодых москвича Василий Ипполитов и Никита Найденов.

На трех разыгрываемых дистанциях — 500, 1500 и 5000 метров победил Ипполитов.

Хозяин известной слесарной мастерской, у которого работал Василий, после его победы на чемпионате России зло выговаривал: «Слушай, Вася, работник ты отменный, но надоел ты мне — на коньках катаешься. Ты же у меня клиентов отбиваешь. Прекрати свои чудачества».

Но любовь к спорту возобладала. Ипполитов скопил денег и уехал за границу — сначала в Стокгольм на чемпионат Европы, а затем в Осло на чемпионат мира. Выступил он там довольно скромно — лишь на первенстве континента занял третье место на 10 000 метров.

Василий Ипполитов, увидев бег знаменитых норвежцев Оскара Матисена и Мартина Сетерхауга, финна Гуннара Стремстена, понял, что ему надо упорно и целенаправленно тренироваться, чтобы соперничать с лучшими конькобежцами мира. Отныне Ипполитов серьезное внимание уделяет предсезонной подготовке.

Бронзовая медаль, завоеванная Василием Ипполитовым в 1912 году на первенстве Европы, стала пропуском на серию международных соревнований, которые прошли в Норвегии в 1913

году. Выступление Ипполитова на норвежских катках было воспринято как сенсация: Василий на равных сражался со всеми асами мировых коньков. Лишь пятикратному чемпиону мира знаменитому Матисену удалось взять верх над Ипполитовым.

Ипполитов выиграл в Осло две дистанции по программе Северных игр, установил два внешних достижения России (тогда фиксировались только те рекорды, которые были установлены на катках страны): на 1500 метров — 2.22,2 и 10 000 — 17. 35,5. Причем его время в конькобежном марафоне до 1946 года оставалось лучшим результатом в истории нашего отечественного спорта.

Главный же успех пришел к Ипполитову несколько позднее — в Петербурге, на чемпионате Европы. Он состоялся 22 и 23 февраля 1913 года на катке «Кружка любителей спорта» в парке на Петровском проспекте Крестовского острова. В день, предшествующий открытию турнира, состоялся грандиозный зимний карнавал, а потом народные гулянья.

В соревновании участвовали несколько иностранцев, в том числе норвежец Матисен, чемпион мира 1908, 1909 и 1912 годов и чемпион Европы 1909 и 1912 годов, его соотечественник выдающийся спринтер Сетерхаук и другие. Из наших конькобежцев выступали москвичи Никита Найденов, Василий Ипполитов, его младший брат Платон и петербуржцы Николай Рундальцев и Евгений Королев.

Во время соревнования в беге на 500 метров Сетерхаук решил схитрить: он вышел на старт не на ту дорожку, которая полагалась ему по жребью. Пробежав хуже, чем он предполагал, норвежец заявил протест, обвинив в ошибке стартера, который обязан внимательно следить за спортсменами в момент старта. Была назначена перебежка, но Сетерхауку не удалось улучшить результат.

5000 метров Василий Ипполитов бежал в паре с Матисеном. Яркое впечатление оставил этот забег! Братья Ипполитовы были в отличной форме, и многие русские болельщики надеялись, что они сумеют составить конкуренцию чемпиону мира. Но уже с первых метров дистанции москвич начал неожиданно отставать, и с каждым кругом разрыв увеличивался и дошел метров до пятнадцати. Казалось, забег безнадежно проигран Ипполитовым. Нет, Василий просто строго придерживался задуманного графика бега.

Расстояние между Ипполитовым и Матисеном стало сокращаться. К последнему кругу Василий был уже впереди и первым пересек линию финиша, на две секунды опередив конкурента.

Платон Ипполитов оказался третьим, уступив Матисену 10 секунд.

На другой день в беге на 1500 метров Василий Ипполитов вновь обошел Матисена, теперь на его коронной дистанции. На 10 000 метров Ипполитов и Матисен вновь стартовали в одной паре. И опять русский конькобежец обошел соперника на 2,4 секунды. Он и стал победителем чемпионата Европы. Первенство мира того же 1913 года состоялось в Гельсингфорсе вскоре после чемпионата Европы в Петербурге. Василий Ипполитов и там показал выдающиеся результаты, придя первым на 5000 и 10 000 метров и вторым за Матисеном на 1500 метров, отстав на 1,9 секунды. Звание чемпиона досталось Матисену, так как Ипполитов очень плохо пробежал 500 метров, заняв лишь двенадцатое место.

Приехав в Москву после чемпионата мира, Ипполитов узнал, что остался без работы. Хозяин был категоричен: «Нам такие бегунки не нужны. Ищи себе другое место».

Впрочем, Василий был мастером на все руки, но особенно скороходы ценили его искусство клепки и припайки коньков. Когда Василий Ипполитов в 1912 году в первый раз отправился за границу, его младший брат Платон в упорной борьбе выиграл звание чемпиона России, завоеванное годом раньше Василием. Затем еще дважды Платон побеждал на первенствах страны, неоднократно становился призером международных, а после Октябрьской революции и республиканских (РСФСР) соревнований.

Закончив выступления на конькобежной дорожке, Ипполитов продолжал передавать молодым свой богатый опыт. В середине тридцатых годов он был назначен заведующим отделом Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров СССР. Большой авторитет, широкий круг знакомств и связей, популярность в конькобежном мире во многом способствовали тому, что даже в то трудное время конькобежцы чаще, чем представители других видов спорта, выступали за рубежом на катках Финляндии, Швеции, Норвегии,

а в нашу страну приезжали ведущие скороходы мира. Многие сделал Платон Ипполитов для популяризации спорта. Он написал несколько книг по конькобежному спорту, по его истории, технике, тактике.

В конце тридцатых годов в протоколах соревнований вновь появилась фамилия Ипполитов.

— Ипполитов, какой же это Ипполитов? — удивленно переглядывались болельщики. — Неужели кто-то из ветеранов решил тряхнуть стариной?

Новичком оказался сын Василия Ипполитова — Игорь. Юноша быстро осваивал секреты конькобежной техники. Не менее успешно он чувствовал себя и на велосипеде. Прошло несколько лет, и Игорь Ипполитов выиграл чемпионат СССР по велосипедному спорту, а в сороковые годы трижды завоевывал «золото» на отдельных дистанциях.

Александр Любимов

- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
 - [Анатолий Юсин](#)
 - [ве ва Юрий Юмашев, не знавший поражения ни в одном старте.](#)
- [поиск](#)

Глава II

СТАНОВЛЕНИЕ

Шли первые месяцы Великой Октябрьской социалистической революции. Еще темные силы не оставляли попыток захватить Петроград, еще не был заключен спасительный Брестский мир, а телеграф разнес удивившее многих неожиданное сообщение: «В Москве 18—19 февраля 1918 года состоялось первенство РСФСР по конькам. Победителем вышел москвич Яков Мельников». Тогда это известие было воспринято как сенсация.

Ну а сам факт, что именно мастера коньков первыми в истории советского спорта разыграли звание сильнейшего скорохода, был вполне естественным: коньки издавна пользовались большой популярностью в стране. Логичной была и победа Мельникова.

Впервые стартовав в 1913 году, он последний раз вышел на лед как участник первенства страны в 1941 году. Мельников был хорошо известен и за рубежом. В те годы советских спортсменов на состязания, проводимые Международным союзом конькобежцев (ИСУ), не приглашали. Но для Якова Мельникова было сделано беспрецедентное исключение: ИСУ счел возможным официально пригласить его принять участие в чемпионатах Европы и мира 1923 года. На мировом форуме москвич выиграл бег на дистанции 5000 метров, опередив многих асов мировых коньков — финна Класа Тунберга, норвежцев Харальда Стрема и Роальда Ларсена. В многоборье Мельников занял третье место. На чемпионате Европы москвич был четвертым.

В двадцатые годы на ледовых дорожках страны почти на равных с Мельниковым боролись москвичи Платон и Василий Ипполитовы, Никита Найденов, Григорий Кушин, ленинградец Владимир Калинин.

Сильно расширилась география конькобежного спорта в тридцатые годы. То время отмечено весьма широким развитием

скоростного бега на коньках во многих городах СССР. Это не могло не отразиться на ходе борьбы за призовые места на первенствах страны. Их завоевывают не только москвичи и ленинградцы, как это было раньше, но и горьковчане, скороходы Свердловска, Саратова, Минска, Ростова-на-Дону. Евгений Летчфорд из Горького прерывает победное шествие Ивана Аниканова и два года подряд становится чемпионом СССР по многоборью.

Развитие конькобежного спорта в стране дало начало новым соревнованиям. Расширяется календарь, появляются новые старты. Регулярно проводились встречи скороходов Москвы и Ленинграда, появилось ставшее популярным соревнование на приз памяти С. М. Кирова. Все чаще и чаще сильнейших конькобежцев страны принимают Горький, Киров, Свердловск, которые становятся ведущими конькобежными центрами страны.

В 1934 году, невзирая на запреты руководителей Международного союза конькобежцев, в Советский Союз прибыли лучшие скороходы — чемпионы мира норвежцы Ивар Баллангруд, Микаэль Стансруд, Ханс Энгенстанген. Приехали и... проиграли в показательных соревнованиях Мельникову самую престижную в Скандинавии дистанцию — 10 000 метров.

Неоднократно Мельников выходил победителем в так называемых рабочих первенствах мира и Европы. Уровень этих соревнований был достаточно высок, а победа почетна. В 1935 году в Осло на стадионе «Фрогнер» проходил чемпионат мира. Одновременно в те же дни и тоже в Осло, но на «Бишлете», было организовано рабочее первенство мира с участием скороходов СССР. Вот для сравнения результаты победителей на дистанциях 500, 5000, 1500 и 10 000 метров. «Фрогнер»: 43,6; 8.30; 2.23,4; 17.48,5; «Бишлет»: 43,3; 8.39,8; 2.23; 17.46,8.

Мельников продолжал выступать в соревнованиях, когда на ледяных дорожках появился его преемник Иван Аниканов. Он неоднократно побеждал на первенствах СССР, стал первым чемпионом страны по многоборью. Уверенно выступал Аниканов и за рубежом.

В Советском Союзе раньше, чем в других странах, началось массовое развитие женского конькобежного спорта.

Первые соревнования по скоростному бегу на коньках среди женщин состоялись у нас еще в двадцатые годы.

Представительницы прекрасного пола состязались на различных коньках — «снегурках», «норвежских «гагах» и беговых. Да и первые официальные первенства страны проводились также в трех разных разрядах.

В 1926 году был проведен первый официальный чемпионат СССР среди женщин. Состязания на беговых коньках выиграла москвичка Нонна Раенко. Следующий турнир состоялся в 1928 году. Победительницей стала Людмила Игнатьева (Алексеева).

Популярность коньков сильно возросла в конце двадцатых годов. В 1927 году был проведен первый чемпионат Украины, который входил в программу Всеукраинской спартакиады. (Попутно отмечу, что первенства Украины среди женщин имеют более давнюю традицию, чем национальные чемпионаты многих стран). Первой победительницей стала тогда киевлянка Ольга Николайчук, которая еще четыре года кряду выигрывала звание сильнейшей в республике. Появились неплохие конькобежки и в Белоруссии. География женских коньков расширялась, и, когда в 1933 году вновь возобновились после пятилетнего перерыва первенства СССР, на всесоюзную арену вышли спортсменки городов и областей, еще совсем недавно не культивирующих женские коньки. 3!

В начале тридцатых годов главными конкурентами в борьбе за чемпионский титул были москвички Зоя Миронова (ныне доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель культуры РСФСР, кавалер орденов Ленина и «Знак Почета», Международного олимпийского ордена за выдающиеся заслуги в области спортивной медицины) и Александра Васильева. Но постепенно центром женских коньков становится Горький, и на всю страну прозвучали имена волжанок Валентины Кузнецовой, Серафимы Паромовой, Марианны Валовой и Ольги Акифьевой. В те же годы в Кирове появилась Мария Исакова, а в Свердловске — Татьяна Карелина.

В соперничестве этих конькобежсек рождались прекрасные результаты, и часто они превышали официальные мировые рекорды. Но очных встреч с сильнейшими зарубежнъши соперницами наши спортсменки в тот период не проводили. Но даже находясь в изоляции, скороходы СССР благодаря массовому развитию спорта в стране не снижали свои показатели.

Однако для работы с конькобежцами, для руководства секциями нужны были тренеры. Поэтому в начале 30-х годов при институтах физкультуры создаются высшие школы тренеров и в каждой из них — конькобежные отделения. Налаживался выпуск добротного инвентаря, одежды, увеличивалось количество катков.

Даже в труднейшие для страны годы Великой Отечественной войны скоростной бег на коньках не был забыт. В 1943 году на чемпионате СССР победил И. Аниканов, а следующей зимой абсолютным чемпионом страны стал Н. Петров, переживший все ужасы блокады Ленинграда.

Уровень результатов советских конькобежцев 20-х — 30-х и начала 40-х годов был достаточно высок. И когда в конце сороковых годов после вступления в ИСУ женские и мужские команды СССР дебютировали на международной арене, они на равных боролись с сильнейшими в то время скандинавскими мастерами.

Александр Любимов

Михаил Болотовский Александр Любимов НОМЕР ОДИН

Спросите у любого летчика: «Кто стал самым первым Героем Советского Союза?» И он удивится: «Как это кто? Конечно, Ляпидевский!» О, как это было важно для авиаторов, что Героем № 1 стал в апреле 1934 года их сотоварищ!..

А месяцем позже... Ранним утром 27 мая того же, 1934 года во всех утренних газетах появилось сообщение: постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР утверждено звание «Заслуженный мастер спорта СССР». И едва ли меньшую, нежели

авиаторы, радость испытали конькобежцы, лишь стало известно, что удостоверение и значок за № 1 будут выданы Якову Федоровичу Мельникову, великому (сей эпитет не содержит преувеличения) конькобежцу.

«Это не случайность, не совпадение, а преднамеренный шаг наших физкультурных организаций, — убежденно говорил на торжественной церемонии чествования Мельникова легендарный основатель сегодняшнего ЗИЛа Иван Алексеевич Лихачев (именно под его началом работал Яков Федорович). — Волею судьбы вы первым открыли счет гвардейцам советского спорта. Эта честь — навсегда. И мы гордимся вместе с вами, что она оказана рабочему человеку, представителю нашего завода, представителю трудящихся Москвы. Спасибо вам за вашу красивую жизнь, за все, что вы сделали для своего государства, для своего народа».

Что же имел в виду Лихачев?

...Январь 1896 года. В многодетной семье московского рабочего Федора Мельникова появился на свет тринадцатый ребенок — сын Яков. Тринадцатый! Даже если отбросить невольные мысли о «чертовой дюжине», число это вряд ли может привести в восторг — тем более если достаток семьи более чем скромн. Впрочем, уныние было у Мельниковых не в чести. «Лишний рот? — весело переспросил тогда отец у судачивших соседок. — Это сегодня. А завтра — лишний кормилец». Как в воду глядел...

Участь избалованного «младшенького» — не для мальчишек из бедной семьи. Минует десять с небольшим лет — и внезапная болезнь оставит Федора Мельникова без работы, без казенной квартиры. Тогда и появится на клиросе храма Николы в Хамовниках новый хорист — Яков, и пятерка, заработанная им, станет хоть невеликим, но ощутимым добавком к скудному месячному бюджету семьи.

А коньки... Употреблять это слово во множественном числе — значило бы погрешить против истины. Все начиналось с одного-единственного конька, изготовленного для Якова братом Иваном из дерева и стальной

проволаки. Обладателем настоящих беговых коньков будущий чемпион станет лишь на шестнадцатом году своей жизни...

Нехитрая арифметика: $1896+15$ — выходит, было это в 1911 году. И тем более поразительно, что уже в 1915 году Яков Мельников становится чемпионом России! Абсолютным! Причем побежденным оказался доселе непобедимый Платон Ипполитов. Это была (выражаясь языком современных газетных отчетов) настоящая сенсация.

Победы следовали одна за другой. Но... Блистательную карьеру конькобежца прервал призыв в русскую армию. Шла — уже второй год — война.

...В архиве ученика и преемника Мельникова — заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР И. Я. Аниканова — сохранился экземпляр выходившего в те годы журнала «К спорту!». В номере за 13 сентября 1915 года помещена заметка под лаконичным заголовком: «Я. Ф. Мельников — солдат». Напомнив по ходу дела, что герою заметки было в ту пору лишь девятнадцать, процитируем выборочно.

«Назначен Я. Ф. пока в пехоту и в данный момент проходит строй, будучи вынужден прервать для защиты Родины свою блестящую карьеру спорта. Физические данные и способности Я. Ф., несомненно, помогут спортсмену значительно и на военной службе, и, надеемся, выделят его среди товарищей... То обстоятельство, что чемпион России вынужден прервать свою феерически быструю спортивную карьеру, заставляет нас кратко оглянуться на достигнутое им и высказать те надежды, которые возлагал на него отечественный конькобежный спорт». И далее, ближе к концу заметки: «Мы крайне сожалеем, что этой зимой не придется увидеть этого исключительного, по крайней мере в скоростном беге, спортсмена, появления подобного которому, быть может, придется ожидать очень большое число лет».

Нельзя не подметить, что эта заметка больше смахивала на досрочный некролог, нежели на рассказ о тяготах службы Якова Мельникова. И в самом деле: хоть отправка 43-й мотоциклетной роты особого назначения из Москвы на фронт задерживалась, исключить эту

возможность не мог никто. Меж тем тягот службы Мельникову действительно хватало и в первопрестольной. Тайные отлучки Якова на ночные тренировки стали известны недоброжелательно настроенному поручику, и вот уже подан рапорт с требованием отправить его в действующую армию, на фронт!

Требование поручика было удовлетворено.

И тут грешно не упомянуть имя человека, сыгравшего в жизни Мельникова, быть может, спасительную роль. Иной поручик — спортсмен Алексей Михайлович Потара-кин — подал иной рапорт. «Неужели ничто истинно яркое, талантливое, самобытное в нашем народе не дорого нам? Неужели мы без сожаления готовы отправить под пули того, кто уже принес и еще больше принесет в будущем славу России?..»

Мельникова вернули в роту с вокзала.

В январе 1917 года он вновь стал чемпионом России. Как справедливо заметил Аниканов, последним чемпионом Российской империи. Впрочем, годом позже именно Яков Мельников открыл список победителей первенств молодой Советской республики.

А еще через год, в феврале 1919-го, на катке «Девичье поле» в Москве стартовал второй чемпионат РСФСР. В разгаре была гражданская война, царили голод и разруха, но три тысячи зрителей (нашим дням на зависть!) собрались вокруг катка.

Соперник Мельникова на пятисотке — Найденов.

Никита Найденов... Имено день знакомства с ним считал Мельников первым днем своей спортивной биографии. В далеком одиннадцатом году Найденов — в то время уже знаменитый — доверил Якову ответственнейшее дело, о котором лишь мечтали мальчишки округи: носить его чемодан. Вскоре они станут друзьями. Чуть позже соперниками.

Старт! — и Мельников стремительно уходит вперед. Результат — 46,9. Это — победа. Но Найденов жаждет реванша. Впереди — забег на 5000 метров. И вот судьи фиксируют: 9.08. Это время Найденова дает ему отличный шанс на победу. Правда, двумя забегами позже Николай Иванов повторяет этот результат — секунда в секунду. Но как пробежит Мельников? В прогнозах все единодушны: успеха Якову не видать. Дело в том, что едва завершил бег Иванов, с неба повалил густой снег. Брошенные кем-то слова «хуже некуда» как нельзя точно характеризовали состояние льда.

И лишь один человек ни в грош не ставил прогнозы — Яков Мельников. Он пошел по заснеженной дорожке мощно и стремительно. В миг финиша даже привыкшие к сюрпризам Мельникова судьи разглядывали секундомеры недоверчиво и удивленно: 8.45,2! Так быстро в тот год не бегали ни в одной стране мира.

Следующий день соревнований стал днем новых триумфов Мельникова. На дистанции 1500 метров — 2.25,8 (рекорд Москвы), на 10 000 — 17.48,7 (рекорд страны). И не фантастика ли, что этот, второй результат был улучшен лишь через 19 (!) зим — Евгением Летчфордом?..

В декабре 1922 года Мельникова и братьев Василия и Платона Ипполитовых вызвали... в Народный Комиссариат иностранных дел. Повод был по тем временам беспрецедентным: конькобежные федерации Норвегии и Швеции — организаторы чемпионатов Европы и мира 1923 года — уведомили Правительство РСФСР о том, что приглашают троих советских бегунов к участию в этих соревнованиях, причем принимают все расходы на себя. Это уточнение оказалось нелишним — финансовые возможности советского спорта были... Едва не написал «скромными». Однако это определение прозвучало бы идилично. Проще говоря, денег не было вообще.

Организаторы принимали на себя все расходы, но... Оплачивались лишь нужды спортсменов, о тренерах же в письмах не было сказано ни слова. И тренеры не поехали. Это, как оказалось, сыграло едва ли не

решающую, причем плачевную, роль в распределении мест. Не поехал и заболевший В. Ипполитов.

И вот — Норвегия, Хамар, чемпионат Европы.

На пятисотке Платон Ипполитов и Мельников стартовали соответственно в пятой и шестой парах. Результат Ипполитова оказался неожиданно слабым — 48,1. Обескураженный, он ушел в раздевалку и долго не мог успокоиться. Мельникову же уверенность не изменила — 45,3. По итогам первого дня (сумма дистанций 500 и 5000 метров) он занимал третью строчку в таблице.

День второй. На полуторке Яков блестяще финишировал, улучшив свой личный рекорд, — 2.24,2. Десять участников первенства тщетно пытались превзойти этот результат, пока норвежец Харольд Стрем не сбросил 0,2 секунды. И наконец, сильнейший в мире средневик финн Клас Тун-берг передвинул Мельникова на третье место. Третьим оставался он и по сумме, и потому имел все шансы на «бронзу» чемпионата Европы.

Дистанция 10 000 метров. Мельников принимал старт в шестой паре — с Тунбергом. Здесь-то и сказались отсутствие тренера! Яков решил ориентироваться на своего соперника, осторожно следовал за ним более восьми минут. Затем вышел вперед, бросился в отрыв. Финн сильно отстал, и Мельников вел борьбу только со временем. Но — повторим не в первый и, увы, не в последний раз — некому было дать мудрый совет, подсказать график бега! И Мельников, обогнав Тунберга почти на круг, все же чуть-чуть недотянул до результата, дававшего ему право на большую бронзовую медаль в многоборье.

Спустя неделю мировая конькобежная элита встретилась на льду Стокгольма. Интерес к чемпионату мира был необычайным. Среди претендентов на награды теперь называли уже и Мельникова.

В спринте он был четвертым. Но уже на следующей дистанции 5000 метров преподнес сюрприз — да какой! Все сильнейшие зарубежные мастера — первоклассные стайеры — были повержены. По сумме Мельников вышел в лидеры. Назревала сенсация. Но... Это

злополучное «но» вновь обращает нас к печальным воспоминаниям об оставшихся дома тренерах. Ошибочно выбрав график бега на полуторке, Мельников не рассчитал свои силы и лишился даже малых шансов на успех в многоборье. Только удача (третье место) на дистанции 10 000 метров позволила ему — в утешение — завоевать большую бронзовую медаль.

Впрочем, отчего же в утешение? То был, без сомнения, великий успех спортивного посла молодой Страны Советов. Трудно, разумеется, строить предположения о том, сколь удачными оказались бы последующие выступления Якова Мельникова на мировых и европейских форумах, ибо участие наших спортсменов в этих состязаниях прервалось, к сожалению, на четверть века. Иным поколениям советских конькобежцев пришлось доказывать миру силу отечественной школы.

И все же не следует забывать, что Яков Мельников в двадцатые-тридцатые годы еще не раз удивлял мировое конькобежное сообщество феноменальными результатами. В 1928 году на Всесоюзной спартакиаде он преодолевает 10 000 метров за 17.38,8 — в течение шести лет на чемпионатах мира и Европы никто не бежал быстрее! В 1934 году на той же дистанции он выходит победителем в споре со сверхпредставительными соперниками — чемпионами мира норвежцами Микаэлем Стаксрудом, Иваром Баллан-грудом и Хансом Энгенстангеном. Спустя год Стаксруд и Энгенстанген приезжают в Ленинград — специально на матч с Мельниковым! И вновь победа за советским конькобежцем.

В 1941 году Яков Федорович стал участником последнего предвоенного чемпионата СССР. Было ему тогда сорок пять лет! Много ли знаем мы примеров такого спортивного долголетия?

Впрочем, в нашем повествовании мы отчасти забежали вперед. Так найден ли ответ на вопрос, заданный в самом начале: что же имел в виду Иван Алексеевич Лихачев, когда говорил о заслугах Мельникова перед государством, перед народом? Кажется, найден. Судьба Якова Федоровича, скороговоркой пересказанная на этих страницах, — лучший ответ.

Что же было потом? Была война, фронт, куда вырвался он вопреки брони, вопреки запрету Лихачева. «Не могу быть нигде, кроме передовой, — писал он в заявлении, копия которого чудом сохранилась доселе. — Там, где идет непосредственная борьба за честь, свободу и независимость нашей Родины». На фронте — зимой 1942-го — стал он членом партии большевиков.

Осенью победного 1945-го орденосеиц майор Мельников демобилизовался и тотчас же был назначен государственным тренером СССР по конькам. Он познал и радость тренерских побед, и печаль неудач (чаще субъективных, нежели объективных), на него были обращены и благосклонность, и гнев генералиссимуса, он до последних дней своих оставался в зените славы и даже дожил до Всесоюзных соревнований на приз его имени, где сам вручал награды победителям.

Летом 1960 года Якова Федоровича Мельникова не стало. Его похоронили на Новодевичьем кладбище Москвы, где обретаюи последний приют достойнейшие сыновья страны.

Неужели четверть века назад?! — эта фраза невольнo вырвалась у одного из его учеников в 1987 году, когда собирались у могилы великого конькобежца люди, любившие и знавшие его. Неужели четверть века назад?

И неужели семьдесят с лишним лет назад вышли на лед «Девичьего поля» двенадцать скороходов, которым суждено было оспаривать звание самого первого чемпиона Советской страны? Неужели семь десятилетий назад шли они под революционный марш к беговой дорожке? Да! Именно тогда, 19 февраля 1918 года, был провозглашен первым чемпионом Яков Федорович Мельников — первым — в истории всего советского физкультурного движения!..

Время быстротечно.

Феликс Доленко ЧЕМПИОНЕССА

Чемпионесса — чемпионка среди чемпионки. Этот необычный титул пятьдесят с лишним лет назад большие знатоки конькобежного спорта — скандинавы впервые отдали горьковчанке Валентине Кузнецовой.

— Валюха! Валюха! А ну, целуй меня в обе щеки. Да покрепче! Вот так! А теперь — получай! — мать с улыбкой вытащила из-за спины что-то тяжелое, завернутое в ситцевую тряпку. Неужели коньки? Так и есть.

Старьевщик на Сормовском базаре никак не хотел уступить последнюю полтину. Дважды, махнув на него рукой, уходила мать с великолепно безразличным видом и дважды вновь возвращалась: ведь спит и видит дочь коньки. У девчонки платье совсем истрепалось, да и ботинки на ладан дышат. Можно, конечно, купить и нарядную косынку. Но мать знала, что для Вали всего желанней. И вот коньки, настоящие, с ботинками, в Валиных дрожащих руках.

Ничего, что лезвия чуть-чуть заржавели, ерунда, скорее на озеро. Ну и скорость! Дух захватывает. Старенькая юбчонка хлещет по ногам, надувается забавным пузырем.

На берегу толпятся «безлошадные» мальчишки. Валя среди них давно уже «свой парень». Еще бы! Ведь никто не может обогнать ее, обыграть в чижика. А когда починковские ребята начинают играть в лапту, каждая команда старается заполучить Валу к себе.

А на льду... Что она вытворяет на льду — даже сказать трудно! То помчится как ветер, то катится плавно, то на одной ноге скользит. Или по кругу носится все быстрее и быстрее. И вдруг на сумасшедшей скорости поворачивается и... продолжает катить задом наперед.

— Эй, Василий! (Это старшего брата ее кричат.) В Сормове каток открывается! Не слышал? Говорят, бега будут. Сам Николай Лебедев, чемпион знаменитый, приедет. Бери-ка ты свою сестренку да езжай.

Всю ночь перед воскресеньем Вале снился Николай Лебедев. Он был почему-то в форме милиционера. На фуражке по околышу золотыми буквами было написано — «чемпион». Дружелюбно посматривая на

Валю, он точил коньки огромным напильником. Пробовал ногтем остроту лезвия и снова точил. А потом они побежали. Сначала Валя отстала. Потом поднажала. А когда стала обгонять чемпиона, тот вдруг выхватил из кармана милицейский свисток и оглушительно засвистел. Проснулась: свистел кипящий чайник...

От Починок до Сормова трамваи в ту пору не ходили. Поэтому вышли затемно, но Валя все торопила, боялась опоздать к началу. Но «бега» отменили, да и Лебедев не приехал. Каток, правда, открыли, и Валя впервые увидела спортсменов-сороходов. Вместе с братом протиснулась в первые ряды зрителей, к самым веревкам, ограждающим ледяное поле.

Низко пригнувшись, бесшумно отталкиваясь, по дорожке мчались конькобежцы. Они бежали гуськом, точно повторяя движения друг друга. В кругу стоял тренер и что-то показывал им на пальцах.

И вдруг... Коренастая, широколицая девчонка в неказистом платье и огромных, домашней выделки рукавицах перескочила через веревки и прицепилась к проносившемуся мимо «гуську». Зрители ахнули: входить в круг даже избранным не разрешалось, а тут такое нахальство! Ну ничего, сейчас ей покажут, для кого здесь заливают лед.

Но Валя не отставала. Один круг, второй, третий... Конькобежцы попытались было ссадить «с колеса» непрошеную попутчицу, да не тут-то было. Валя только сбросила рукавицы. Отчаянно пыхтя и смешно придерживая парусившее платье, она вошла во вкус и не думала сдаваться.

Наконец уставшие сороходы разогнули спины и, вытирая потные лбы, сконфуженно подъехали к тренеру. А Валя по инерции пролетела еще целый круг и со всего ходу перескочила через веревки прямо в объятия брата. Их окружили. Спрашивали, кто такая, давно ли занимается спортом, где тренируется. Подошел и тренер. Как выяснилось, Вениамин Феокистов, дядя Николая Лебедева. Василий ему все рассказал, попросил помочь. Феокистов с радостью согласился. Назначил время первой тренировки. Пообещал казенные коньки.

С того все и началось.

Через три недели на катке Нижегородского кремля Валя должна была принять участие в губернском первенстве. Теперь у сормовичей кроме Лебедева появилась еще одна надежда. Очень верили они в победу Вали Кузнецовой. Правда, когда увидели ее главную соперницу, уверенность их основательно пошатнулась.

Наденька Лакалова — любимица местных зрителей — появилась на льду в сопровождении мамы и папы. Мама заботливо кутала ее в меховую шубку, папа то и дело предлагал шоколадку. Костюм Наденьки Лакаловой был неотразим: пушистый шерстяной свитер с оленями, алая шапочка с помпоном и бежевое облегающее трико.

— Ну, с этой особой тебе не трудно будет справиться. Господи! Не могла одеться попримечнее, — расслышала Валя.

Когда вызвали на старт, она с сомнением покосилась на свои «фамильные» рукавицы: да, что и говорить, чемпионки так не одеваются. Что ж, тем хуже для чемпионки! Умру, а не проиграю.

Но умирать не потребовалось. Без всякого напряжения, под восторженные крики болельщиков-сормовичей она легко опередила соперницу. Финишировала Лакалова вся в слезах и немедленно отказалась от участия в беге на вторую дистанцию. Судьи оказались в трудном положении. Как поступить? Больше никто из девушек в соревнованиях не стартовал. Кто-то в шутку предложил в пару с Валентиной участника юношеских забегов. За мысль ухватились. Долго уговаривали одного парня, объясняя ситуацию. Наконец он согласился, и смешанная пара вышла на старт полуторакилометровой дистанции. После финиша Валя говорила своему партнеру: «Ты уж меня извини. Я совсем не хотела тебя конфузить. А если бы не ты — с кем бы мне тогда бежать?»

Имя норвежца Харальда Хагена знает далеко не каждый. Конькобежцы нынешнего поколения наверняка и не слышали о нем. Зато еще довольно часто беговые коньки называют «гагенскими» или просто «гагами». А ведь между этим названием и именем норвежского

ремесленника Хагена — прямая связь. Именно он в начале нашего века стал выпускать знаменитые коньки экстра-класса. Вместе с несколькими рабочими выплавлял особую сталь, вытягивал узкие полоски лезвий, испытывал их под грузом на специальных стеллажах, строгал из кедра колодки для удобных, хорошо держащих стопу ботинок. Коньки Хагена великолепно шлифовались, легко точились, долго не затуплялись. На таких коньках бегали все звезды мирового конькобежного спорта.

Одна из сильнейших конькобежек того времени Серафима Паромова была счастливой владелицей настоящих хагенских коньков. В один прекрасный день она почувствовала, что ботинки становятся тесны. Срочно заказали новую пару. Прежние коньки простаивали. Патриарх русского конькобежного спорта, москвич Василий Афанасьевич Ипполитов, тренировавший тогда горьковскую команду к чемпионату Советского Союза, предложил Кузнецовой примерить паромовские коньки. Валентина дважды просить себя не заставила.

Словно для нее, сормовской отчаянной девчонки, мастерил эту пару Хаген. Даже выдавший виды участник многих больших чемпионатов Василий Афанасьевич ахнул, когда Валентина помчалась по льду.

Чутье не обмануло опытного тренера. Секундомер фирмы Буре отсчитывал по кругам такие секунды, что, несмотря на крепкий морозец, Ипполитову стало жарко. А Валя ничего не подозревала. Самозабвенно отдавалась она подхватившему ее вихрю.

Когда стали комплектовать команду на первенство СССР 1935 года и Ипполитов предложил включить в нее Кузнецову, многие возражали. Даже Лебедев и Паромова сомневались в правильности тренерского выбора. Но Ипполитов настоял на своем.

Москва буквально жила чемпионатом. Афишные тумбы оделись в огромные программы предстоящих стартов. Среди сильнейших, быстрейших, резвейших (тогда скороходов принято было сравнивать по резвости) наиболее вероятными победительницами считались москвички Людмила Игнатьева и Зоя Миронова. Потомственные московские болельщики, не пропускавшие ни одной тренировки, с

апломбом доказывали друг другу предпочтительность шансов на успех той или иной из претенденток. Впрочем, по их компетентному мнению, и Серафима Паромова могла преподнести сюрприз. О Кузнецовой, понятно, здесь слыхом не слыхали. Ее первого московского выступления (еще на старых коньках) никто не помнил, настолько подавляющим тогда было преимущество первой чемпионки страны Игнатъевой.

И вот наконец день старта. Накануне была проведена жеребьевка. Судьба сразу поставила все на карту: Валентине выпало открывать чемпионат-35 в первой паре и с... Игнатъевой!

Стартер погромел большим кубком, в котором лежали два костяных кубика с буквами «Б» и «М» — большая и малая дорожки. Валя хотела большую. Чтобы после первого поворота увидеть соперницу впереди, а не ждать, когда она вырвется из-за спины, не думать о том, что она нагоняет, приближается. Но... в руке костяшка с буквой «М».

— На старт! — негромко скомандовал стартер и поднял руку. Валя, как учили, несколько раз присела, сделала три глубоких вдоха и замерла у синей линии. Тягучее: «Внима-а-ние!» — и грохот выстрела посылает конькобежек в недолгий путь. Взревели трибуны. Игнатъева впереди по крайней мере на метр (подвел-таки старт!). К середине прямой горьковчанка достает соперницу. Переходную прямую она преодолевает буквально в несколько прыжков. Глубокий, отчаянный наклон на втором вираже и финиш.

Репродукторы возвещают оторопевшему стадиону результат победительницы забега — 52,6 секунды; рекорд Советского Союза! Стартуют Паромова, Акифьева, Миронова. Время Кузнецовой всего на две десятых секунды превзошла только ленинградка Мария Захарова. Зато на остальных трех дистанциях (звание чемпионки впервые разыгрывалось в четырехборье) равных Валентине не нашлось. В сумме многоборья она намного улучшила рекорд СССР.

Ее вызывают на пьедестал почета. Главный судья вручает ей в коробочке что-то золотое. Соседи по пьедесталу помогают натянуть алый чемпионский свитер с Гербом Советского Союза. Валентине

предоставляют право совершить круг почета. И в этот момент диктор произнес неожиданное:

— Судейская коллегия только что получила сообщение из Хельсинки: финская чемпионка Верне Леше впервые в истории женского конькобежного спорта стартовала на дистанцию 5000 метров и установила мировой рекорд — 10.33,6.

Решение возникло молниеносно: бросить вызов Леше. После четырех забегов, после всей этой нервозности? Авантюра? Авантюра! — решают знатоки. Но... чем черт не шутит.

И Валентина ищет партнершу. Она предлагает Игнатъевой вместе идти на побитие рекорда. Та отказывается. Не слишком обнадеживающая перспектива — замахиваться на такое дело без товарища, без соперника, но делать нечего. На тренерской «бирже» лихорадочно пишут графики, рассчитанные на улучшение рекорда на целую секунду. И вот старт. В первый раз за всю историю конькобежного спорта в нашей стране женщина стартует на 5000 метров.

Выстрел заставил замолчать трибуны. Над катком нависла напряженная тишина. Не нужно даже радио. Все слышат, как на «бирже» кричат: «Ровно!» — значит, точно по рекордному графику. «Плюс одна!» — на одну секунду лучше, чем у Леше. Снова: «Ровно». И вот на пятом круге тревожное: «Минус полторы!..»

На восьмом круге стадион, безмолвно наблюдавший эту борьбу человека со временем и самим собой, начал подавать признаки жизни. С «биржи» донеслось долгожданное «ровно!». На девятом круге голоса тренера уже не было слышно. Радио повторило его слова «плюс две!». А потом уже и диктор не смог пересилить тысячеголосое «да-ва-а-ай!».

В тот же день радио разнесло по всему свету, что мировой рекорд Верне Леше в беге на 5000 метров побит горь-ковчанкой Валентиной Кузнецовой. Ее время — 10.21,2!..

Всесоюзный комитет физкультуры решил направить в Скандинавию группу советских конькобежцев. В состав команды была включена и Кузнецова. Ехать ей пришлось исключительно в мужском обществе — вместе с Иваном Аникановым, Константином Кудрявцевым, Яковом Мельниковым, Василием Ипполитовым и Николаем Шаромовым.

Особенно удачно прошли старты в Норвегии на знаменитом катке «Фрогнер». Валентина установила мировой рекорд на 1000 метров — 1.44,7, побив прежний на 0,3 секунды. Несколько дней спустя на катке Тронхейма она улучшила рекорд на 500 метров — 49,1. Здесь же она стала первой в истории чемпионкой Европы. Мало-мальски серьезных конкурентов попросту не нашлось. Абсолютная чемпионка Норвегии, веселая и симпатичная Альвильда Паульсен, после первого же старта заявила, что если уж не годится в соперницы, то будет служить своей замечательной русской подруге гидом или массажисткой, словом, кем угодно, только бы иметь возможность быть вместе со «вторым изданием русского чуда» — так окрестили газеты конькобежный талант Кузнецовой. Впервые же «русским чудом» был назван знаменитый скороход старшего поколения, двукратный чемпион мира Николай Струнников.

И еще одно звонкое слово вошло в спортивный обиход в связи с именем Валентины Кузнецовой. Как наиболее заметное явление спортивного года, грозную победительницу чемпионки газеты провозгласили ЧЕМПИОНЕССОЙ.

Когда Валентина уезжала за границу, у нее была тайная мысль — встретиться на дорожке с Верне Леше. Но мечте не суждено было сбыться: финка упорно не принимала участия в тех соревнованиях, где выступала наша бегунья.

Валентина даже обратилась к ней с официальным вызовом на матчевую встречу. Леше отказалась.

Впоследствии Верне дважды становилась чемпионкой мира и доставила массу хлопот Марии Исаковой, Лидии Селиховой, Татьяне Карелиной. Но выйти на единоборство с Кузнецовой побоялась.

Валентине пришлось довольствоваться только заочными дуэлями. Она увезла из турне по Норвегии, Финляндии и Швеции три мировых рекорда, одно мировое достижение для рабочих спортивных союзов и лавры европейской чемпионки, что в то время значило ничуть не меньше, чем титул чемпионки мира.

Если пересчитать все мировые и всесоюзные рекорды, которые установила Валентина Кузнецова, пришлось бы написать трехзначное число. Свой последний конькобежный рекорд она установила в 1938 году, когда в пятнадцатой попытке (!) улучшила на 0,1 секунды всесоюзный рекорд Марии Исаковой на 500 метров. С тех пор прошло много лет. Но и ныне этот полувековой давности результат Кузнецовой — 48,2 секунды — совсем не кажется «ископаемым». А тогда специалисты в один голос окрестили его вечным.

Кроме достижений, установленных на ледяной дорожке, Валентине принадлежали еще несколько всесоюзных рекордов в велосипедных гонках на треке. Дважды — в 1937 и 1938 годах — она выигрывала чемпионат СССР и в шоссейных гонках.

Замечательны успехи спортсменки и в других видах спорта. При среднем росте и солидном весе, не обладая сколько-нибудь совершенной техникой прыжка, Кузнецова допотопным стилем «перешагивание» несколько раз на официальных соревнованиях преодолевала планку на высоте 150 сантиметров. Она успешно стартовала в беге на дистанциях от 60 до 800 метров. В беге на 800 метров имела результат, который сейчас соответствует нормативу второго разряда. Валентина хорошо толкала ядро, играла в сборных горьковского «Динамо» в волейбол и баскетбол, гребла на «академичке», не отставала от мужчин в лыжных гонках, участвовала в мотоциклетном кроссе Чкаловск — Горький.

Что представляла собой Валентина Кузнецова как спортсменка, красноречиво свидетельствует история о том, как ей удалось в 1938 году стать чемпионкой СССР в шоссейной гонке на 50 километров. Собственно, сам этот факт не представляет чего-то необычного. Ведь и в 1937 году Кузнецова была чемпионкой, правда на 25 километров. Все дело в том, какие события предшествовали той победе.

Валентина ездилa тогда на велосипеде без тормозов. Тренировка окончилась. Стайка спортсменов возвращалась в город. По узкому шоссе рядом с ними мчался грузовик. При въезде в город шофер неожиданно поставил машину поперек дороги, видимо решив, что велосипедистки успеют затормозить. Валентина пыталась остановиться, но не успела: тупой удар опрокинул ее на мостовую. Раздроблена носовая кость, трещина в лобной кости. И приговор врачей: о спорте забыть.

Но уже через месяц Валентина села в седло велосипеда, а потом и вышла на старт всесоюзной гонки. Само по себе это было уже чем-то сверхъестественным. И победила!

В 1935 году, взойдя на вершину всесоюзного пьедестала почета, Кузнецова положила начало победному шествию горьковских конькобежек. В 1936 году алый свитер чемпионки страны надела специалистка бега на длинные дистанции Серафима Паромова. В следующем году этой же чести удостоилась подруга Валентины, тоже сормовчанка, отличная бегунья на короткие дистанции Марианна Валова. И в 1938 году москвички, ленинградки, свердловчанки пропустили вперед горьковскую спортсменку Ольгу Акифьеву. «Уральская молния» Татьяна Карелина сумела прорвать кольцо горьковчанок. Но уже на следующий год Валентина Кузнецова вернула славу сильнейшей.

После зимы 1948 года она решила сойти с дорожки. В 39 лет!

А горьковчане в это время собирали команду на традиционный матч городов. Перспективы были не слишком радужными. Переехала в Ленинград Ольга Акифьева. Из мужчин, кроме чемпиона СССР 1948 года Геннадия Пискунова, других «козырей» всесоюзного масштаба не было. Тренеры ломали голову над тем, как укрепить команду. Обидно было, что с 1945 года Горький ни разу не смог завоевать право называться конькобежной столицей страны. Серафима Паромова со страниц «Горьковской коммуны» обратилась к землякам с призывом постоять за часть города на предстоящем матче. И Валентина Кузнецова решилась. До старта оставалось всего-навсего полтора месяца!

И вот в последний раз коньки прославленного ветерана оставляют росчерк на московском льду. Она выступила хорошо. И, может быть, именно ее выступление склонило чашу весов на сторону команды Горького. А когда ей, стоящей первой в ряду победителей, вручали серебряный кубок, стадион разразился громом оваций.

Михаил Болотовский ВСЕЛЕННАЯ КУДРЯВЦЕВА

Пути спортивной славы причудливы. Сколь увлеченно тиражировали мы в тысячах и тысячах экземпляров повествования о чемпионатах семидесятых-восемидесятых годов... И сколь равнодушны бывали порою к давним и даже не слишком давним временам, да и к тем людям, что начинали строительство нашего «спортивного дома» с нулевого цикла. Перелистывая сегодня страницы иных книг по спортивной истории, не устаешь удивляться ее безлюдности.словно некая мистически-оптимистическая сила сама по себе привела нас к триумфальным олимпийским дебютам...

Меж тем менялись наши взгляды на пресловутую проблему роли личности в истории. И становилось, к примеру, ясно, что роль Константина Кудрявцева в истории советского конькобежного спорта — это роль основоположника. Тут нет преувеличения, ибо за шесть своих спортивных десятилетий Кудрявцев построил целую конькобежную вселенную, вылепил в этой вселенной светила и рассчитал их ход. Скажем (забегая вперед), что еще до войны он показывал на ледовой дорожке результаты, намного опередившие время. Он был едва ли не главным действующим лицом многолетней эпопеи поисков места и строительства фантастического катка Медео. Он вывел десятки теорем по технике и тактике бега. Его книга «Скоростной бег на коньках» стала для тренеров настольной, поскольку на ее страницах Кудрявцев сформулировал и обосновал главные законы подготовки мастеров отечественной конькобежной школы. Он и сам воспитал превосходных мастеров: олимпийских чемпионов Е. Гришина, В. Косичкина, Е. Куликова, чемпионов мира и Европы О. Гончаренко. Э. Матусевича, А. Сафронова, призеров высоких турниров Б. Цыбина, В. Каплана, Ю. Юмашева...

Но что стоит за строками этого более чем радужного абзаца? Какая жизнь?

Наверное, мало кто столь же ясно, как Кудрявцев, представляет себе механизм взаимоотношений внутри спорта. Едва ли те, кто говорит сегодня о чрезмерной политизации этой сферы общества, могут вообразить, насколько был политизирован спорт в тридцатые-сороковые годы и в начале пятидесятых годов. «Как часто посторонние, не имеющие отношения к спорту соображения брали верх над здравым смыслом!» — писал, вспоминая те времена, Кудрявцев. Но тогда все воспринималось иначе.

«На протяжении тридцатых годов, — рассказывал Константин Константинович, — конькобежцы произносили одно географическое название с таким же священным трепетом, с каким Остап Бендер говорил о Рио-де-Жанейро. Для нас городом голубой мечты стал швейцарский Давос. Никто из советских скороходов там не бывал, а между тем в этом загадочном высокогорном Давосе из года в год устанавливались все новые и новые мировые рекорды. Мы вкрадчиво намекали руководству Комитета по делам физической культуры, что неплохо было бы, дескать, нам поехать в Давос, взглянуть хоть одним глазком на эту кузницу рекордов. На наши просьбы отвечали сжатыми ссылками на напряженность международного положения, подчеркивая при этом, что отношение советских физкультурников к буржуазному спорту было и остается непримиримым».

В Давос конькобежцев тогда так и не пустили. Но Кудрявцев вспоминает о том без тени обиды — ему, человеку, пришедшему в спорт в начале тридцатых, совершенно ясны причины отказа. И потому Кудрявцев в разговоре спокоен. Он вообще не злопамятен, считает, что обиды надо уметь забывать, — в ином же случае они уведут человека в сторону от главных дел, от главных дум. Он, Кудрявцев, был и остается человеком деловым и, следовательно, реалистом. Осознавая абсурдность того или иного положения вещей, он не впадал в саркастическое бездействие, не лез напролом, а искал разумный выход, сообразуя поступки с реальностью. О выдержке его, о самообладании в трудную минуту ходили легенды.

Одна из этих легенд прямо связана с ныне известной историей аудиенции у Сталина. Но тут необходимо небольшое предисловие, эпиграфом к которому могли бы послужить слова Кудрявцева: «После войны внешняя политика советского спорта резко изменилась. Было решено, что мы можем и должны бороться на равных и побеждать лучших спортсменов Земли.

Уточним этот эпиграф: «борьба на равных» мало интересовала тех, кто принимал историческое решение о «рез-

ком и вменении политики советского спорта». Ставился лишь вопрос о победах. Вселил оптимизм и первый успех: в 194(> году на соревнованиях в Норвегии Николай Петров был лучшим на дистанциях 5000 и 10 000 метров, а Кудрявцев выиграл там свою коронную пятисотку.

Гирона просыпалась от кошмарного сна войны. На 1948 год была намечена первая после двенадцатилетнего перерыва олимпиада. Все жили ожиданием праздника. «Русские смогли бы всерьез нарушить планы лидеров мирового конькобежного спорта», — писали западные газеты. Швейцарский городок Санкт-Мориц был готов принять советских олимпийцев.

Но сборная СССР в Санкт-Мориц не приехала. «Негативное отношение заправил буржуазного спорта», «страх Запада перед силой советских атлетов», «неувязки с оформлением» — все эти объяснения, наверное, не лишены оснований. Их приводили и тогда, их приводят и по сию пору. Но нельзя не заметить: возможность участия в Играх все же не вызывала в Москве чрезвычайного энтузиазма. Лозунг «Главное не победа, главное — участие» считался в ту пору почти крамольным. Главное — победа! И потому . уверенность в силах Кудрявцева и его товарищей по команде не перевесила на чаше весов неуверенности в силах мастеров иных видов олимпийской программы. Ну, не посылать же в Санкт-Мориц одних конькобежцев!

Как бы там ни было, но наши скороходы приняли участие в хельсинкском чемпионате мира того же, 1948 года. Кудрявцев в то время уже исполнял обязанности старшего тренера сборной. (Впрочем,

был он, как сам говорил, «бегающим тренером».) И именно на него было возложено архиважнейшее дело: поручено подсчитать — сумеем ли взять «золото»? Возник ли тогда естественный соблазн: мол, заявим, что сумеем, а там будь что будет? Нет, не возник. Не те были времена. За выступлением конькобежцев на международных соревнованиях столь же пристально и требовательно, как некогда контролировал выпуск танков и самолетов, следил Сталин.

Тема «Сталин и спорт» еще ждет своего исследователя. Известности преданы лишь два-три факта, в большей или меньшей степени характеризующие роль Сталина в руководстве спортивным движением. Роль — так обстоит дело и с любой из многочисленных ролей Сталина — неоднозначную. И эта неоднозначность, двойственность отразилась, как в капле воды, в печально известной истории с чемпионатом мира 1948 года.

С Кудрявцева и его товарищей взяли тогда расписку (!), клятвенное заверение в предстоящем успехе. Но результаты чемпионата... Впрочем, с высоты сегодняшнего дня итоги выступления сборной СССР в Хельсинки (напомним: то был дебют!) могут показаться если не выдающимися, то уж, по крайней мере, весьма и весьма достойными — Мария Исакова стала чемпионкой мира, а сам Кудрявцев выиграл все ту же пятисотку. Но в 1948 году Москва оценила их выступление однозначно: провал. И Сталин вызвал их к себе.

— Получилось так, — вспоминает Кудрявцев, — что мне сообщили о вызове с большим опозданием. Когда я приехал в Кремль, группа спортсменов во главе с председателем Спорткомитета СССР Н. Н. Романовым выходила из приемной. Не надо быть великим физиономистом, чтобы по лицам товарищей догадаться, как сложился разговор. Кто-то выдавил удрученно: «Ну, куда теперь?» «Как куда? — ответил я. — На тренировку...».

Расшифруем ситуацию, напряженность которой несколько сглажена сухим изложением Константина Константиновича. Впрочем, люди, жившие в то время, не нуждаются в расшифровке: они понимают, что означал вызов к раздраженному Сталину и легко вообразят себе

предельно тревожное, горячее состояние, в которое вверг спортсменов сам факт спешного вызова в Кремль. Один из них признался спустя годы, что был совершенно убежден тогда: прямо в кабинете их и арестуют...

Но тут-то и вступил в силу закон сталинского парадокса, о коем упоминали мы выше. Казалось бы, «минуй нас пуще всех печалей» такое внимание к виду спорта, когда спортсмены разве что не с «допровскими корзинками» ходят по городу, когда насаждается на десятилетия могущественная спортивно-бюрократическая система (дичь-то какая в этом словосочетании!), когда безусловный успех объявляется безусловным провалом. Однако за спокойствием Кудрявцева стояло и глубокое его знакомство с премудростями административного мышления: по закону парадокса вслед за жесточайшими обвинениями должны были скорее всего последовать реальные меры помощи. Хотя и одного того было достаточно, что Сталин принял конькобежцев! Теперь никому не надо было доказывать необходимость помощи спортсменам, теперь не приходилось (или уж, по крайней мере, приходилось реже) выпрашивать, вымаливать, унижаться... Наступал перелом в истории нашего конькобежного спорта.

Но, разумеется, грош цена тому перелому, который . ш рныетем лишь административными методами, но оставим I равнодушными умы. Хвала Кудрявцеву! Перекраи-1И111. он начал прежде всего самого себя.

Проблем у нас действительно было немало, — говори! Кудрявцев, вспоминая события тех дней. — Кто возь-мг г па себя роль лидера? Старое поколение скороходов ими оких задач уже не решит, это очевидно. К уходящему с порожки поколению я отнес и себя. Тридцать шесть лет — не самый лучший возраст для коренного пересмотра мето-1И1 Л методики надо было перестраивать... И мы покончили со старинной практикой совместительства (зимой — гит.км, летом — велосипед), стало ясно, что лето мешает |име. Широко ввели в тренировочную практику роликовые гопьки, специальную гимнастику, решительно занялись совершенствованием техники бега, проблемами

психологической подготовки. И наконец, — тут тон Константина Константиновича становится несколько торжественным, — наконец, мы решили одну из главных задач: построили-гаки высокогорный каток!

Счет мировым рекордам на Медео был открыт в конце 1-го января 1951 года. Но вернемся на пятнадцать с лишним лет назад. Тогда (еще в 1935 году!) легендарный конькобежец Яков Мельников, не питая ложных надежд насчет поездки на Давос, предпринял попытку построить высокогорный стадион в Бакуриани. Строители приступили к работе, Кудрявцев рвался с друзьями из Москвы на подмогу мельниковцам. Уже куплены были билеты... Тут-то и выяснилось, что выбранное место для катка совершенно не годится: плохо замерзает грунт. «Зато идея замерзла после столь очевидного фиаско надолго — почти на пять лет», — констатирует Кудрявцев.

Перед самой войной он (вместе с грузинским альпинистом Сандро Гвалия) нашел славное, как показалось ему, место для катка — умиряющее высокогорное озеро в Бакуриани. Идея вырисовывалась крайне заманчивой. Смущало лишь то, что уровень воды в озере невысок, да и поверхность ее густо покрыта водорослями. Но после непродолжительных размышлений было найдено воистину наполеоновское решение: прорыть канал и пустить в озеро воду горной речки!

— Каналам в те годы было принято давать звучные названия, — вспоминает Константин Константинович. — Наш был назван скромно: «Канал имени Кудрявцева», невзирая на мое решительное сопротивление. Как вскоре выяснилось, от ложной славы я бежал предусмотрительно: наступили ранние холода, вода в канале замерзла. К тому же из-за нашего канала вода почти перестала поступать на сельскую мельницу, и местные жители прониклись к конькобежному спорту вообще и к конькобежцу Кудрявцеву в частности устойчивой антипатией. Тогда сельсовет вынес вердикт: строительство канала имени Кудрявцева прекратить! Теперь я понимаю, что нам тогда крупно повезло. Во-первых, мы в героическом своем порыве не учли одной детали, которую подметил бы любой нормальный человек:

сколько ни доливай воды в озеро — водоросли все равно всплывут! А во-вторых (это выяснилось чуть позже), выбранное нами место держало в округе первенство по среднегодовому уровню осадков. То есть даже построй мы каток — пришлось бы после каждого забега разгребать сугробы. Но тогда, зимой 1939 года, я не понимал, что нам повезло, и очень грустил...

И вот — Медео.

Сегодня трудно поверить, что место для катка, ныне всемирно известного, было найдено по редчайшей случайности. В один из дней 1949 года (установить историческую дату в точности пока не удалось) Кудрявцев коротал досуг за чтением газеты «Красный спорт». Проглядел и фотографии. Вот горнолыжник в одних спортивных трусиках скатывается с горы. Первая мысль Кудрявцева: «Райский климат...» И сразу за ней — вторая, решившая судьбу катка Медео: «Ведь такое место мы и ищем!!!»

То ли ЦК Компартии Казахстана и Совмин республики (помощь которых Кудрявцев оценивает крайне высоко) прониклись страстной любовью к конькобежному спорту, то ли прошлогодняя встреча спортсменов со Сталиным производила на местное руководство магическое действие... Как бы то ни было, с первых дней в распоряжение Кудрявцева предоставили полуторку, геодезиста и знавшего местность пограничника.

Но сколь трудно поверить в счастливую находку, столь трудно и вообразить себе ту беспрецедентную борьбу, что пришлось вести Кудрявцеву с разгильдяйством, со стихией безалаберности, охватившей подрядчиков, едва лишь ослаб прямой контроль ЦК и Совмина Казахстана. Вот приходит пора заливки — и тут выясняется: не провели нивелировку! И вся площадка завалена валунами! Только убрали валуны — грянули морозы. И рабочие радостно, чуть ли не с песнями, уехали. На «спасательные работы» был брошен отряд добровольцев — студентов института и техникума

физкультуры Ллма-Аты. Впрочем, беды на том не кончишь I. "Мы дергали Москву противоречивыми рапортами, — шин! много позже

Кудрявцев, — а Москва дергала нас: К п| да? Будет ли вообще?» А мы не укладываемся в сро-| и II тогда я прошу разрешения на то, чтобы сдать пока

и беговую дорожку, а остальное доделать потом.

(л ишайте!» — дают мне добро. Ладно, черт уж с тем, что миг подсунули неисправную помпу, — залили! Держится иода! Держится!..

Прервем на мгновение монолог Константина Констан-**тшшича**. Тем более что нет нужды рассказывать о том, что было дальше и чем стал для советских конькобежцев г а гок Медео. Уместнее поговорить сейчас вот о чем. Ведь не и какой-то чудесной, сказочной стране жил и боролся 1а судьбу Дела спортсмен и тренер Константин Кудрявцев, а в нашей, советской. Ходил по тем же улицам. Читал те же книги и газеты. С теми же чиновниками спорил. И разве не узнаваема в его жизни наша жизнь — до мельчайших подробностей? Разве не схожие условности приходилось принимать нам в расчет, тратить силы на преодоление преград, которых, по трезвому суждению, и быть-то не должно было на нашем пути? Разве не встречали мы профанов, не смыслящих в знакомых нам делах и работах ни бельмеса, но облеченных высшим доверием, посвященных в высшую тайну, непостижимую для человека здравого? И разве не такие, как Кудрявцев, люди, несуетливым, мудрым и настойчивым трудом приближали славные нынешние времена и, смею надеяться, еще более славные завтрашние?

Существует несколько традиционных форм взаимоотношений с административной системой: от полного принятия всех правил ее до открытого неподчинения. Выясняется однако, что эти крайние, полярные формы малоэффективны. Не самоуспокоение и не разрушительный бунт души, но лишь реалистический подход к делу, трезвость в оценке действующих на арене сил, планомерное и терпеливое «расширение плацдарма» — вот что приносит успех и вот что, собственно говоря, обусловило приход апреля 1985 года. И Кудрявцев, человек, органически не переносивший трескотни и высокого штиля, говорит об этом коротко: «Мне, беспартийному

большевику, как я именовал сам себя всю жизнь, нравится в новых временах многое. Нравится, что люди стали задумываться над тем, над чем раньше не задумывались. Новое мышление я понимаю как мышление самостоятельное».

Он, впрочем, и мыслил и действовал всегда самостоятельно. Порой и в одиночку. Он почти всегда работал «несмотря на», а не «благодаря». Так привык. Так и начинал шестьдесят лет назад, когда, увидев впервые настоящих конькобежцев, вырубил полозья коньков из продольных пил, раздобыл радиоконтакты с гайками и прикрутил полозья к старым ботинкам, а вместо трико соорудил гарнитур из свитера и перекрашенных кальсон. Казалось бы, сегодня ему в пору удивляться, отчего так быстро и четко решаются иные вопросы, решение которых полвека назад пожирало уйму времени и сил. А он не удивляется. Он-то всегда знал, что так и должно быть. И всегда сражался за это.

Можно, кажется, по пальцам одной руки пересчитать конькобежные рекорды, продержавшиеся хотя бы десяток лет. А рекорд, установленный Кудрявцевым на пятисотке в 18-градусный мороз (42,0), продержался шестнадцать лет — с 1940-го по 1956-й, — и лишь тогда Юрий Михайлов побил его.

Можно, кажется, по пальцам одной руки пересчитать людей, остающихся на исходе восьмого десятка лет в рядах действующих (и ведущих) тренеров. Но Кудрявцев вновь со сборной и счастлив, что оказался нужен спортсменам.

Правда, не хватит и звезд на небе для того, чтобы пересчитать тех, кто, единожды (или не единожды даже) столкнувшись с равнодушием, непониманием, несправедливостью, не выдержал, сломался, сдался, впал в бездействие или изнурительную конфронтацию. Увы! Они поднялись из натопленной раздевалки на продуваемый ледяными ветрами овал конькобежной дорожки, лютый мороз сковал их тела — и не вышли они на дистанцию. Константин Константинович Кудрявцев на дистанцию вышел. И победил.

НИ ДНЯ БЕЗ КОНЬКОВ

— Ваня! Домой!

Один из мальчиков, игравших на коньках в салочки, останавливается и резко поворачивает голову.

— Ваня! Домой, немедленно! Сколько можно на улице торчать!

Но Ваня и не думает прекращать свои забавы. Его только что осалили, и он страстно желает отыграться.

Иди! Пусть сколько можно заставляя мать кричать! Марш | | п три
домой! Спать надо!

и ши, понимая, что теперь уже пора прекращать игру, не оста-
и.итинаясь, выкрикивает приятелям: «До завтра!» — на ходу ус-

' кого-то пересалить, быстро пересекает крохотный дворик

дикий номер десять по Малому Кондратьевскому переулку, что
белорусского вокзала в Москве, вбегает в подъезд и его

И и!..кн-самоделки громко стучат по ступенькам узкой и скрипучки
лестницы.

И как повторяется каждый вечер...

И о еда наступала зима и свет редких фонарей освещал плотно \
трамбованный снег, чем-то напоминавший лед, во двор и на улицу
иысыпала ребятня, собиралась стайками и проводила здесь |и к
свободное время. Ваня Аниканов был завсегдааем снежно-
исдовых баталий.

Да и как можно было бросить забавы на коньках, товарищей,
состязания «на скорость с фигурой»! Была бы возможность,

Ваня Аниканов не уходил со двора совсем.

Однажды на очередную мальчишескую игру, в которой участвовал Иван, обратил внимание незнакомый высокий, атлетически сложенный мужчина. Увидев, как легко Аниканов обыграл остальных ребят, незнакомец подошел к Ване:

Как тебя зовут?

Аниканов Иван.

- Звучит истинно по-русски. Молодец, Ваня! Старайся. Тебе предстоит сделать многое.

Это своеобразное благословение Ване Аниканову сделал Николай Седов. Тот самый знаменитый Седов, которому удалось на чемпионате мира 1906 года обойти непобедимых в то время на дистанции 5000 и 10 000 метров скандинавов.

Вся жизнь Ивана Аниканова неразрывно связана с конькобежным спортом. Совсем мальчиком старший брат привел его впервые на каток, где Аниканов-младший влюбился в коньки. Долгие зимние вечера он проводил во дворе и на улице, где заслужил славу чемпиона всех трех Кондратьевских.

11ятнадцатилетним подростком Иван Аниканов поступил работать в типографию газеты «Правда». Здесь он познакомился с Константином Михеевым, довольно известным скороходом тридцатых годов. На работе он тоже был на хорошем счету: наборщика Первой образцовой типографии Аниканова ценили как специалиста высокого класса. А по вечерам он превращался в тренера-активиста. Именно Михеев и был первым наставником Аниканова.

11отом он занимался у Михаила Васильева, который считался одним из лучших в Москве специалистов по технике. Васильев сумел привить ученику особый стиль бега, которым восхищались на разных катках мира, называя его красивым и экономичным; говорили, что Аниканов даже не бежит, а висит над льдом.

Первый большой успех пришел к Ивану Аниканову в 1935 году. Он выигрывает на чемпионате СССР полуторку, переиграв самого Якова Мельникова.

Понимая, что теперь Аниканову нужен более опытный наставник, Васильев передал тренерскую эстафету Василию Ипполитову, талантливому от природы педагогу, умудренному большим жизненным опытом. Ипполитов отныне сосредоточил внимание на том, чтобы его ученик достигал пика формы к самым ответственным соревнованиям.

Всего за год занятий с Ипполитовым Аниканов повзрослел, набрался опыта. Это помогло ему завоевать в 1936 году звание чемпиона страны по многоборью. Год спустя ему вновь не было равных на первенстве СССР. Он легко переиграл конкурентов не только в многоборье, но и вышел победителем на трех дистанциях — 500, 1500 и 5000 метров с рекордами страны. Затем еще трижды Аниканов завоевывал звание абсолютного чемпиона страны, неоднократно добивался побед на отдельных дистанциях.

Летом 1948 года Аниканова вызвали во Всесоюзный спорткомитет и предложили тренировать женскую сборную страны по конькам. Под руководством Аниканова наша женская дружина одерживала яркие незабываемые победы на международной арене.

В 1953 году в качестве старшего тренера Аниканов привез мужскую сборную на чемпионат мира в Хельсинки. Эти соревнования, как известно, закончились триумфом наших конькобежцев.

Спортсмен Аниканов одержал много удивительных побед, тренер Аниканов воспитал целую плеяду скороходов, преданных конькобежному спорту учеников. Один из них — Владимир Шильковский. Человек трудной судьбы и удивительных достоинств.

В шесть месяцев его оперировали, и Володя потерял правую руку. Но уже в детстве он поставил перед собой цель: ни в чем не отставать от других. И Шильковский добился этого. Несмотря на

физический недостаток, он был первоклассным пловцом и велосипедистом. Он делал многое из того, что не под силу абсолютно здоровым людям. Сначала в Шильковского не верили, говорили — бесперспективный.

Когда Владимир стал тренироваться у Аниканова, то они вместе тщательно разобрали все ошибки. Результаты Шильковского резко пошли в гору. В 1958 году он завоевал серебряные награды на чемпионате мира и Европы. Шильковский закончил с отличием горный институт, защитил кандидатскую диссертацию и затем руководил большой творческой группой в научно-исследовательском институте.

Всех воспитанников Аниканова даже невозможно перечислить. Второй призер чемпионата мира и чемпион Европы Роберт Меркулов, заслуженный мастер спорта Павел Беляев, мастер спорта, кандидат педагогических наук, заслуженный тренер СССР Валентин Приставкин, воспитавший в свою очередь чемпионку мира по спринту Любовь Садчикову, неоднократный призер первичеств СССР и мира Вера Постникова, призеры чемпионатов мира Ева Иванова и Нина Ясашина.

Александр Любимов

ПОКОРИТЕЛИ ВЕРШИН ИЗ НИЖНЕГО

I ■ и! перелистать первые страницы отечественной конькобежной не гописи, то чаще других в них упоминаются Москва и Петро-|р.| д. Удивляться этому не приходится: действительно, в двух с годичных городах были созданы первые спортивные кружки, проходили первые соревнования по конькам.

II" уже в двадцатые годы появляется упоминание и о Нижнем Новгороде. А потом на долгие годы молва о прекрасных конько-| и жцах из города на Волге будет передаваться из уст в уста.

II до сих пор не проходит сезона, чтобы спортивный мир не говорил о каком-нибудь конькобежце из Горького. Сам факт, что

гри представителя горьковских коньков принимали участие в зимних Олимпийских играх в Калгари, уже говорит о многом. Ираида, лавров ни Сергей Березин, ни Александр Мозин, ни

Глена Туманова в далекой Канаде не снискали, зато их предшественники...

Первой в этом ряду должно стоять имя Елены Бобриневой.

Она и была первой из тех, кто участвовал в соревнованиях за пределами родного города. Случилось это в 1926 году на всесоюзном турнире в Москве. Так вот, Бобринева заняла тогда третье место на единственной из разыгрываемых дистанций, преодолев 500 метров на беговых коньках за 69 секунд ровно.

Л через два года в первом официальном чемпионате СССР пятое место заняла другая нижегородская спортсменка Антонина Балденкова-Соколова. На втором подобном турнире, проходившем в 1933 году, она выиграла дистанцию 1500 метров и заняла третье место в многоборье. Еще через год она вновь выигрывает полугорку и занимает теперь уже четвертое место в абсолютном первенстве. Балденкова-Соколова выступала в соревнованиях вплоть до 1940 года. Ее отличали мягкое, техничное скольжение, умение ровно распределять силы.

На первом чемпионате страны стартовала еще одна волжанка, которой суждено было стать едва ли не самой знаменитой спортсменкой Горького тридцатых годов. Речь идет о Валентине Кузнецовой. Тогда, в 1928 году, она заняла второе место на дистанции 1000 метров и была третьей по сумме двух проведенных дистанций. Трижды выигрывала Кузнецова чемпионаты страны в многоборье, не раз становилась призером. «По своим способностям, — писала в те годы газета «Красный спорт», — она напоминает Я. Мельникова». Кузнецова демонстрировала мощный бег, обладала выдающимися физическими данными. Еще в 1948 году (завидное долголетие) Валентина участвовала в соревнованиях.

Тогда же завершила свои выступления на дорожке и Серафима Паромова, абсолютная чемпионка страны 1936 года. Тот турнир закончился полным триумфом волжских конькобежек — они заняли весь пьедестал почета: следом за Паромовой стояли Кузнецова и Марианна Валовова. Победный результат чемпионки в многоборье — 226,349 очка был выше официального мирового рекорда. Еще раз Серафима становилась призером чемпионатов страны и на отдельных (как правило, стайерских) дистанциях, и в многоборье.

Валовова, напротив, тяготела к спринту. Она была моложе Паромовой и Кузнецовой. В коньки пришла из хоккея с мячом. Интересно, что свою первую победу на всесоюзной арене — кроме большой бронзовой медали в многоборье она выиграла пятисотметровую дистанцию — Марианна одержала в 17 лет! По тем временам это был редчайший случай. Ей принадлежали рекорды страны на 500 и 1000 метров, а достижение в спринте (48,1), установленное в 1937 году, держалось 15 лет. Это был своеобразный рекорд. Валовова была одной из тех, кто заложил основы современной техники старта. Она была разносторонней спортсменкой, чемпионкой и рекордсменкой СССР по велогонкам на треке.

Но не только женщины из города на Волге покоряли в тридцатые годы конькобежные вершины. В числе победителей крупнейших турниров были и скороходы из Нижнего Новгорода.

В 1932 году впервые заявил о себе на всесоюзной арене Николай Лебедев, выигравший на чемпионате страны в Москве дистанцию 1500 метров. А вообще ярко выраженный спринтер четыре раза становился победителем чемпионата СССР на 500 и 1500 метров. В споре с Яковом Мельниковым дважды (в 1933 и 1934 годах) занимал Лебедев вторые места по сумме очков классического многоборья.

Серьезную конкуренцию Мельникову, но на длинных дистанциях, составил Николай Шаромов. Призер чемпионата СССР 1937 года на 5000 (третье место) и 10 000 метров (второе место), он побил

всесоюзный рекорд Мельникова на пяти километровой дистанции.

Стайерские дистанции предпочитал и Аркадий Чулков, ставший призером чемпионата СССР 1938 года. Лекальщик с завода «Красное Сормово», он известен еще и как изобретатель станка, на котором конькобежцы точат коньки еще и сегодня.

Но, пожалуй, самой яркой фигурой в мужских коньках тех лет был заслуженный мастер спорта Евгений Летчфорд. Он впервые заявил о себе в 1936 году, а через год был вторым на 1500 метров и третьим по сумме многоборья на чемпионате страны. Затем два года кряду Летчфорд побеждал на всесоюзных первенствах. Неоднократно становился призером на стайерских дистанциях, владел рекордами страны на 3000, 5000 и 10 000 метров.

Летчфорд обладал оригинальной, хорошо отшлифованной техникой бега, серьезным научным подходом к тренировкам. Горьковчанин выработал собственную систему специальных упражнений, динамику нагрузок в годичном тренировочном цикле. Закончив выступать в 1946 году, Летчфорд перешел на тренерскую работу. Был даже старшим тренером сборной страны.

В числе его воспитанников — горьковчане чемпионы СССР Геннадий Пискунов, Владимир Сахаров, серебряный призер зимних Олимпийских игр в Скво-Вэлли Наталья Донченко.

Летчфорд стал организатором первой в стране детской спортивной школы по конькам, которая была открыта на горьковском стадионе «Водник». На льду этого знаменитого катка начинали свой путь в большой спорт известные мастера конькобежного спорта Лев Лисин, Юрий Кислов, Геннадий Юдин, Юрий Володин, Виктор Лескин. Но самой яркой звездой горьковских коньков стала двукратная олимпийская чемпионка Татьяна Аверина.

Феликс Доленко, Лев Леонов

ПАТРИОТ

«Рассказывал Толя Капчинский — голубоглазый, атлетически сложенный юноша, рекордсмен Союза по конькам, человек веселый, общительный, ставший нашим общим любимцем еще в лагере под Москвой».

Как пишет в своей книге «Сильные духом» Герой Советского союза Д. Медведев, командир партизанского отряда, в котором дрался с оккупантами и погиб замечательный спортсмен Анатолий Капчинский.

Как живой он стоит перед глазами и теперь. Коренастый, подвижный, с волевым лицом, освещенным высоким, широким лбом. Щепетильно-правдивый, нередко до резкости прямой, Анатолий никогда не шел на компромиссы со своей совестью и готов был на любые личные жертвы ради товарища. Таким он жил, таким и погиб в бою с оккупантами, возглавляя группу партизан-разведчиков в тылу врага...

Рос Толя Капчинский в Саратове. Круглый год он не разлучался с любимой Волгой.

Анатолию легко давались все виды спорта. Он превосходно плавал, прыгал в воду с вышки и трамплина, управлял яхтой, но главной его страстью всегда оставался бег на коньках. Анатолия увлекал этот вид спорта своей сложностью, потребностью экспериментировать, искать и находить новое. Творческое вдохновение Анатолия получало здесь богатую почву. И не удивительно, что этот порывистый, темпераментный юноша едва ли не с первых своих выступлений на коньках стал сначала лучшим спринтером родного города и Поволжья, а затем и страны.

Окончив семилетку, Толя мечтал продолжать учебу, но нужно было помогать семье. В шестнадцать лет он уже работал: сначала матросом, а потом чернорабочим на фабрике, затем в геодезической партии. Позднее Анатолий поступил учеником токаря на завод и, быстро прогрессируя, уже через год получил

шестой разряд. Капчинский был потомственным металлистом. Его отец — Константин Северьянович — судовой механик, сын многому научился у него еще до прихода на завод.

Когда Толя стал хорошо зарабатывать, он решил продолжать учебу. В 1931 году Капчинский поступил на вечерний рабфак технологического института, а затем стал студентом.

Совмещать спорт с работой и учебой было необыкновенно трудно. Ведь зимой, когда проходили главные старты по конькам, шла самая напряженная учеба. Но недаром Анатолий отличался редким упорством. Ни одного дела не бросал он на полдороге.

Это его замечательное качество всегда поддерживала мать, Елена Ивановна.

Незадолго до своего первого выхода на всесоюзную ледяную дорожку, в 1934 году, Анатолий был участником похода четырех советских яхт вокруг Скандинавского полуострова. Из этого похода он вернулся полный ярких впечатлений, загорелый, поздоровевший. И конькобежный сезон после этого провел блестяще. В 1935 году он выиграл бег на 500 метров в соревнованиях на первенство профсоюзов, а затем стал чемпионом СССР на спринтерской дистанции.

В конце 1935 года Капчинский переехал в Москву и поступил учиться в институт инженеров железнодорожного транспорта. Здесь начался самый трудный, но вместе с тем и самый интересный этап в жизни спортсмена.

И программа нового института была много сложнее, чем в Саратове, да и спортивные задачи стали ответственнее прежних. Теперь он был чемпионом страны, а его соперники — сильнейшие советские скороходы. Тренируясь вместе со своим основным соперником, впоследствии рекордсменом страны в беге на 500 метров К. Кудрявцевым, Анатолий старался на поворотах выдерживать скорость Константина. В 1938 году в Кирове

Капчинский установил всесоюзный рекорд на дистанции 1500 метров, который продержался около тринадцати лет.

В первые же дни войны Анатолий добровольно ушел в армию вместе со многими своими товарищами-спортсменами. Годами воспитанное чувство товарищества ярко проявилось в военные годы. Стахов, комиссар партизанского отряда, писал Галине Капчинской: «Хотелось много рассказать о вашем погибшем муже, о нашем боевом друге-товарище Толе (мы все так его звали). Толю мы очень уважали. Это был прекрасный товарищ и человек. Я и сейчас ясно представляю его себе: походку, улыбку, разговор. Толя погиб как герой, как настоящий патриот, любивший свою Родину-мать».

За свой подвиг Анатолий Капчинский посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Владимир Орлов

Глава III

УТВЕРЖДЕНИЕ

Отгремели последние залпы второй мировой войны. Страна поднималась из руин. Но спортивная жизнь продолжалась. Зимой 1946 года лучшие скороходы СССР отправились в Норвегию.

К этому моменту на первые позиции в нашем конькобежном спорте вышли ленинградец Николай Петров, москвичи Владимир Прошин, Игорь Ипполитов, Константин Кудрявцев, Александр Люскин. Именно они и возглавили команду. Первое выступление советских скороходов состоялось 2—3 февраля в Тронхейме. Эти соревнования были названы чемпионатом Европы. В них действительно приняли участие все сильнейшие конькобежцы континента, но впоследствии Международный союз конькобежцев по формальным причинам не признал чемпионат официальным.

Совершенно неожиданно завершились забеги на длинные дистанции, особенно популярные в Скандинавии. Шведы и норвежцы проиграли ленинградцу Петрову, который сначала уверенно выступил на 5000 метров, пробежав дистанцию за 8.27,8, опередив на 4,9 секунды второго призера соревнований шведа Гете Хедлунда. На 10 000 метров оба бежали в одной паре. Швед и на этот раз не сумел выиграть у Петрова, который показал по тем временам высокий результат — 17.25,9. По сумме многоборья Петров занял третье место.

Неделю спустя в Осло на знаменитом «Бишлете» проводилось неофициальное первенство мира. Скандинавам удалось взять реванш. Хедлунд и норвежец Одд Лундберг сумели опередить Петрова.

Еще через три дня на первом официальном матче нашей сборной с норвежцами Петров опять смело бросил вызов законодателям мод на стайерских дистанциях. Ему не было равных в беге на 5000

метров. Конькобежцы Норвегии с большим трудом сумели выиграть матч.

В те же дни в Осло проходила еще одна матчевая встреча. На льду спорили сильнейшие бегуны Норвегии и СССР. Этот турнир стал первой в истории мировых коньков матчевой встречей женских команд. До второй мировой войны спортсменки Норвегии побеждали в личных соревнованиях на стадионах мира, и сокрушительное поражение от советской команды было воспринято как сенсация. Марианна Валова, Татьяна Карелина, Мария Исакова буквально разгромили своих соперниц, убедительно выиграв на каждой из четырех дистанций.

Спустя несколько недель сильнейшие норвежские скороходы во главе с Оддом Лундбергом приехали в СССР с ответным визитом. И на наших катках признанные лидеры мировых коньков если и побеждали, то не без труда.

В 1948 году Всесоюзная секция конькобежного спорта вошла в состав Международного союза конькобежцев, и теперь наши спортсмены могли участвовать во всех крупнейших турнирах.

В том же году состоялся их официальный дебют. 14—15 февраля в финском городе Турку победы добились наши женщины. Москвичка Мария Исакова стала первой советской чемпионкой мира. Ленинградка Лидия Селихова и москвичка Зоя Холщевникова поднялись на вторую и третью ступени пьедестала почета. Лучшая из соперниц норвежка Ранди Турвалдсен сумела занять четвертое место, финка Верне Леше, которой перед чемпионатом прочили победу, была только шестой.

А вот мужчины потерпели неудачу. Там же, в Финляндии, две недели спустя они выглядели очень слабо в беге на 5000 метров. В итоге никто не получил права стартовать на дистанции 10 000 метров, к которой, по правилам того времени, допускались лишь двенадцать лучших по итогам забегов на другой стайерской дистанции — 5000 метров. Успешным нужно признать только выступление москвича К. Кудрявцева. Он пробежал 500 метров с

лучшим временем — 43,9, опередив на 0,4 секунды американца Джонни Уоркета.

Этот проигрыш помог критически оценить состояние скоростного бега на коньках в нашей стране. Понадобилось пересмотреть систему учебно-методической работы, увеличить объем тренировок, повысить их интенсивность, придать подготовке спортсменов круглогодичный характер. Спорткомитет принял действенные меры по развитию конькобежного спорта. В частности, были изменены разрядные нормативы. Если до этого звание мастера спорта присуждалось скороходу, набравшему в сумме большого многоборья 208 очков (причем в разных соревнованиях сезона), то теперь для этого нужно было получить на четырех дистанциях в одном турнире не более 200 очков.

Спортсмены, да и многие тренеры, поначалу сочли этот показатель чрезвычайно высоким. Однако уже зимой 1950 года новую норму мастера спорта смогли выполнить Юрий Головченко, Владимир Прошин, Николай Мамонов и Юрий Сергеев.

Зарубежные скороходы устанавливали мировые рекорды на высокогорном катке в Давосе. Наши конькобежцы тоже мечтали о таком стадионе для тренировок и соревнований. И место для него было найдено — урочище Медео неподалеку от Алма-Аты.

Этот каток сыграл большую роль в воспитании классных советских скороходов. Здесь они оттачивали технику бега на сверхвысоких скоростях, отрабатывали графики рекордных забегов, здесь вселялась уверенность в грядущие победы.

5 февраля 1951 года на Медео был установлен первый мировой рекорд. Софья Кондакова пробежала 1000 метров за 1.36,8.

У мужчин первым мировым рекордсменом среди советских конькобежцев стал москвич Юрий Сергеев. 6 января 1952 года на ставших традиционными состязаниях на призы Совета Министров Казахской ССР он пробежал пятисотку за 41,7. Это

время на 0,1 секунды было лучше простоявшего четырнадцать лет рекорда норвежца Ханса Энгенстангена.

В 1953 году наши конькобежцы после пятилетнего перерыва вновь выступили на чемпионате мира. Олег Гончаренко из Москвы и Борис Шилков из Ленинграда победили на льду того самого стадиона в Хельсинки, где пять лет назад советские конькобежцы потерпели фиаско. Гончаренко был увенчан лавровым венком чемпиона, а Шилков занял второе место. Третий наш участник — горьковчанин Владимир Сахаров — занял седьмое место.

После окончания зимы-53 пришло сенсационное сообщение из Норвегии. Трехкратный чемпион мира, Европы и олимпийских игр норвежец Яльмар Андерсен решил вернуться на лед после годичного перерыва и нанести поражение конькобежцам СССР. Но лучшее, чего сумел добиться Андерсен на соревнованиях 1954 года, — выиграть две стайерские дистанции и завоевать большую серебряную медаль на чемпионате Европы.

1954 год не без оснований называют годом Бориса Шилкова. Он опередил всех на чемпионате мира в японском городе Саппоро. Причем весь пьедестал почета заняли советские спортсмены: «серебро» завоевал Гончаренко, а «бронзу» — Евгений Гришин. Спустя три недели Шилков выигрывает чемпионат Европы, а под занавес сезона в Свердловске на чемпионате СССР становится абсолютным победителем.

Казалось, после серии великолепных мировых рекордов, показанных на катке Медео Ю. Сергеевым, Е. Гришиным, Б. Шилковым и Дмитрием Сакуненко из Владимира, лавровые венки чемпионов мира и Европы 1955 года вновь отправятся в СССР. Но золотые медали уехали в Швецию: и чемпионат мира, и чемпионат Европы выиграл Сигвард Эрикссон.

После того как в 1948 году наши женщины дебютировали на международной арене, несколько лет подряд им не было равных. Исакова, Селихова, Халида Щеголеева, Римма Жукова, как бы передавая эстафету из рук в руки, выигрывали звание сильнейших в

мире. Им великолепно ассистировали Холицевнико-ва, Зинаида Кротова, Мария Аниканова, Кондакова и Тамара Ры-лова. Они на каждом чемпионате занимали весь пьедестал почета. И лишь однажды — в 1952 году — норвежке Ранди Турвальд-сен удалось подняться на третью его ступеньку.

Александр Любимов

Римма Жукова, заслуженный мастер спорта

ЗОЛУШКА ИЗ ВЯТКИ

В те годы на соревнованиях конькобежцев трибуны были переполнены, как сегодня на концертах рок-звезд. Трибуны аплодировали, свистели, кричали, переживали. Равнодушных не было. Рекорды и неудачи спортсменов становились для людей их личными рекордами и неудачами.

Сейчас я пытаюсь понять этот феномен. Почему именно сороковые-пятидесятые годы сделали спортсменов примером для подражания в обществе? Любовь к спортсменам была единой, сверху донизу, безвозрастной. Может быть, потому, что спорт стал бесспорен, как аксиома. Остальное — зыбко, спорно, страшно.

А если задуматься? Успехи спортсменов создавали иллюзию здоровья нации. Ее силы, единства и непобедимости. Спортсмены становились людьми, делающими политику. Они помогали создавать и поддерживать миф, при этом не всегда понимая отведенную им роль. Они тренировались, выступали, были мужественными, безусловно талантливыми людьми. Но и немного наивными.

«Мы рождены, чтоб сказку вделать былью», — пели на параде физкультурников. Это и была сказка — прекрасная сказка Спорт, с ее несколько условным миром, иллюзорным и справедливым. В этом мире всегда побеждает добро и справедливость, победитель награждается медалью и становится на высшую ступень пьедестала почета, а проигравший пожимает ему руку. И все живы и здоровы. Сегодня многие спортсмены, бывшие прославленными тогда, так и

рассказывают о времени своей юности, ибо они и видели его таким, будучи людьми, благодаря которым создавался миф о времени.

Это была не только «фабрика рекордов», но и «фабрика грез». Поэтому самый распространенный здесь сюжет — вечный сюжет о Золушке, повторяющийся в сотнях вариантов.

Так было и на этот раз. Итак...

Жила-была девочка. Злой мачехи и сестер у нее не было. Были работающие с утра до вечера мать и отец, старший брат и сестра — совсем не злые, только замотанные и уставшие бороться за кусок хлеба. Был подвал, в котором родилась и выросла Маша Исакова, и все это происходило в Вятке.

Л рядом с тем подвалом — сверкающий огнями каток, который манил, как возможность другой жизни, в котором скорость, блестящий лед под ногами и кружащая голову музыка... И полет, полет без конца, полет над убо-Г ой сыростью подвала, над вечно рваными на локтях рукавами и коленками в ссадинах. Над всем. Денег на билет не было, но был забор, и Маша оказывалась на катке.

Л доброй феей стал глава «Юного динамовца» Оба-туров. Он рассмотрел в худенькой, носящейся по льду девчонке будущую звезду, и, как водится в сказках, взмахнул волшебной палочкой, и... выдал Маше Исаковой настоящие коньки. Правда, оказалось, что в жизни одной волшебной палочки мало. Надо работать каждый день, упорно, много, осваивать технику бега, вырабатывать выносливость и силу. Тем более что каких-то феноменальных физических данных у Золушки из Вятки не было. Худенькая, маленького роста. Кажется, подуй ветер — и с ног свалит. И все же, как будто играючи, легко осваивала Маша технические элементы бега, сложную координацию движений. Она была, видимо, просто талантлива. На первых же в жизни соревнованиях Исакова установила сразу два рекорда города. Все было действительно как в сказке: подбежал корреспондент и ослепил магниевой вспышкой, а потом начальник боевой подготовки вятского «Динамо» Шамов спросил: «Какой приз ты бы хотела получить за свои успехи?» И Маша выдохнула в морозный воздух заветное: «Галоши!»

Галоши ей вручали в сказочном дворце — Доме физкультуры под звуки волшебного вальса...

Мария творила на льду свободно и легко. Ах, коньки-коньки — два тонюсеньких лезвия, удержаться бы на вашем острие, научиться скользить, не чувствуя опасности виражей. При дворе французской королевы Марии-Антуанетты горе было придворным, не умеющим скользить по льду Версальского катка.

Один из ответственных работников ОГПУ Обугов любил спорт. Он был одновременно председателем местного «Динамо». Однажды в полночь, проходя мимо катка, Обугов увидел Машу, продолжавшую, несмотря на позднее время, отмерять круг за кругом по ледовому овалу. Она бегала одна на пустом катке. Обугов молча наблюдал за летающей по льду девочкой, потом подошел: «Давай знакомиться!» В конце разговора заметил: «Молодец! Выйдет из тебя толк. Не буду мешать...»

С этого дня Обугов стал для Маши первым советчиком, а дом Обугова — ее вторым родным домом. Но однажды ее благодетель исчез из дома, и больше не вернулся. По мнению девочки, он был честным человеком, и Маша, не разбираясь в происходящем, чувствовала одно: такой человек не мог совершить ничего плохого.

В тот момент жизнь впервые показалась ей сложной, что-то перестало укладываться в привычные стереотипы.

Заканчивался 1934 год... Обгоняли друг друга мчащиеся по зеркальной поверхности льда конькобежцы... А в Ленинграде был убит С. М. Киров, где-то недалеко шли спецэтапом поезда и пропадали в никуда люди... Миф и реальность поменялись местами. Так было удобнее...

Но впереди предстояли новые старты. В 1938 году Мария Исакова установила мировой рекорд на дистанции 1500 метров, вышла на высочайший уровень результатов, ее жизнь круто набирала обороты. Другой уровень, другая степень ответственности и все другое.

Но с выходом на международную арену пришлось повременить. Мария вышла замуж и ждала ребенка... Родилась дочка, потом вскоре другая. Пришло счастье материнства и ... неуходящая мечта о большом спорте. Наступил 1941 год. Война. Муж ушел на фронт. Кончилась счастливая мирная жизнь. Не до тренировок.

Реальность крови, страха и смерти ворвалась в дошедшую только до середины сказку о Золушке. И вытеснила ее. Убит на фронте муж. Умерла маленькая дочка. После ночных дежурств в госпитале еле держалась на ногах. Ленинград в блокаде, немцы под Москвой, десятки раненых привозят каждый день. При чем тут зеркальность льда и острие конька, поблескивающее на старте? Все это казалось призрачным, далеким и ненужным сейчас.

Но в феврале 1943 года было принято решение о проведении первенства страны по конькобежному спорту, и Марию вызвали в Москву. Сказка продолжалась. Только теперь у нее был другой смысл. Пока Мария ехала в поезде в Москву, никак не могла понять, зачем сейчас эти соревнования? Но как раз в 1943-м спорт сомкнулся с жизнью: он помогал преодолевать невзгоды и укреплял веру, что металл гусениц не возьмет верх над мужеством и волей людской. Это был тот короткий промежуток, в котором мифы и реальность сошлись в стране в одной маленькой точке прицела, державшем на волоске от смерти человеческую жизнь.

15 соревнованиях Мария Исакова заняла всего лишь . гдье место, но это было не важно. Вновь возвращалось ощущение полета над льдом, оно жило в кончиках пальцев и сохранялось всю дорогу от Москвы до (теперь уже) Кирова.

В Москву она вернулась скоро. Теперь уже навсегда.

Спортивная форма после потери мужа и дочери, голода п работы в госпитале возвращалась трудно. Все меньше оставалось в жизни сказки, все больше превалировали труд, пот, житейские сложности.

Сборная страны по конькам тех лет... В ней не было зависти, интриг, выживания, подсиживания. Соперницами они были на дорожке, в

жизни — друзьями. В этом маленьком микромире команды не проявлялись реальные взаимоотношения окружающего мира, зато в коллективе проявлялись люди — их чистота, определенность оценок, честность.

Эта послевоенная команда стала теперь легендой, тоже сказкой, если хотите. Исакова, Холщевникова, Карелина, Акифьева, Валовова, Селихова... Может быть, конечно, и были трения в их отношениях, но не они определяли главное в этой сборной. Главным был спорт! Абсолютная преданность идее. В жизни фанатизм нередко порождает зло и жестокость, в спорте был необходим. Это как раз тот феномен, при котором воспитанная эпохой бескомпромиссная однозначность и забвение своих интересов во имя общей цели служили благу. Еще один перевертыш времени.

В 1946 году команда советских спортсменок впервые выехала на родину конькобежного спорта — в Норвегию. Летели в холодном военном самолете, и Маша Аниканова по такому случаю одолжила Марии Исаковой свои лучшие подшитые валенки. Все было непривычным, боязнь показаться смешными, что-то сделать не так, заставляла молчать.

Золушка из Вятки впервые чувствовала себя не в своей тарелке, как Золушка на балу. Правда, той, сказочной Золушке, было легче — она могла в любой момент исчезнуть. Исаковой предстояли старты с лучшими конькобежками мира. И она перестаралась — накануне перетренировалась, выполнила большой объем работы. Теперь болели все мышцы, казалось, нет больше сил.

Выступила Мария ниже своих возможностей — заняла второе место, но ее бег произвел на норвежцев огромное впечатление: она поистине покорила Европу, в точности как Золушка гостей на королевском балу. А почувствовав искреннее восхищение, внимание, симпатию, Мария сбросила с себя скованность, стала сама собой — прекрасной собеседницей, остроумным человеком: «Мы же вятские...»

Так пробил ее звездный час, который растянулся на многие годы. Через две недели после возвращения из Норвегии Исакова выиграла

абсолютное первенство страт ны, получила звание заслуженного мастера спорта, а потом побеждала вплоть до 1951 года на всех чемпионатах СССР.

В 1948 году наконец-то пришло время, когда советские спортсменки стали принимать участие в чемпионатах мира. Первым для конькобежек стал финский город Турку. Разминаясь на льду перед первым стартом, Мария вдруг почувствовала хруст в коленном суставе и невыносимую боль. И до этого бывали такие же неприятные ощущения — подводил мениск. Врачи все чаще говорили о необходимости операции — нагрузки сделали свое дело. Но как быть теперь, как выступать? Через 20 минут — забег, и на нее, Марию Исакову, лидера советской команды, ложится особая ответственность. С перевязанным коленом, стараясь не хромать от пронзающей боли, Мария вышла на лед.

Фальстарты... Волнение. И все же время на 500 метров неплохое. На следующей дистанции — 3000 метров — все наши конькобежки проиграли финской чемпионке Верне Леше. Оставалась одна Исакова. Колено болело непрерывно, даже тугая повязка не помогала. Но на льду она забывала о боли, заставляла себя забыть. На каждом круге Мария выигрывала у финки: сначала секунду, затем еще полсекунды, потом самую малость — десятые доли секунды... Всего она выиграла 3,6 секунды!

На следующий день предстояла борьба еще на двух дистанциях. Мучительная боль, бессонная ночь. Пожалуй, на этом сказке и конец: ни один из сказочных героев не преодолевал собственную боль и усталость так, как сейчас приходилось это делать Марии. И не было надежды на чудо.

Правда, могут возникнуть весьма закономерные вопросы: зачем все это, зачем такие муки, ради чего? Признаюсь, этот вопрос возникал и у меня. Неужели в мире что-то изменится, если выиграет одна спортсменка или другая, и стоит ли так рисковать своим здоровьем, выкладываться до последнего? Есть, конечно, в этом определенный элемент бессмысленности, но так же бессмысленны могут быть и другие виды человеческой деятельности. Вероятно, есть, наверняка он

есть, свой смысл в испытании силы, выносливости, скорости. Побеждая, человек познает свои возможности, и не только физические, но и нравственные. Причем спорт — одна из немногих областей человеческой деятельности, в которой победа бесспорна, ибо секунды, метры, килограммы оцениваются беспристрастно, объективно.

Все это так. И не так! Потому что существует другая сторона медали; спортсмен нужен, пока он приносит своей команде и стране победы, жертвуя при этом своим здоровьем, личной жизнью. Когда же он сделал свое дело, о нем зачастую забывают, он уже не нужен. Такое происходит не только в спорте, это уже стало общей закономерностью. Человек, к сожалению, не цель, а средство. Потом он становится в лучшем случае «почетным членом», а обычно просто никем.

Поэтому, когда Мария Исакова в финском городке, преодолевая боль в колене, готовилась выступить на двух оставшихся дистанциях, она делала это, конечно, искренне. И только теперь, зная судьбы спортсменок из большого спорта, принесших стране много побед и славы, я думаю: а не слишком ли дорога цена за здоровье и потерянные радости жизни, стоило ли так затрачиваться и рисковать? И не нахожу ответа. Слишком часто мы эксплуатируем энтузиазм, а люди расплачиваются за это горькими прозрениями. Впоследствии...

А тогда, в Финляндии, Мария выиграла две оставшиеся дистанции и стала чемпионкой мира. Серебряную и бронзовую медали тоже получили советские конькобежки. На родину они возвращались с триумфом, и встречали их, как встречают победителей. Потом было много таких встреч — из Норвегии, Финляндии, Швеции... Цветы на аэродромах, корреспонденты, приветственные речи, слава. Их узнавали на улице, просили автограф, подражали их костюмам, манере разговора, шуткам, с эстрады шел веселый спортивный каламбур. Это было их звездное время. Настольная статуэтка чемпионки мира Марии Исаковой, отлитая по оригиналу скульптора Янсон-Манизер, стояла в клубах, учреждениях, просто в домах. Запечатлена Мария и в барельефе на станции метро «Динамо»...

Перед первенством СССР 1950 года подвело здоровье — на этот раз грипп. И опять затянувшиеся осложнения после болезни, слабость.

Снова борьба на дорожке — борьба с собой. И снова — победа. Правда, потом эти победы над собственным здоровьем отзываются больным сердцем, сосудами, почками. Мы почему-то считаем жизнь состоянием постоянного боя — на стадионе, в цеху, на поле. И все — на пределе, все — на износ, как будто постоянно впереди враг. Мы покоряем и металл, и целину, и Сибирь, в которой после этого не остается лесов, и реки, в которых после этого не остается рыбы, и свое здоровье, которого после этого тоже не остается. И жизнь теряет радость и становится постоянной обязанностью. Она становится противоестественной от насилия над человеческой природой. По моему глубокому убеждению, спорт необходим и естествен тогда и до тех пор, пока он не становится разрушителем для человеческого организма, как и любая другая работа.

Но спорт — прежде всего. Потому что в каком-либо другом роде деятельности экстремальные условия и труд на пределе объясняются порой соображениями необходимости именно такой работы во имя существования людей. Спорт же должен прежде всего служить здоровью, быть радостью, отдыхом, раскрепощением. Спорт, уродующий здоровье, так же бессмыслен, как убивающий лекарь. Цель и средства начинают противоречить друг другу. Поэтому, испытывая глубочайшее уважение к моим подругам, команде конькобежек тех лет, к их стойкости, мужеству, честности, таланту, я тем не менее не перестаю сомневаться, а стоила ли цель таких больших затрат, стоила ли?..

Этот же мой вопрос обращен и к спортсменам сегодняшним в еще большей степени, ибо если тогда спортсмены сами выбирали, идти ли им до победы ценой собственного здоровья или нет, то за сегодняшних спортсменов во многом эту проблему выбора решают медики и тренеры. Подчас не всегда обоснованно научно, а то и лженаучно.

Мария Исакова ушла из большого спорта. Было ей тогда 34 года. Что же дальше?

Надо было начинать все сначала. Уходили силы, сдавало здоровье. Правда, Мария Григорьевна Исакова как раз оказалась человеком, сохранившим в неприкосновенности идеалы молодости и верящим в

искренность воззваний и слов сегодняшних. Поэтому она искренне и честно, так же как на дорожке, стала работать в федерации конькобежного спорта и ЦК ВЛКСМ. Она объездила с поездами «Ленинский комсомол» весь БАМ и Дальний Восток, выступала перед строителями, воинами, студентами, школьниками. Рассказывала о спорте, о себе убежденно, искренне. Ее любили приглашать. Потому что Исакова естественна во всем — она говорит не казенным языком, а с шуткой, весело, увлеченно. Так после ухода из спорта основной ее работой стала работа общественная.

Принесло ли это полное удовлетворение? Не знаю. Герои сказок не склонны к анализу. Они совершают подвиги, они храбры и честны, потом они сами становятся героями собственных мифов и рассказывают о своих выступлениях и победах.

Анализировать — дело других. Пожалуй, именно поэтому судьба Марии Исаковой в спорте наименее драматична, в ней нет мучительных сомнений и разочарований, она наивна и однозначна, история этой судьбы, как простая песенка того времени: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Вот и сказке конец. Золушка стала бабушкой, и маленький Сашенька не хочет отходить от нее, все время спрашивая: «А этот лавровый венок за что?.. А этот?.. А этот?.. Какая самая-самая главная медаль?..» Мария приносит коробочку: «Вот — эта». Орден Ленина.

Мы сидим и вспоминаем не дни, которые прожили, а дни, которые запомнились, — прекрасные дни нашего триумфа на стадионах мира.

Михаил Блатин ПЕРВЫЙ!

Каким он был, Олег Гончаренко, наш первый конькобежный чемпион? Я знал его много лет. Помню в минуты и радости, и грусти. Но всегда он казался мне погруженным в какую-то думу, чуть углубленным в себя.

Должно быть, были у него сокровенные тайники, из которых черпал он в решительный миг ту необыкновенную силу духа, что поражала всех,

кто знал его в годы спортивных выступлений.

Позже, помогая Олегу готовить к печати книгу воспоминаний, я был в свою очередь поражен тем, как цепко память его держит (после стольких-то прошедших лет!) малейшие подробности конькобежных состязаний, в которых он участвовал: какая стояла погода, дул ли ветер, мел ли снег, в каком состоянии находился лед на катке, что думал он в минуты перед стартом и как проявили себя в тот день соперники, товарищи по команде, тренеры. Эти давно отшумевшие события большого спорта продолжали жить в нем и вместе с ним. И он к ним постоянно прислушивался, принимая участие в повседневных житейских делах.

Не ошибусь, утверждая, что в послевоенные годы чемпионами популярности на наших стадионах были футбол и коньки. Кожаный мяч безраздельно властвовал летом. Ну а зимой, побивая числом приверженцев и русский хоккей, и непривычный пока для нас «канадский» (так называли в те времена хоккей с шайбой), на сцену выходили конькобежцы. И в оттепель, и в лютую стужу тысячи людей на стадионах Москвы и Ленинграда, Горького и Кирова, Иркутска и Свердловска болели, стоя плечом к плечу, на состязаниях скороходов. Одно из воспоминаний детства: яркий свет прожекторов, темные, будто окутанные паром от дыхания множества зрителей трибуны столичного стадиона «Динамо», маленькие фигурки конькобежцев на гладком блестящем льду.

Но в нашем представлении они были великанами. С огромным уважением, почти благоговейно произносились тогда имена конькобежных кумиров — Люскина, Прошина, Петрова, Пискарева. Но и над ними, недостижимыми, — еще выше их! — воспаряли в нашем воображении далекие, загадочные и, казалось, всемогущие зарубежные чемпионы из чемпионов — норвежцы Андерсен и Фарстад, голландец Ван дер Воорт, финн Парркинен...

И вдруг эти «небожители» оказались свергнуты со своего высокого Олимпа почти никому не известным молодым спортсменом из незимнего Харькова Олегом Гончаренко. Вмиг это имя облетело страну!

Победа советского скорохода над скандинавскими асами была подобна грому среди зимы. Хотя мы и начали привыкать к успехам посланцев советского спорта на международной арене. Уже пронеслась, отгремела летняя Олимпиада в Хельсинки, когда с радостным изумлением вглядывались мы в лица наших первых олимпийских чемпионов на страницах газет. Привык наш болельщик и к триумфальным выступлениям на мировых чемпионатах девушек-конькобежек во главе с обаятельной Марией Исаковой. Однако в мужском конькобежном спорте до 15 февраля 1953 года, того самого дня, когда Гончаренко первым из советских скороходов стал чемпионом мира, ситуация была совсем иной.

Дебют наших конькобежцев на мировой арене состоялся, как и у женщин, в 1948 году. Но вернулись они домой не со щитом: лучший занял в многоборье лишь седьмое место. Реакция верхов на этот провал была болезненной и резкой. Считалось, что ронять высокий авторитет страны социализма не дозволено никому, в том числе и спортсменам. Руководство Комитета по делам физической культуры и спорта было наказано. А перед советскими конькобежцами с той поры шлагбаум для выезда за рубеж оказался надолго закрыт.

Они рвались в бой. На высокогорном катке Медео близ Алма-Аты сокрушали рекорд за рекордом. Но мало кто верил этим тепличным достижениям. Международный союз конькобежцев отказывался признавать их. Зимой 1952 года была наконец снаряжена команда для участия в мировом чемпионате, однако результаты, показанные накануне соперниками, настолько испугали спортивных руководителей, что они пошли на попятный, и поездка была отменена.

Олег Гончаренко поставил советский конькобежный спорт на подобающий ему пьедестал. Через сорок с лишним лет после победы русского конькобежца Николая Струнникова лауреатом мирового первенства вновь стал спортсмен нашей страны.

...Команда советских конькобежцев прибыла в Хельсинки поездом поздно вечером. Ее никто не встречал. На поиски отеля, где предполагалось остановиться, спортсмены отправились пешком. Но и

здесь их не ждали. Ввиду внезапного банкротства владельца гостиница оказалась закрытой.

Подобные сбои и неурядицы преследовали команду в финской столице едва ли не на каждом шагу. Нервы у спортсменов и их руководителей были натянуты струной: приехали-то не просто участвовать в чемпионате — надо было во что бы то ни стало побеждать!

В день открытия первенства измотанный нервотрепкой Олег крепко заснул в своем номере. До него не достучались. Вся команда, едва сдерживаясь, давно ждала в автобусе — пора было спешить на стадион.

На каток он прибыл, как сам потом вспоминал, сонным и вялым. Да вдобавок упал на разминке, растеряв при этом остатки уверенности. Со страхом — вновь не упасть бы! — вышел на старт своей нелюбимой пятисотметровой дистанции. И опять «проспал» — на этот раз стартовый выстрел. Всю дорогу ему пришлось догонять ушедшего вперед норвежца Финна Ходта. А финишировали соперники рядом — конек в конек.

В беге на 5000 метров очень высокий результат показал бежавший в одной из первых пар Ван дер Воорт. Так быстро Гончаренко не бегал эту дистанцию даже на Медео. Лидер нашей команды Борис Шилков, также стартовавший раньше Олега, побить результат голландца не сумел: резво начав бег, спортсмен быстро «выдохся» и показал в итоге плохое время.

У нашей команды оставался «последний патрон» — Олег Гончаренко. Промахнуться было нельзя. Стартовав в паре с венгерским конькобежцем Йожефом Мереньи, он начал бег предельно осторожно. Затем, однако, нашел силы увеличить темп и закончить дистанцию — сам удивился! — с лучшим временем дня.

Можно ли вообразить всю гамму переживаний молодого спортсмена, почитавшего за чудо сам факт своего участия в чемпионате? Он вдруг стал лидером, главной надеждой товарищей и тренеров. В отеле он провел бессонную ночь.

Однако наутро выглядел спокойным, невозмутимым. Хотя на душе кошки скребли. Волей жребия советскому скороходу пришлось дважды скрестить шпаги с главным соперником — Ван дер Воортом. Сперва на полуторакилометровой дистанции, где голландец сразу ушел далеко вперед. Лишь на финише Гончаренко догнал его и даже сумел выиграть полшага.

Эти полшага и решили, пожалуй, судьбу сражения. Ван дер Воорт оказался сломлен. И на дистанции 10 000 метров голландский скороход ничего не смог противопоставить победному порыву советского конькобежца — Гончаренко обставил его на целый круг!

Еще не вполне веря в то, что произошло, спортсмен, не дожидаясь окончания соревнований, скрылся в раздевалке, куда через некоторое время прибежали товарищи по команде, чтобы от души поздравить его с ошеломляющей победой.

На другой день в хельсинкский отель на имя чемпиона пришли десятки телеграмм со всех концов нашей страны. Были послания и из-за рубежа. Одну из телеграмм, самую, пожалуй, краткую, Олег хранил до конца жизни. «Поздравляю. Оскар Матисен». Этот скромный знак внимания со стороны легендарного норвежского скорохода был для Гончаренко особенно дорог.

В те дни на страницах «Комсомольской правды» был помещен отклик на события в Хельсинки знаменитого Лассе Парркинена. В словах финского чемпиона сквозит, пожалуй, недоумение:

«Я встречаюсь с советскими конькобежцами не в первый раз. Удивительны те огромные успехи, которых они добились в последние годы. Меня особенно поражает умение советских спортсменов бежать длинные дистанции в низкой посадке. Я семнадцать лет провел на беговой дорожке и знаю, какой огромной тренировки требует такая техника бега. Особенно изумителен успех Гончаренко. Не припомню, чтобы в прошлом становились чемпионами мира в 21 год».

Рассказывает один из сильнейших советских конькобежцев послевоенного времени Павел Беляев: «Февраль 1953 года, вокзал в

Бухаресте, где мы, группа советских спортсменов, находились проездом по пути на зимние Всемирные студенческие игры. Покупаем местные газеты — и вдруг видим на фото знакомое лицо. Поначалу не поняли даже, в чем дело, каким образом наш Олег попал в румынскую прессу? А потом осенило — он чемпион мира! Ликованию нашему не было предела. Мы бросились друг другу в объятия».

Юрий Сергеев был в те годы королем спринта. Он тоже выступал на олимпийском стадионе в Хельсинки: «Когда произошло то, чего почти никто не ожидал, и Олег был увенчан лавровым венком, к нему лавиной устремились репортеры, болельщики. Какая-то финская девушка расцеловала его. А один из репортеров, увидев Олега вблизи, воскликнул: «Да вам не на коньках надо бегать, а сниматься в кино!» У Олега в самом деле была внешность киноактера. Его улыбка в какой-то мере предвосхитила гагаринскую. Воля и мужество большого спортсмена сочетались в нем с обаянием, скромностью, доброжелательностью к людям. Он был достойным чемпионом, лидером нашей команды, ее флагом».

Свидетельство это представляется немаловажным. То были, напомним, годы «холодной войны». Не было в этой войне, разумеется, ни бомбежек, ни мин, ни штыковых атак. Но звучали пропагандистские залпы. Кое-кто стремился очернить, опорочить, вытравить из памяти людей образ советского человека — победителя фашизма, освободителя народов. Выступая в международных соревнованиях, наши спортсмены как бы заново утверждали этот образ. Спорт был в те годы чуть ли не единственным «каналом общения» с советскими людьми.

Гончаренко был сродни тем солдатам, что освобождали Берлин, Вену, Будапешт... Характер чемпиона прошел закалку в огне войны. Подростком он потерял на фронте отца, пережил оккупацию. На его глазах фашисты казнили патриотов. Не раз и он сам был на краю гибели. Есть приходилось даже опилки — картофельные очистки казались лакомством. Однако под вражьей пятой подросток не унился, не согнулся. Наоборот, распрявился, окреп, в нем рано проснулось чувство собственного достоинства.

Все это помогло ему перенести немалые трудности. В послевоенные годы не хватало подчас самого необходимого для жизни. Какой тут, казалось бы, спорт? Тем более конькобежный: ведь в Харькове зимой что ни день — оттепель. Льда не зальешь. На ватагу ребят лишь пара коньков. Но столь всесильным было стремление к спорту — словно к свету в окне, что и лед ребята заливали, и секцию создали.

Несколько лет Гончаренко тренировался, по сути, один, без тренера, сам придумывал для себя конькобежные упражнения, используя любую возможность для физической закалки — колол и пилил дрова, разгружал вагоны на товарной станции. Обучаясь в Харьковском пожарно-техническом училище, он удивлял товарищей-курсантов своей странной любовью к тому, чего все чурались и чем обычно наказывали провинившихся, выпрашивал у начальства наряды вне очереди — натирать полы. Курсанты не подозревали, что это малопочтенное в их глазах занятие также входило в систему его тренировок.

Пять чемпионских лавровых венков — они по сей день на стене в квартире, где он жил, — завоевал Олег Гончаренко. В течение пяти лет он трижды становился чемпионом мира, дважды — победителем европейских первенств. На протяжении почти десятилетия он был лидером советской сборной, первым конькобежцем страны, кумиром всего спортивного мира. Для многих людей он стал олицетворением своего времени.

«Олег в те годы, да и много лет спустя после того, как закончил уже выступать, был необычайно популярен у нас в стране и за рубежом, — вспоминает чемпион мира 1960 года Борис Стенин. — В Норвегии же он был любимцем публики. Мне не раз доводилось выступать вместе с ним на знаменитом «Бишлете». Во время конькобежных состязаний на этом стадионе «болеют» не просто шумно — оглушительно! Бежишь по дорожке — и волна крика так и катится по кольцу трибун ровень с тобой. Особенно яро поддерживали зрители своих, норвежских чемпионов. Но когда на арену выкатывался Олег Гончаренко, начиналось какое-то неистовство звуков. Никогда не забуду, как

переполненный 45-тысячный стадион в едином порыве — с ударением на «о» — скандировал: «О-лег, О-лег!»

Популярность нашего первого чемпиона была столь велика, что два города на разных континентах земли — американский Денвер и столица Норвегии Осло — избрали его своим почетным гражданином.

Однако ни медные трубы, ни гром приветствий не оглушили его. Будучи лидером сборной страны по конькам, принесший нашему спорту немало ярких побед на катках многих стран, Олег оставался для товарищей примером спортивного трудолюбия, самоотверженности. Во имя интересов команды он был готов пожертвовать порой даже личным успехом.

...1954 год, Давос. На чемпионате Европы, проходившем в этом швейцарском городе-курорте, перед последней дистанцией многоборья — бегом на 10 000 метров — ситуация сложилась на редкость острая. На победу в абсолютном первенстве почти в равной степени претендовали сразу три конькобежца — знаменитый норвежец Ялмар Андерсен, а также Борис Шилков и Олег Гончаренко. По жребию Гончаренко предстояло именно с Андерсеном бежать дистанцию, на которой норвежец был особенно силен. И возникло у наших тренеров опасение, что в борьбе с таким достойным соперником, как Олег, Андерсен сможет показать очень высокий результат, станет чемпионом континента. Что делать? Гончаренко решает выключить соперника из игры. Со старта он столь стремительно бросается вперед, что норвежец едва за ним поспевает. Уловка удалась. К середине пути оба скорохода, почти исчерпав силы, замедлили бег.

И Андерсен, и Гончаренко показали в итоге слабый результат. Но зато дорога на высшую ступень пьедестала открылась для Бориса Шилкова. Что ж, возможно, с чисто спортивной точки зрения Олег Гончаренко тот давосский чемпионат проиграл. Но можно ли это назвать поражением? В чем-то более важном и существенном он, без сомнения, выиграл.

Сейчас, когда Олега Гончаренко не стало (он умер в декабре 1986 года после мучительной болезни в возрасте 55 лет), некоторые далекие,

впрочем, от спорта люди, прочтя эти строки, возможно, многозначительно покачают головой: «Вот они, перегрузки-то...» Что ж, перегрузки, конечно, имели место. Как, впрочем, и у многих других — спортсменов и неспортсменов — сверстников чемпиона, начавших трудовую жизнь в нелегкое послевоенное время. Можно, конечно, пройти жизненный путь налегке, особо не нагружаясь. Но можем ли мы по большому счету назвать это жизнью?

Олега Гончаренко мы по праву относим к гагаринскому племени первопроходцев. Не только потому, что волевой и мужественный спортсмен первым из советских конькобежцев покориł мировой пьедестал. В послевоенные годы, в пору бурного развития спорта, роста его престижа в мире, спортсмены, подобные Гончаренко, наравне с летчиками первых реактивных самолетов, преодолевая звуковой барьер, смело продвигали вперед барьеры физических и духовных — ибо одно неотделимо от другого — возможностей человека. И пусть с высоты сегодняшних спортивных достижений и рекордов их результаты выглядят скромно. Они были первыми.

Роль лидера советских конькобежцев налагала на плечи спортсмена помимо лавров и огромную ответственность. Он жил в постоянном напряжении, словно сжатая до предела пружина. Время, обстоятельства были на редкость взыскательны. От него и его товарищей ждали только побед.

Спортивная жизнь полна драматических ситуаций. Истинный спортсмен, он выходил на старт даже тогда, когда был вправе, чувствуя себя не вполне здоровым, отказаться от участия в состязаниях. Но он преодолевал недуги и боль, полагая, что не может поступить иначе в то время, как тысячи советских любителей спорта надеются на него, верят в победу.

Чемпионат мира 1957 года проходил на севере Швеции в Эстерсунде. Незадолго до начала состязаний в городок после первенства континента, блистательно выигранного Олегом, приехали, чтобы вволю потренироваться и привыкнуть к местным условиям, советские конькобежцы.

За день до старта после тренировки Олег, как обычно, задержался в холле небольшого отеля, где остановилась наша команда, чтобы подписать ворох открыток, оставленных любителями автографов. Рядом оказался хозяин с плиткой шоколада: угощайся, мол. Съев пару долек, наш чемпион скормил остальное Шири — всеобщему любимцу, огромному хозяйскому псу.

Назавтра утром, спустившись в холл, Гончаренко встретил убитого горем владельца гостиницы. Он был безутешен: сдох Шири, верный пес. В тот злополучный день Олегу не довелось завершить тренировку. С острой болью в желудке его привезли на машине в отель. «О-о, это шоколад!» — причитал хозяин.

Остаток дня и полночи над спортсменом колдовал врач. Олег проглотил уйму лекарств. К утру боль утихла. Однако... «Проснулся я в таком состоянии, что не ощущал под ногами опоры. Чуть не летал по воздуху — так похудел. За сутки потерял три килограмма веса», — вспоминал Олег.

Однако и речи не могло быть о том, чтобы не выйти на старт. «Нас просто не поймут», — сказал Олегу его наставник, старший тренер сборной СССР Константин Константинович Кудрявцев. Да и сам спортсмен рвался на лед. Просто удивительно, как ослабленный болезнью Гончаренко сумел побить личный рекорд на пятисотметровке и занять в многоборье четвертое место. Особенно тяжело дался спортсмену конькобежный марафон. «Это были самые трудные километры в моей жизни. Как не свалился в обморок, сам не знаю», — рассказывал после Олег. А абсолютным чемпионом мира впервые стал тогда норвежец, впоследствии знаменитый Кнут Юханнесен.

Последний раз его видели на льду в феврале 1962 года, когда в Москве, в Лужниках, проходил конькобежный чемпионат мира. Однако во главе советской команды Олег вышел лишь на парад участников.

Напряженная двухдневная борьба на лужниковской дорожке, к радости переполненного стадиона и миллионов телезрителей, тогда завершилась триумфом Виктора Ко-сичкина. «Первым, кто бросился

поздравлять меня, был Олег, — вспоминает победитель. — Мы обнялись, и он сказал: «Витя, эта твоя победа стоит всех пяти моих венков!»

Высокие мгновения спорта конечно же не взвесишь на весах. Однако замечательной чередой спортивных достижений Олега Гончаренко так не хватало триумфа в Москве перед лицом ликующих соотечественников! И это придавало его прощанию со спортом особый оттенок грусти. Всегда с огорчением вспоминал он и свои олимпийские неурядицы — не везло ему ни в Кортина д'Ампеццо, ни в Скво-Вэлли. Две олимпийские бронзовые награды — «багаж» не для Гончаренко!

Конечно, сожалел он о том, чего совершить на дорожке так и не сумел. Но, думается, что после прощания со спортом — а расставание было мучительно трудным — жизнь его омрачало и другое. Человеку, поймавшему волну времени, побывавшему на самом гребне ее и ставшему, пусть и на малый срок, в глазах других людей олицетворением этого времени, должно быть, тяжело было сознавать, что оно схлынуло, ушло. И больше никогда не вернется.

Всеволод Дайреджиев, мастер спорта

СОДРУЖЕСТВО

В тот летний вечер Александр Семенович Калинин долго ходил по городу, занятый мыслями о своей новой работе.

Ему только что предложили быть старшим преподавателем конькобежного отделения городской спортивной школы. И Александру Семеновичу, которого всегда занимал вопрос больших скоростей на ледяной дорожке, было ясно одно — надо избавить от своих старых ошибок будущих учеников.

Он вспоминал бег ленинградцев И. Андреева и Н. Петрова, бегунов совершенно разных по характеру их техники. Оба они в период отталкивания или распределяли усилие равномерно, или акцентировали на последней фазе.

По его же представлению нужно максимально рано, в самом начале отталкивания, набирать ускорение, что позволило бы полнее использовать само рабочее движение, поднять производительность мышечных усилий.

Помимо хорошего знания физики и умения графически представить себе направление действующих на предмет сил Калинин умел ощутить каждой клеткой своего тела действие этих сил, умел рассказать о своих ощущениях другому.

Но все теоретические выкладки нужно еще испытать на практике, проверить. Для этого нужен был человек, способный, так же как Калинин, загореться новой идеей и желающий понять, чего от него хотят.

В спортивной школе Калинин обратил внимание на высокого, стройного юношу с шапкой курчавых черных волос на голове и спокойными, вдумчивыми глазами. Он не отличался особыми физическими данными, напротив, среди наиболее сильных ребят казался даже хрупким. Но этот парень привлек к себе внимание тренера редкой работоспособностью, умением заставить себя выполнить до конца самый трудный цикл упражнений.

И тренер ловил себя на том, что все чаще и чаще обращал на него свое внимание.

Юношу звали Борис Шилков. Он работал на Кировском заводе инженером-конструктором.

Отличался от других Борис и в тренировках на льду. У него был мягкий, красивый бег человека, хорошо знакомого с техникой. Но результаты его не поднимались выше нормы 3-го разряда.

С грустным юмором Борис говорил о себе:

— Говорят, я бегаю красиво, но тихо вот.

А ведь, пожалуй, с этим парнем мы и станем работать, решил Калинин.

После первых же товарищеских бесед с учеником Александр Семенович заключил, что бросившиеся в глаза упорство и сосредоточенность Бориса Шилкова — не случайность, это уже черта характера, воспитывавшаяся с детства в трудовой семье Шилковых.

Борис с охотой рассказывал о своем детстве, о родных местах Архангельщины. Спокойные зеленоватые глаза юноши загорались вдруг такой теплой радостью, что Борис внешне совершенно преобразался. Неразговорчивый, казавшийся иногда даже замкнутым, он вдруг становился интересным рассказчиком, трогательно любящим и тонко чувствующим красоту родной северной природы.

Река у их города — могучая, полноводная, широкая. Пароходы больше по ней плывут, а в половодье разольется — берегов не видно. Как море. И вода чистая-чистая. Нет реки красивей Северной Двины.

Сколько Борис помнит себя, все игры архангельских ребят были связаны с рекой.

Были дни, когда на лодке и в шторм хаживали. Не смотри, что река, такие волны разгуляются — с берега смотреть страшно. Ходили на лодке и в паводок, когда еще не весь лед сошел. Тут уже ловкость нужна. С рекой надо хитрить, каждую секунду тебя ожидает опасность.

Чем больше рассказывал Борис Калинин о себе, тем яснее было тренеру, откуда у человека, который до 19 лет специально спортом не занимался, и эта не юношеская вдумчивость, трудолюбие, чувство координации движений, и воля в стремлении к цели. Да ведь он спортсмен с детства. Плавание, гребля на бурной реке, в половодье, наконец, пешие походы в дремучие, как говорил Борис, начинающиеся сразу у конечной остановки трамвая леса, — все, чем занимался он с детства, и вырабатывало в нем качества, так необходимые спортсмену.

— У меня есть мысль, — сказал однажды Калинин Борису, — значительно изменить технику бега на коньках. Мне кажется, главная причина сравнительно малых скоростей заключается в недостаточной производительности рабочего движения. Вот посмотри, как нарастает усилие у подавляющего большинства конькобежцев. — Калинин взял карандаш и нарисовал примерную кривую усилий скороходов. — Обычно это плавное начало с нарастанием усилия в конце периода отталкивания. Значит, почти две трети рабочего усилия не давали возможной производительности. Ты понимаешь, какие резервы могут открыться, если отталкивание начинать максимально рано, еще до постановки на лед свободной ноги? Ведь поддерживать скорость легче, и меньше требуется на это сил, чем набирать ее с нарастающим усилием в течение всего отрезка времени, в которое производится работа толчковой ногой. Тебе понятна моя мысль?

Калинин, широколобый, немного сутулый человек, впился своими маленькими острыми глазами в ученика. Ему важно было, чтобы его поняли, чтобы Борис чутьем, умением конструктора представил себе рисуемую Александром Семеновичем картину, ощутил глубину новой мысли, почувствовал это новое каждой мышцей своего тела.

— Поэтому, — продолжал Калинин, — толчок должен происходить взрывообразно, как вспышка в цилиндре, резко толкающая поршень. Это дорого еще и потому, что в начале толчка, когда нога максимально согнута, мышцы-разгибатели наиболее работоспособны, они растянуты, как резиновые жгуты, и их производительность в этот момент наиболее высокая.

— Ну и здорово, как же я сам-то до этого не додумался! — с восхищением человека, которому только что открыли глаза на, казалось бы, очевидную истину, почти закричал Борис. Он даже хлопнул себя по лбу. И восхищенные глаза его вдруг остановились в этом восторге открытия. Таким он бывал, наверное, когда после долгих поисков находил решение ставшего вдруг простым узла конструируемой машины. Калинин с огромной радостью увидел, что его выбор пал именно на того, кто ему был нужен.

— Но для осуществления этой на первый взгляд, может быть, простой мысли потребуется громадная работа,— продолжал Калинин, — придется изменить и работу корпуса, который должен быстро выводиться за линию точки опоры, одновременно с тазобедренным суставом, иначе не получится раннего отталкивания. Нужно добиться как можно более узкой «елочки» в беге по прямой, чтобы путь конькобежца был наикратчайшим. Если нам с тобой удастся доказать наши предположения, мы сделаем очень большое дело. Давай рискнем. У тебя сейчас третий разряд, особенно терять нечего, а найдешь, возможно, многое.

Так родилось содружество новаторов: тренера и конькобежца.

Три месяца ушло на сознательное освоение новой техники, на перестройку координации движений. Девизом этих дней было «лучше меньше, но лучше». Лучше десять сознательных повторений, чем сто механических.

Все свое умение отдаваться идее без остатка, все воображение и природное упорство мобилизовал Борис для освоения новой техники. Подолгу, медленно, словно заново учась ходить, катался он по ледяной дорожке, проверяя каждый шаг, контролируя каждое движение. Калинин следил за Шилковым, поправляя малейшие ошибки, настойчиво вел его к поставленной цели. И все же, несмотря на старания обоих, долго не мог Борис почувствовать этот ранний взрывообразный толчок.

Но вот в декабре 1949 года на соревнованиях молодежи города случилось так, что Борис очень сильно начал бег на 5000 метров — круг секунд за 37 — и бежал, слишком наклонившись вперед.

— Что ты делаешь? Тише! — услышал он голос Александра Семеновича. — Ниже сядь.

Откинулся назад, сбавил ход и вдруг почувствовал этот резкий, как выстрел, толчок в начале рабочего движения. Все сразу стало получаться легко и словно само собой. И корпус вместе с тазом быстро

и параллельно линии движения перемещался за точку опоры, и конек свободной ноги вставал рядом с толчковой.

Полная счастья улыбка осветила лицо Бориса, он подмигнул тренеру, который уже все понял, увидев по движениям ученика, что наконец свершилось то, к чему они так упорно и долго стремились.

— Теперь не теряй этого чувства, вработайся в него, запоминай! — задыхаясь от волнения, кричал Калинин Шилкову. Калинин удивительно тонко ловил момент начала толчка и, чтобы помочь ученику закрепить найденное ощущение, делал хлопки, — Шилков поражался точности, с которой Александр Семенович попадал в такт. Движения Шилкова были абсолютно плавны, и нельзя было понять, когда происходит толчок.

И вот в первый же конькобежный сезон произошло чудо.

Третьеразрядник за полтора месяца тренировки на льду улучшил все свои результаты: почти на 3 секунды в беге на 500 метров (49—46,1), на 9 секунд в беге на 1500 метров (2.37,6 — 2.28,5), почти на целую минуту в беге на 5000 метров (9.40—8.50,6) и, наконец, более трех минут сбросил со своего лучшего результата в беге на 10 000 метров (21.30—18.25,4). С суммы большого многоборья в один сезон было сброшено 20,4 очка и выполнена норма I разряда. Всего 3,9 очка помешали Шилкову показать тогда результат мастера спорта.

В процессе совместной работы, когда тренер, наблюдая за каждым движением ученика, указывал на его ошибки, а Шилков, следя за собственными ощущениями, делился своими мыслями с тренером, Калинин и Шилков находили все новые и новые возможности повышения скорости, все новые элементы в создаваемом ими стиле работы скорохода. В летне-осенний период в тренировку были включены новые упражнения, вырабатывающие свойство мышц быстро сокращаться, рождавшие в них способность к взрыву. Для этого Калинин ввел в план тренировки всевозможные прыжки, подпрыгивания, бег, чередующийся с прыжками, имитацию бега на коньках также прыжками. Широко использовалась легкая атлетика, особенно бег на короткие дистанции, в которых Шилков добился хороших результатов: 100 м он пробежал за 11,6 с, 200 м — за 24,8 с,

прыгал в длину на 6 м 15 см, брал высоту 155 см, в тройном прыжке добился результата 12 м.

Особенно важно то, что вся эта огромная работа сочеталась с самой напряженной работой Шилкова в конструкторском бюро Кировского завода. Тренировки обычно проводились два раза в неделю вечером и один раз днем, в воскресенье.

В 1952 году на высокогорном катке в Алма-Ате Шилков установил замечательный всесоюзный рекорд в беге на 1500 метров, который был повторением мирового рекорда. Затем Шилков в условиях обычного катка показал сумму 197,7 и на высокогорном катке установил личный рекорд по сумме четырех дистанций — 192,575. Закончилась зима 1952 года. Перед учеником была поставлена новая задача — шлифовать достигнутое в технике, добиваться, чтобы все движения делались как молено экономнее.

Постепенно их совместная работа перерастает в большую дружбу, в которой Калинин и учитель, и старший брат. Они во время отпуска живут вместе на даче Калинина и тренируются особенно усиленно, вводя в тренировку все новые и новые элементы.

И вот с первых же соревнований сезона 1952/53 года в Свердловске, куда они выехали вместе, начинается победное шествие Шилкова. Он добивается неслыханных для обычных катков результатов. Когда Шилков принял старт на 5000 метров в соревнованиях шести городов, свердловские старожилы, махнув рукой, скептически заявили:

— Ну, этот не дойдет. Разве мыслимо бег на 5000 метров начинать по 37 секунд круг. Так тут бегали только 1500 метров.

Но «этот» не только добежал, но добежал один (его конкурент не вышел на старт) за 8.14,9. Так на обычном катке не бегал ни один скороход за всю историю нашего конькобежного спорта.

Второй день соревнований принес новый успех. Перед забегом на 1500 метров Шилков особенно волновался, потому что это была его любимая дистанция и бежавшие перед ним конькобежцы показали

хорошие результаты: Головченко — 2.20,1, Чайкин — 2.19,1, Гончаренко — 2.18,3. Шилков так нервничал, что на старте стал зачем-то затягивать шнурки ботинок и порвал один из них. А тут еще лед покрылся слоем инея, стал шероховатым. Но летом и осенью Калинин и Шилковым был заложен столь прочный фундамент, а новая техника бега была так уверенно освоена Борисом, что никакое волнение, никакая случайность не могли повлиять на результаты.

Шилков начинает бег в бурном темпе. Первый круг он пробегает за 34,4 с, второй — 36,1, третий — 37,7. И снова это был лучший результат, показанный в обычных условиях за всю историю конькобежного спорта. Только 0,4 с проиграл Шилков своему достойному сопернику — Гончаренко в беге на 10 000 метров и установил рекорд для обычного катка — сумму многоборья **191,808**. Такой суммы Шилкову не удавалось добиться даже в Алма-Ате.

После этих соревнований была встреча со шведами в Москве, которую, несмотря на перенесенную перед ней болезнь, снова с блеском выиграл Шилков, став победителем на своих коронных дистанциях 1500 и 5000 метров. А через неделю после этой встречи он стал абсолютным чемпионом Советского Союза, в труднейших метеорологических условиях показав блестящие результаты на 1500 и 500 метров, опередив ближайшего соперника по сумме многоборья почти на 2 очка. На первенстве мира 1953 года Шилков выступил после только что перенесенной болезни. Но и там он сумел выиграть свою коронную дистанцию — 1500 метров — и завоевал серебряную медаль, пропустив вперед лишь своего постоянного (в этом сезоне) конкурента Олега Гончаренко. Победа двух советских скороходов стала триумфом спорта Страны Советов.

ПОВЕРЬ В СЕБЯ

Если бы девочке Лиде Черновой, отличнице 30-й школы Октябрьского района Ленинграда, кто-нибудь сказал, что она будет чемпионкой мира, она приняла бы это за глупую шутку. И дерзко рассмеялась бы в лицо шутнику. Ее сестра Аня была рекордсменкой Ленинграда по конькам среди девочек и однажды затащила-таки упрямую Лидку на занятия секции. Но Лиде не

понравилось: скучно. На обычном катке гораздо веселее: музыка играет, народищу уйма, шумно, да и делать можно, что душа желает.

Но, видно, тот давний визит ее прошел даром. Что-то проснулось в сердце, потянуло-таки заняться серьезным делом. Потом пришло упоение скоростью, удовольствие от мягкого и долгого скольжения на длинных лезвиях. Ей нравилось чувствовать, как ее от каждого толчка все сильнее и сильнее несет вперед. Пришла любовь — и первые успехи не заставили себя долго ждать. На первенстве страны впереди нее в беге на 1000 метров лишь Зоя Холщевникова.

Война прервала не только учебу в кораблестроительном институте, но и занятия спортом. Пришлось идти работать. Но любовь к конькам не умерла в голодную блокадную зиму.

И в 1948 году, на первом для наших конькобежек чемпионате мира, Лидия вышла победительницей в беге на 500 метров и стала второй в многоборье.

Результаты росли, но Лидия, теперь уже Селихова, по-прежнему не считала себя сильной многоборкой. Причина — в скромности, доходящей до застенчивости. Ее муж и тренер Лев Селихов строил ее подготовку в расчете на многоборье. Другой тренер, Евгений Сопов, кропотливо и бережно работавший с ней над техникой бега, в первую очередь воспитывал качества, также необходимые многоборке. Наконец, подруги настойчиво убеждали ее в том же. Да и сама Лидия упорно работала над выносливостью и всегда была значительно сильнее, чем ей казалось.

И если бы не победа на чемпионате мира 1952 года в Финляндии, неизвестно, чем бы закончилась эта борьба с собой.

Тогда в команде не было явного лидера, но зато и статистов тоже не было. И победить могли и Римма Жукова, и Мария Аниканова. Но ведь и финка Хуттунен, и особенно норвежка Турвальдсен тоже очень сильно прибавили в мастерстве. Самая опытная в нашей

команде Жукова сказала: «Не я, так кто-либо из девчат выиграет, и медаль чемпионки будет в нашей команде». Подруги приняли эти слова как руководство к действию.

Когда же девушки вышли на лед маленького финского городка Коккало, то просто не поверили, что здесь будет проходить соревнование сильнейших конькобежек мира. После атласно-гладкого, необыкновенно скользкого льда Медео этот был похож скорее на бульжную мостовую в гололед.

— На таком льду, Лидка, и твой Мишутка не поскользнется, — иронически улыбнулась неразлучная подруга Селиховой Марианна Валова.

Улыбнулась и Лида, мгновенно перенесясь мыслями на Петроградскую сторону и представив себе своего белоголового сынишку, гуляющего в парке у Народного дома. Хорошего настроения добавило и почти карнавальное шествие на параде открытия соревнований. Забылись сразу и плохой лед, и предстартовое волнение.

Но после неудачи Жуковой на стартовой дистанции 500 метров волнение вернулось. Ведь Жукова не попала в группу лидеров. И тогда-то Селихова поняла, что именно ей придется бороться за звание сильнейшей многоборки мира. Ее второе время на пятисотке дает право побороться за первенство. Великолепен был и ее бег на второй дистанции 3000 метров в паре с прекрасным стайером Аникановой. Мария лидировала всю дистанцию, уверенно и мощно поддерживая почти максимальный темп бега, и, как на буксире, тянула за собой Селихову. Они финишировали с первым и вторым результатами дня, что выводило Лидию на первую строчку по сумме.

А утром следующего дня Валова сказала подруге:

— Тысячу надо выигрывать тебе.

Сказала, как отрезала. И Лида прониклась уверенностью Марианны, почувствовала вдруг необыкновенную легкость, будто и не было вчерашнего изнурительного дня. С сознанием собственной силы вышла она на старт забега вместе с юной Наташей Донченко. И финишировала первой не только в забеге, но и вообще на этой дистанции. Лида ликовала: судьба первенства почти решена. Победить может либо она, либо идущая второй по сумме Аниканова — какая разница, кто из них увезет домой «золото»? Эта мысль была настолько сильна, что, когда они с Марией бежали последнюю дистанцию — 5000 метров и Маша все дальше и дальше уходила от нее, Лида не предпринимала попыток догнать партнершу. Диктор объявил, что Селихова проигрывает уже девять секунд. И вдруг случилось невероятное: Лида начала сокращать просвет, сама толком не понимая, откуда берутся силы.

И на финише почти догнала Аниканову. Она проиграла меньше секунды, и белую финишную черту пересекла уже чемпионкой мира. Разогнулась, подняла обведенные темными кругами глаза на Марию и тихонько прошептала: «Спасибо, Маша».

Ольга Линде

ПРЫЖОК НА ПЬЕДЕСТАЛ

По-разному складываются спортивные биографии людей. Одни много лет упорно тренируются, сдают нормы третьего разряда, потом второго, первого... Другие в течение одного сезона показывают результаты, которые дают право на почетное звание мастера спорта.

Именно так было с Халидой Щеголеевой. Всего за два года она прошла путь от новичка до чемпионки мира. Случай небывалый в истории конькобежного спорта!

А начиналось все на московском стадионе «Медик», куда пришла эта высокая девушка с густыми черными бровями и такими же черными косами. Тренер М. Соколов сразу обратил внимание на исключительные физические данные девушки: она могла без

большого напряжения пробегать в низкой посадке по 10—12 кругов подряд. И это — без специальной тренировки!

Через год она уже выступала на командном первенстве страны за сборную Москвы. Но главное признание к юной спортсменке пришло в сезоне 1952/53 года.

В начале зимы в Свердловске проходили соревнования команд пяти городов. На ледяной дорожке можно было увидеть сильнейших спортсменов мира — Римму Жукову, Лидию Селихову, Ольгу Акифьеву, Марию Исакову, Татьяну Карелину.

Все они имели за своими плечами огромный опыт, били всесоюзные и мировые рекорды, много раз становились чемпионками СССР. И вот этим именитым спортсменкам бросила вызов юная москвичка.

Уже в первый день соревнований в беге на 3000 метров она уступила только Жуковой. А на следующий день в беге на 1000 метров результат Щеголеевой 1.41,9 оказался непревзойденным. В итоге Халида заняла общее второе место и получила звание мастера спорта.

Вскоре на льду алма-атинского катка Халида участвовала в розыгрыше личного первенства страны, причем выступала в столь ответственном турнире впервые. Недавний успех в соревновании пяти городов вселил в нее уверенность. Это было видно и по бегу, спокойному и, казалось, рассчитанному до мелочей. Теперь она тренировалась у самого К. Кудрявцева.

В первый день соревнований она показала отличный результат в беге на 3000 метров — 5.14,9. На следующий день Халида

никому не уступила первенства в состязаниях на 1000 метров — 1.37,0.

Наконец, бег на 5000 метров. Щеголеева бежала в паре с Жуковой. В напряженной спортивной борьбе она уступила именитой

спортсменке, но показала очень высокий результат — 9.06,8.

По сумме четырех дистанций молодая спортсменка заняла второе место, превысив рекорд мира.

Вскоре команда советских конькобежек отправилась в Норвегию на первенство мира. В составе сборной наряду с прославленными чемпионками и рекордсменками мира 19-летней Халида Щеголеева.

...До последней дистанции многоборья — 5000 метров — Щеголеева все время шла вплотную за Жуковой. Бег на 1000 метров на этот раз выиграла Жукова, а на 3000 метров — Щеголеева.

Превосходно проходит Жукова и дистанцию 5000 метров.

Но следом за ней стартует Щеголеева. Она бежит в паре с финкой Хуттунен, одной из сильнейших на длинных дистанциях.

Со старта Щеголеева взяла инициативу в свои руки и несколько кругов лидировала, но Хуттунен, подбадриваемая зрителями, среди которых было много ее земляков, догнала Халиду. Новый рывок — и снова впереди Щеголеева. Ей кричат все участницы советской команды. Среди них и Жукова. Она словно забыла, что победа Щеголеевой на этой дистанции может лишить ее саму, казалось бы, уже завоеванного звания чемпионки.

Но чемпионка Финляндии снова настигла Щеголееву. Так в непрерывной борьбе, когда вперед выходила то одна, то другая, спортсменки под гул десятков тысяч зрителей проходят всю дистанцию.

Последние два круга они бежали конек в конек, и лишь на финишной прямой финке удалось немного опередить Щеголееву.

Когда объявили результат, все узнали, что Щеголеева отыграла у чемпионки СССР ровно столько секунд, сколько нужно было для

завоевания звания чемпионки мира.

За два года большой работы под руководством тренеров М. Соколова, К. Кудрявцева, при товарищеской помощи подруг, особенно трехкратной чемпионки мира М. Исаковой, Щеголеева проделала поразительный путь от новичка до чемпионки мира!

М. Мартынов

Солнце почти ушло за Мохнатую сопку, лучи его веером рассыпались по небу и мягким рассеянным светом отражались на гладкой поверхности льда.

На высокогорном катке близ Алма-Аты шли состязания женщин на первенство СССР 1953 года. Только что закончились забеги на 500 метров. Избалованные алма-атинские зрители выражали неудовольствие: им было странно, что рекорд мира не побит.

Так уж повелось: раз вышел на этот изумительный голубовато-зеленый лед, раз уж взял старт, то, будь добр, меняй цифры в таблице рекордов. Но разочарование алма-атинских зрителей длилось недолго. Уже в забегах на 3000 метров решимость штурмовать старый рекорд была столь велика, что Зинаида Воробьева (Кретьева) не сомневалась в удаче.

Весь забег она шла вровень с рекордными секундами, установленными годом раньше Риммой Жуковой. Сама Жукова в этот момент находилась на катке. Накинув шубу, она медленно скользила по льду, неторопливо переступая с ноги на ногу. Она внимательно наблюдала за бегом Воробьевой и прислушивалась, что скажет диктор. Жукова уже знала, что Зина идет на несколько секунд быстрее ее мирового рекорда. Вот и финиш. Над катком взметнулся многоголосый шум, и на мгновение все стихло.

«Зинаида Воробьева закончила дистанцию за пять минут двадцать одну и две десятые секунды, что является новым мировым рекордом», — сказал диктор.

Рекорд Жуковой был побит на одну десятую долю секунды. Новую рекордсменку мира поздравляли подруги, тренеры, судьи. Только фотокорреспонденты не торопились запечатлеть на пленку портрет Зинаиды Воробьевой. Они видели, как Римма Жукова энергичным решительным движением сбросила с плеч шубу и, сосредоточенная, машинально одернув свитер, направилась к старту.

— Ну, дело будет, — слышался чей-то голос. — Такие, как Римма, легко не уступают позиций.

Первые же круги Жукова проходит меньше чем за 40 секунд. Напряжение нарастает. В этом бурном начале чувствовалась решимость не только вернуть рекорд, но и значительно улучшить его.

Жукова бежит легким размашистым, свободным шагом. Она вполне владеет взятым ею в начале бега темпом. На противоположной от финиша прямой в конце поворота стоит тренер Жуковой Евгений Иванович Сопов. Он спокоен, даже весел. Щелкая то одним, то другим секундомером, корректирует он мощный бег своей ученицы.

А диктор взволнованным голосом говорит: «Жукова идет на четыре секунды быстрее рекорда, только что установленного Воробьевой!»

Наверное, собравшиеся на стадионе любители коньков в тот момент чувствовали себя не просто зрителями, а активными участниками рождения нового, небывалого рекорда. Многие встали с мест. В ложе участников с напряжением следили за ходом бега. И каждый раз, когда Жукова пробегала мимо, вслед ей неслись короткие реплики:

— Риммочка, чище выход из поворота!

— Больше катись!

Мальчишки, взобравшиеся на сопку Мохнатую, которую кто-то из москвичей образно назвал восточной трибуной, неистово кричали одно и то же: «Рим-ма, Рим-ма!»

А Римма, которая не слышала этого шума и не видела взволнованных лиц, шла круг за кругом, не Снижая скорости. Каждый раз, когда она проходила мимо судейской будки, мы видели ее вдохновенное лицо. Нет, ей мало побить рекорд на 4 секунды, у нее есть силы, чтобы улучшить его значительно больше.

Последние круги Жукова преодолевала под общий гул голосов нескольких тысяч зрителей. Вот Римма сняла с поясницы руку, и бег ее стал еще свободнее и стремительней. Радио сообщило: «Жукова установила новый мировой рекорд.

Ее результат пять минут тринадцать и восемь десятых секунды. Фотокорреспонденты тут же поспешили к новой чемпионке. Следующий день соревнований был не менее увлекательным. Жукова вновь побилла мировой рекорд теперь на 5000 метров, и вновь с заметным превосходством — 9.01,6. Она стала абсолютной чемпионкой страны в многоборье.

Еще через два года она станет первой конькобежкой планеты, победив на чемпионате мира.

Мартын Мержанов

Глава IV

ПРИТОРМОЗИЛИ...

В 1956 году с большим интересом ожидалось первое выступление советских спортсменов на зимних Олимпийских играх. На чемпионатах мира и Европы они себя зарекомендовали на «отлично», а вот на Белой олимпиаде... Ведь там, как известно, награды разыгрываются только на отдельных дистанциях. В истории коньков уже было немало примеров, когда спортсмены,

прекрасно выступавшие в многоборье, не добивались успеха на зимних Играх. Тот же норвежец Микаэль Стаксруд, трижды выигрывавший первенства планеты, ни разу не становился даже призером зимних олимпийских игр.

Советские конькобежцы завоевали в Кортина' д'Ампеццо первенство в неофициальном командном зачете, набрав 44 очка против 14 у норвежцев. Москвич Евгений Гришин первенствовал на пятисотке с мировым рекордом — 40,2. Второе место занял еще один советский спринтер Рафаэль Грач. Сергеев был четвертым, всего десятую секунды проиграв норвежцу Альфу Ествангу. Это был триумф советской школы спринта.

На следующий день первым закончил бег на 5000 метров Борис Шилков, а «бронзу» завоевал Гончаренко.

Третий день конькобежной программы вновь принес «золото»: сразу два советских конькобежца — Гришин и Юрий Михайлов из Калинина показали одинаковое время в беге на 1500 метров. И только на заключительной дистанции — 10 000 метров — наши конькобежцы уступили высший титул.

Чемпионат мира, который проводился после Белой олимпиады в Осло на «Бишлете», подтвердил, что сейчас нет равных нашим мастерам бега на коньках. Они выиграли три дистанции из четырех и заняли три первых места в многоборье: первым был Гончаренко, вторым — Роберт Меркулов из Москвы, третьим — Гришин. На чемпионате Европы отличился Гришин, который сумел добиться солидного запаса на спринтерских дистанциях и немного проиграл на длинных.

В последующие шесть сезонов советские конькобежцы ежегодно подтверждали свой высокий класс и репутацию сильнейших в мире. Трижды они завоевывали звание сильнейшего в мире (в 1958 году — Гончаренко, в 1960-м — свердловчанин Борис Стенин, в 1962-м — москвич Виктор Косичкин), четыре раза им не было равных на первенствах континента (в 1957 и 1958 годах — Гончаренко, в 1961 году — Косичкин и в 1962-м — Меркулов).

Не менее впечатляющим было выступление наших конькобежцев на Белой олимпиаде-60 в американском городе Скво-Вэлли. На катке «Олимпик скейтинг ринк» они победили на трех дистанциях. Так же как и на Белой Олимпиаде-56, две золотые награды завоевал Гришин — на 500 и 1500 метров.

На дистанции 5000 метров в тяжелых погодных условиях победу одержал Косичкин. Его преимущество над серебряным медалистом норвежцем Кнудом Юханнесеном составляло ни мало ни много, а 9,5 секунды. В конькобежном марафоне Косичкин занял второе место, проиграв Юханнесену 2,6 секунды.

И вот в 1963 году впервые за десять лет советские спортсмены остались без наград в многоборье на чемпионатах мира и Европы. Лучшее, чего они сумели добиться: «золото» на дистанции 500 метров на чемпионате мира (Гришин) и пятое место в многоборье на чемпионате Европы (Стенин). К тому времени сначала в Швеции, а потом в Голландии появились искусственные катки, несколькими годами позднее построили такой каток и в Норвегии, в Осло — «Валле Ховин», который стал своеобразным дублером знаменитого «Бишлета», где так и остался естественный лед.

С появлением искусственных дорожек конькобежцы этих стран сразу стали теснить наших скороходов: сначала шведы, потом норвежцы, а чуть позднее и голландцы. Мы же продолжали тренироваться и бегать только на естественном льду, что значительно замедлило рост результатов, ограничивало возможности тренировок особенно в начале сезона. Все сложнее становилось советским конькобежцам соперничать за награды. Тем не менее на чемпионате Европы в 1964 году Анте Антсон из Таллинна становится чемпионом, а «серебро» выигрывает Юрий Юмашев из Москвы. На следующий год лучшим на континенте был Эдуард Матусевич из Минска, а третьим — Косичкин. Год спустя у нас лишь одна медаль — бронзовая у москвича Валерия Каплана.

На первенствах мира наши успехи еще скромнее: лишь один раз за шесть лет (с 1963 по 1968 год) советский спортсмен был удостоен награды: в 1964 году Косичкин завоевал «серебро». Слабым

утешением могли послужить малые золотые награды, завоеванные на отдельных дистанциях. На чемпионатах Европы таких медалей с 1963 по 1968 год шесть, а на первенствах мира и того меньше — одна (Гришин в 1963 году).

Слабое выступление мужчин ни /.'<■ той олимпиаде-68 явилось следствием падения интереса и конькобежному спорту в нашей стране. В Гренобле на X зимних Олимпийских играх не было завоевано ни одной медали, и чашу Гришин сумел принести три очка в неофициальном командном выезде, заняв четвертое место на 500 метров.

Приблизительно так же менялась картина в наших женских коньках. В 1956 году было введено многоборье 500—1500—1000—3000 метров. Тогда же нищие сильнейшей конькобежки выигрывает Кондакова. Второе и третье места завоевывают Жукова и Рылова. Кроме того, Жукова выигрывала чемпионский титул годом раньше, а Рылова будет увенчана лавровым венком в 1959 году.

С 1957 года наступает период царствования трех ледовых королев: Инги Артамоновой, Валентины Стениной и Лидии Скобликовой. Практически десять лет эта троица правит женским конькобежным спортом на международной и внутрисоюзной арене. Их «свита» — Альбина Тузова, Рылова, Ева Иванова, Ирина Егорова, Клара Гусева — в мастерстве мало уступает Артамоновой, Стениной, Скобликовой. Любая из зарубежных соперниц считает за честь отвоевать у советских спортсменок хоть какую-нибудь медаль, хотя бы на одной дистанции.

Подавляющим было преимущество советских конькобежек на Белых олимпиадах, где с 1960 года стали проводить забеги женщин.

На двух зимних олимпийских играх советские конькобежки завоевали семь золотых, пять серебряных и три бронзовые награды. В командном зачете в 1964 году было набрано 55,5 очка против 11 у занявшей второе место команды Финляндии. Шесть золотых медалей на счету Скобликовой — это наилучший показатель из

всех участников Белых олимпиад. Одна такая награда на счету Гусевой.

Казалось, позиции советского женского конькобежного спорта непоколебимы. Но вот одна за другой стали сходить «королевы», а наследство по большому счету принимать было некому.

В середине шестидесятых годов начали восхождение на конькобежный Олимп голландки. Они-то и нанесли нам чувствительный удар. Первой это сделала Стин Кайзер. На чемпионате мира 1965 года она завоевывает бронзовую награду. Еще одна бронзовая медаль 1966 года предшествует ее победе на первенстве мира в 1967 году в родном Девентере.

Следующий сезон заканчивается сенсационно. Голландки на чемпионате мира в Хельсинки заняли весь пьедестал, а лучшая из советских спортсменок — Ласма Каунисте из Риги — лишь четвертая. Слабым утешением могут служить две малые золотые медали на коротких дистанциях Людмилы Титовой.

Не лучшим было выступление советских женщин и на Белой олимпиаде в Гренобле в 1968 году, где только Титова сумела добиться наград (у нее «золото» на 500 метров и «серебро» на 1000 метров). Остальные оказались не готовыми к борьбе на современных скоростях.

Александр Любимов

Анатолий Юсин

БЕГ БЕЗ ФИНИША

Когда я мысленно вижу Евгения Гришина на ледяной дорожке, то всякий раз будто слышу фразу, которую произносили обычно после его победных финишей: «Мы свидетели рождения легенды, которую не забудут потомки!»

Не забудут — это уж точно. Не забудут и того, что он первым «расколдовал» границу сорока секунд, промчавшись пятисотку за 39,5 секунды. Не забудут и того, как в 37 лет он стал лучшим в советской сборной на Белой олимпиаде-68 в Гренобле. Он привез из Франции консервную банку с яркой этикеткой. Над эмблемой Гренобля написан такой текст: «В этой банке содержится свежий воздух Олимпиады... Способ употребления: вскрыть банку обычными, всеми доступными средствами. Показано при: моральных депрессиях, стрессах, сплине, упадочных настроениях. Вдыхать полной грудью». Недавно был у Гришина в гостях. Евгений Романович достал банку, повертел ее в сильных своих ладонях и спросил: «Откроем?»

А потом сам же себе ответил: «А зачем? Еще не наступила пора воспоминаний. Жизнь кипит и требует: работа работой, а на лирику времени не остается...»

Гришин поставил сувенир на место, а я, глядя на эмблему Гренобля-68, вспомнил знаменитого спринтера в деле, его неповторимый по красоте бег, его яростную самоотдачу на любом соревновании.

Сейчас уже побиты все его мировые рекорды. Спорт за последние годы, охватив магнитным притяжением миллионы людей в разных уголках планеты, вырос качественно и количественно. Но спорт — эта стихия борьбы — внутренне остался таким же, каким был и во время побед Гришина, каждая из которых давалась колоссальным напряжением духовных и физических сил.

Вся жизнь Гришина отдана конькам, скорости. В течение двадцати одного года он в сборную страны.

Только одно перспективное направление — это рекорды и достижения
..... < границу (характер

ный пример: 20 лет — это толщина обложки книги

«500 метров» сфотографировать медаль и жетон чемпиона. Гришин
сложил | вон пир умку. Фотограф приподнял ее и ахнул ■■ И ш • ы т ш
ни а Мономаха». Поставил сумку **на весы торит сот** восемь
килограммов!). Итак, титулов и та», щ ■ п» точно. Здесь мы

расскажем лишь о двух-трех победах. Но и их хватит, чтобы понять:
что такое быть быстрее всех на планете!

1951 год. Медвежье. Но это еще не сегодняшний красавец с
искусственным льдом и с искусственным подогревом интереса к
чемпионатам. Нет, это только одна теплушка и сказочный лед. А на
снежных валиках чуть ли не половина Алма-Аты. Люди проводили
ночь в горах — жарили шашлыки, танцевали, ждали утренних забегов
конькобежцев. Шоссе напоминало московскую улицу в дни
праздничных гуляний: сплошь болельщики.

И вот девятнадцатилетний туляк Евгений Гришин устанавливает
мировой рекорд в беге на дистанцию 1000 метров. И ему
присваивается звание заслуженного мастера спорта. В 19 лет! Для
пятидесятых годов это было событием. В столь раннем возрасте
почетное звание не присваивали ни в одном виде спорта. Гришин и
здесь был первым.

А потом он завоевал на олимпиадах четыре золотые медали и одну
серебряную. Он привез в Москву лавровый венок абсолютного
чемпиона Европы, две бронзовые медали за многоборье на
чемпионатах мира. Он установил двенадцать мировых рекордов на
четырёх дистанциях из шести. Все это будет потом. Будет, будет... Но
ни одна победа легко ему не доставалась. Представьте себе: первую из
четырёх своих золотых олимпийских медалей Евгений Гришин

завоевал в 25 лет. Сейчас, наверное, руководители сборных подумали бы — стоит ли такого великовозрастного спортсмена включать в заявку. А тогда — в 1956 году — Гришин считался одним из самых молодых в сборной. На первой для советских спортсменов зимней олимпиаде он стартовал в первом же забеге. Волновался ли?

— А зачем волноваться? — скажет он позднее. — Мне повезло, что стартовал первым, мог ориентироваться только на мировой рекорд. Бить его во что бы то ни стало! — такую ставил цель. Только новый мировой рекорд мог стать гарантией победы. Я смотрел на разминку своих соперников и говорил себе: «Все отлично. Пробежишь — и нечего волноваться. Важно ошеломить конкурентов — пусть они гадают, волнуются, сопоставляют. Им ведь еще стартовать... А ты переодевайся в цивильный костюм и жди награды...»

Гришин стал первым конькобежцем в мире, который установил мировой рекорд на Белых олимпиадах. Пробежав свою любимую пятисотку, он стал также первым из советских спортсменов-мужчин победителем зимних Игр.

96

И честь его триумфа в итальянском селении Тре Кроче пекли первый торт. Правда, на вечернем торжестве Гришин выглядел растерянным и сумрачным.

— Что с тобой? — тревожился его друг, чемпион мира

Олег Гончаренко.

— Видел, как я бежал? Коряво, даже в решающем старте не удалось прокатиться красиво...

Вообще-то это в характере Гришина — тщательно анализировать прежде всего ошибки, не упиваться славой победы, а требовательно возвращаться к тому, что ему не удалось. Он всегда был недоволен собой. В тот день, когда спортивные газеты всего мира величали его

«дьяволом спринта», «королем льда», «Джесси Оуэнсом на льду», «звездой», когда в заголовках и аншлагах газет утверждалось: «Он захватил трон на 20 лет», — даже тогда Гришин улыбался:

— Двадцать пять плюс еще двадцать — это что же получается? 45? Нет, перебрали друзья-журналисты. Но лет до сорока можно бегать на уровне мировых рекордов...

Через день он установит второй мировой рекорд — на этот раз на дистанции 1500 метров и завоюет вторую золотую медаль, внося самый большой вклад в командную победу советской сборной в год ее олимпийского дебюта

на зимних Играх.

Гришин был первым после войны спринтером (и до сих пор единственным!), который завоевал лавровый венок чемпиона Европы за победу в многоборье в 1956 году. Его достижение из европейских скороходов — мастеров бега на короткие дистанции никто позднее так и не смог повторить. А можно вспомнить, что только неожиданная боль в паху, когда Гришин не мог оторвать ногу от льда, помешала ему стать и абсолютным чемпионом мира в Осло в 1956 году. Он бежал тогда с превышением графика мирового рекорда и если бы выдержал темп, то...

В итоге лишь бронзовая медаль в многоборье. Для кого-то — радость безмерная, а для Гришина — досада невероятная. Все труды насмарку. Неверный шаг — разорванных пах. Уходил он с катка «Бишлет» одинокий и потерянный. И хоть обида захлестывала через край, Гришин искал успокоения. А оно было лишь в новой борьбе. Впереди оставалось первенство Европы. Так что надо было целиком переключаться на мысли о Хельсинки-56! Если в Осло Гришин, как он считал, проиграл случайно, из-за травмы, то надо это доказать на Европе! Иначе нельзя — иначе он зачеркнет себя как многоборца!

Из Осло сборная СССР вылетела в Хельсинки. Теперь в команде царило настроение приподнятости. Охотно делались прогнозы —

чемпионом Европы должен стать либо Олег Гончаренко, либо Роберт Меркулов. Больше никому.

— Мне бы не проиграть Гришину на пятисотке больше секунды — и я буду первым в многоборье! — мечтательно говорил Меркулов.

— Да чего гадать? — улыбался Гончаренко. — Выйдем на лед — и все станет на свои места. Я выиграю венок, а вам снова достанутся медали на дистанциях...

— Вы говорите так, словно нет Бори Шилкова. А он, передохнув в Осло, может стрельнуть в Финляндии! — хитро заметил Гришин.

Все добродушно согласились, что конечно же может.

Почти все свободное время в Хельсинки Гришин проводил в клинике известного травматолога, который пообещал за десять дней привести ногу в порядок. Пришлось согласиться, хотя и запросил профессор очень большой гонорар. Правда, он пообещал вернуть деньги обратно, если Гришин не выиграет чемпионат Европы. Это была милая с его стороны шутка!

Профессор дал чудодейственную мазь, которая гарантировала сохранность мышц при любом напряжении. Твердо веря в ее силу, Женя намазал ноги перед выходом на лед.

...И вот позади три старта: первое место на пятисотке — большой отрыв от многоборцев после любимой дистанции; уверенное выступление на 5000 метров — спокойное, гарантирующее успех в многоборье; серебряная медаль на полуторке, где он проиграл всего десятую долю секунды! И лидирующее положение после трех дистанций! Никто не удивился этому первому месту. Так ведь было уже на чемпионатах мира в Саппоро-54 и в Осло-56. Но все поразились другому — Гришин • создал себе колоссальный запас в очках и теперь мог проигрывать лидерам по сорок секунд! Такого преимущества еще не знала история коньков.

Соревнования на стайерской дистанции сложились неожиданно драматически для советской команды. Олег Гончаренко — надежный Олег — проиграл в паре норвежцу Кнуту Юханнесену 350 метров — 22,9 секунды. Это отбросило нашего мастера на пятое место. Роберт Меркулов выступил неровно, Борис Шилков тоже не спас положения.

Разгром? И это после триумфа в Осло и Кортина д'Ам-пеццо! Первым по сумме шел норвежец Юханнесен, вторым швед Эрикссон. Но еще не стартовал Гришин.

Советская сборная прекрасно выступала всю зиму — выиграла четыре золотые медали на олимпиаде. Гончаренко, Меркулов и Гришин победили на чемпионате мира. Но проигрывать чемпионат Европы было нельзя: последний старт сезона, мир уже забыл о победах. В памяти, как правило, остается лишь поражение на финише. Л победы объясняются случайностями — высотой, акклиматизацией, невезением, всем чем угодно, кроме главного — силой советской дружины!

Перед стартом Гришина в советской команде возник переполох.

— Романыч, вся надежда на тебя! — сказал главный тренер Константин Кудрявцев. — Запас перед Юханнесе-ном у тебя в 42 секунды. Это много. Но ведь погода испортилась. Капель, развезло лед. Вытерпишь?

— Не знаю.

— Надо, Женя, надо! — Олег Гончаренко одобряюще улыбнулся.

— Видишь, как получилось! — философски заметил Меркулов.

Мысленно Гришин был уже на дорожке. Представлял себе мучения: если стайеру приходится тяжело только после семнадцатого круга, то спринтер начинает терпеть уже на четвертом. Часто Женя спрашивал стайеров:

— Что вы чувствуете во время забега?

— Ноги немного болят в конце, а так — мотор здоровый, крути, крути, пока хватит настырности.

— А я на длинных дистанциях чувствую, как сердце просится наружу и с болью давит в грудную клетку, — отвечал Гришин.

Ситуация была не из приятных — все заботы очень сильной команды свелись к одному: пусть выручает

спринтер!

— Ты всегда все терял на пятерке, никогда выше 25-го места не поднимался, — сказал ему Кудрявцев, листая свой талмуд. — Десятка тебе давалась легче — ты бывал и одиннадцатым. Так что у всех у нас остаются основания для оптимизма. Терпи!

Стартовал Гришин в последнем забеге. На льду — лужи. Вокруг катка — вода. Прямо в воде стоят ребята, подбадривают.

На первых кругах все вроде бы ждали поражения Гришина. Но в середине дистанции стало по-человечески понятно, как трудно спринтеру бежать марафонскую дистанцию, и скандинавы стали подбадривать Гришина. На каждом круге он проигрывал Юханнесену по две секунды. Умножая это на двадцать пять кругов, получаем пятьдесят секунд. Многовато, ибо можно уступить только сорок две. А где взять силы? Их нет. И мужество не приходит на помощь. Значит, проигрыш? Поражение не только Гришина, но и команды?

Вот уже Женя совсем не может бежать. И вдруг до него из тысяч голосов доносится один:

— Нельзя отключаться! Ты подумай, как потом славно будешь отдыхать!

— Не могу! — качает головой Гришин.

И все же немислимым усилием воли Романыч заставил себя работать на полную железку:

— Сколько? — спросил у тренера на бирже.

— Минус две секунды! — надрываясь, крикнул Кудрявцев.

Остался последний круг — и минус две секунды. Значит, надо прибавить. Последнее усилие — если сердце разорвется, пусть разорвется, — с этой мыслью и финишировал. Так пришла победа в многоборье, так авторитет советских конькобежцев остался непоколебим!

Ему поднесли микрофон. И Гришин говорил в него слова благодарности всем, кто болел за него, кто воспитал его. Евгений Романович передал привет маме, прошептал: «До скорой встречи!» — и почувствовал невероятную тяжесть венка!..

А через четыре года пришла новая Олимпиада — в Америке, в Скво-Вэлли. Гришин с большими оговорками попал в сборную страны. В тот год ему напомнили: «Тебе, Дед (да, появилось такое прозвище), уже 29 лет. Уйди в славе, дай молодым прорезаться».

Но Евгений Романович не сдавался:

— Уйти — это самое легкое. Вот вы победите меня — тогда без звука уступлю дорогу.

Недавно мне вместе с Гришиным посчастливилось увидеть кинофильм «Это было в Скво-Вэлли». Лента крутилась, а Гришин ждал одного момента: вот на пятисотке он влетает в малый поворот, вот качается! Вот взмахнул руками! Вот распрямился и едет на прямых ногах! Вот сомнение: упасть или не упасть?

Почти три десятка лет промчалось, а он никак не поймет: что помогло ему удержаться на коньках тогда, в шестидесятом?..

День открытия Игр запомнился на всю жизнь. Целое утро валил снег, создавая столпотворение на автострадах. Впервые за всю историю торжественная церемония открытия была задержана на 15 минут:

сквозь снежные заносы не могла проехать машина с Ричардом Никсоном — вице-президентом Соединенных Штатов Америки.

Первые же забеги спринтеров показали, что результаты будут высокими. Бронзовый призер предыдущей олимпиады норвежец Альф Естванг финишировал через 40,8 секунды. Главный фаворит — реактивный американский спринтер Билл Дисней бежал, как хоккеист. Движения Билла были резки и коротки по амплитуде, но скорость он показал выдающуюся. Гришину не надо было смотреть на электронное табло — он знал: результат американца окажется рядом с мировым рекордом. И точно — лишь одной десятой не хватило Биллу до повторения достижения Гришина четырехлетней давности.

Никто из уже стартовавших 28 конькобежцев не мог улучшить времени Диснея. Но в тот момент Гришин еще только разминался.

Соперником Романыча оказался тихоходный австриец Франц Оффенбергер. Тихоходный? Гришин раз и навсегда запретил себе говорить: «Бегу с каким-то... Он мне не конкурент». Спортивная жизнь убедила Гришина, что как раз эти «какие-то» и преподносят подчас сюрпризы. «Бегу с каким-то» — так говорили об Олеге Гончаренко, о Викторе Косичкине, о Корнелиусе Фсркерке, об Эрике Хайдене, когда их никто не знал. А потом они приучили, а точнее — заставили всех уважать себя, завоевывая раз за разом лавровые венки и золотые медали...

Смотрел Гришин на Франца и чуть-чуть завидовал: австрийцу досталась малая, внутренняя дорожка. Это большое преимущество, когда ведешь разговор на уровне мирового рекорда: на финишную прямую вылетаешь по большому повороту и можно не бояться скорости.

Гришину же придется огибать вираж по малой дорожке, когда скорость будет наивысшей. Как в этих не самых лучших условиях бить мировой рекорд? А ведь москвич обязан был улучшить его, чтобы завоевать олимпийское «золото»!

В душе Романьч был расстроен, но вида не подавал. Все конькобежцы ждали забега Гришина.

После выстрела начался ураган: это Гришин так разгонялся. Скорость набрал такую, что по большому повороту несся как молния. Голос тренера Кудрявцева, правда, успел засечь: —.

— Не прижимайся к бровке!

Да где уж тут, Гришин испытывал такое ощущение, словно его тащили по льду за воротник.

— Будет рекорд? — только Романьч об этом подумал, как' влетел в малый поворот — здесь-то с его скоростью надо было соблюдать предельную осторожность. Чувствуя, что не справляется с центробежной силой, Гришин взмахнул руками. Выпрямился, проехал на прямых ногах, удержал равновесие и... безнадежно растерял завоеванное преимущество.

Стадион ахнул.

Метнув взгляд на секундомер (а он был в ста метрах!), Гришин понял: «Еще можно бороться!»

И как бы заново начал бег. Еще мож-но! мож-но! мож-но!

На финише «Омега» зафиксировала лишь повторение мирового рекорда. С таким-то сбоем!

Что же произошло на втором повороте, на той злосчастной малой дорожке?

Когда Гришин подъехал к тренеру Кудрявцеву, то Константиныч сиял:

— Если бы не сбой — вышел бы из сорока! Как ты умудрился? Испугался скорости?

— Подхожу ко второму повороту, — задыхаясь, объяснял Гришин. — Понимаю, что нужно держаться правее, чтобы не вынесло на большую

дорожку. Ушел вправо так далеко, что задел коньком внешнюю бровку. Еле-еле удержался на ногах. Скоростина-то чудовищной была — никогда такой не испытывал. Прижало так, что правую ногу не мог оторвать ото льда. Только успел вывернуться — опять покатился на двух ногах.

— Для тебя это подобно катастрофе — когда еще представится возможность побить мировой рекорд на олимпиаде? — посочувствовал Кудрявцев.

— Рекорд и после олимпиады можно установить: для этого специальные соревнования организуют. Там и постараюсь, — задорно ответил Гришин. — А другой олимпиады может и не быть.

Когда ему вручили золотую медаль, то журналисты спросили: «Вы могли пробежать быстрее? Боялись ли Диснея?»

— Я ставил задачу побить мировой рекорд. Только такой результат мог гарантировать первое место. Если бы не сбой на повороте, я бы ее решил, — ответил Гришин. — Но, как видите, даже со сбоем повторил мировое и

олимпийское достижение. Диснея я не боялся. О проигрыше даже не думал. Зачем лететь через полмира, чтобы финишировать вторым?

На вопрос советского журналиста, кого вы считали основным соперником, серебряный призер олимпиады Дисней ответил: «Я знал, что главным конкурентом будет Гришин, но я просто не мог предположи!.., что он способен идти на такой фантастический результат, как 39,5. Нужно иметь великое мужество, чтобы, сбившись на повороте, финишировать быстрее всех. **Я** восхищен. Было бы несправедливо, если бы золотая медаль досталась мне. Гришин бежал лучше».

Наверное, не надо напоминать, что я цитирую официальное интервью Диснея и поэтому вынужден повторить слова «великое мужество» и им подобные...

Снова, как и четыре года назад, выиграв пятисотку, Гришин почувствовал, что его не остановить и на полуторке... На этой дистанции он разделил «золото» с норвежцем Роальдом Осом. Это была четвертая медаль высшей олимпийской пробы, полученная Романычем.

А после закрытия олимпиады организаторы, как и обещали, устроили состязания на побитие мировых рекордов. По жребию Гришин вытянул малую дорожку. Когда тянул, вокруг собрались все сильнейшие. Знали: если выпадет малая, он побьет мировой рекорд.

Бег получился чистым, красивым и быстрым. Но все же он не стал столь стремительным, как хотелось бы Гришину. Понятно — олимпиада отняла столько сил!

Секундомеры, однако, зафиксировали, что впервые в истории коньков человек выбежал на пятисотке из 40 секунд: 39,6 — таким он сделал высшее достижение на Земле!

— Чем вас поразила Америка? Что вам понравилось у нас? — от вопросов американских журналистов не было отбоя.

Отвечал Гришин так, как думал:

— Понравился красный советский флаг на голубом американском небе. Очень красиво...

«Король льда» — так называли его почти двадцать лет. Всегда, когда он выходил на дорожку, зрители знали: будет чудо. Не каждый раз, конечно, рекорд мира. Но всегда — идеальная техника. На него ходили смотреть, как на эталон конькобежца. А Романыч обычно был хмур после забегов, отмахивался от поздравлений. Нет, не кокетничал, не набивал себе цену, просто после каждого сорев-

юз

нования уже жил будущим, пытался представить новый забег и мысленно прокручивал предстоящие 500 метров — круг и

заключительную прямую...

Когда сегодня молодые конькобежцы спрашивают, что же было главным в Гришине, то ветераны отвечают коротко: «Характер! Личность!» Уважая соперников, он никогда не признавал их превосходства, повторяя при этом: «У каждого своя дорожка».

Анатолий Юсин ОСТАНЕТСЯ, КАК В СКАЗКЕ

Ингу Артамонову не раз спрашивали: «Как ты стала чемпионкой мира?» И Инга отвечала так:

— А попробовали бы вы не стать чемпионкой мира, когда живете в доме, из окна которого виден каток, а на нем, словно грациозные и могучие птицы, мчатся по кругу лучшие спортсменки мира. Когда ты сама целыми днями пропадаешь на этом катке, когда у тебя есть одна главная страсть — желание стать лучшей на земном шаре. Что хотите со мной делайте, но я не могу представить себя без зеркального льда, на котором ты уверенно побеждаешь всех — расстояние, время, скорость, подруг по команде, противников из-за границы, на котором ты побеждаешь своего главного противника — самого себя...

Впервые Инга стала на коньки в военные годы, когда ей было около шести лет. Жила в их доме на Петровке, 26, Валя Рожкова. Ее считали богатой и интеллигентной, потому что у Вали дома висел на стене телефон. А еще у Вали были коньки — «английский спорт». Она прикручивала коньки к валенкам и носилась по тротуарам. Остальным девчонкам казалось, что проехать хотя бы на одном коньке — самое большое счастье. Не дожидаясь Вали, они устанавливали очередь на прокат ее коньков. Каждой удавалось за день проехать хотя бы круг на одном коньке. Валя была у них за тренера. Она бегала рядом со счастливицами и указывала: «Не гнись! Тело не отклоняй назад!»

Как-то Валя дала Инге оба конька, и та могла вдоволь кататься одна по темной улице. На двух коньках!

Так началась ее спортивная жизнь...

А потом, когда уже появились собственные «сороходы» — мамина подруга отдала Инге коньки своих погибших на войне сыновей, — девчонка с Петровки научилась проходить на каток... без билета. Обычно выбирала момент, когда милиционер отвлекался, и — перепрыгивала через забор. Но вот однажды...

Только она перемахнула через ограду, как ее окликнул высокий мужчина. «Наверное, переодетый милиционер, — подумала девочка, — надо бежать». Это ей удалось. Но потом Инга заметила, что за ней гоняется другой парень. «Ага, сговорились!» — мелькнуло в голове. И тогда она помчалась против движения, в то время как сороход не рискнул двинуться в эту клокочущую людскую массу.

Решив, что она вышла победительницей, Инга подошла к «переодетому милиционеру».

— Что не поймали?

— И хорошо, что не поймали, — засмеялся незнакомец.

— Чего уж хорошего?

— А то, что ты мне нравишься, — сказал он.

— Вы мне тоже, — съехидничала она.

— Вот и отлично, — сказал он и протянул руку, — будем знакомы: Павел Михайлович Санин, тренер «Юного динамовца».

— По конькам? — спросила Инга обрадованно.

— Нет, я тренирую гребцов, — послышался ответ.

— Значит, вы обратились не по адресу, — расстроилась Инга.

— Это почему?

— Я люблю только коньки.

— Но ты же не знаешь других видов спорта. Попробуй — и тебе обязательно понравится академическая гребля, да и речной воздух исцелит тебя. Договорились?

— А вы и про туберкулез знаете? — удивилась девочка.

— Я знаю про тебя все. И с этого дня ты будешь меня слушаться. Ладно?..

Тренируясь в секции по академической гребле, Инга достигла отличных результатов — стала мастером спорта, четыре риза была чемпионкой СССР среди девушек, входила и сборную страны. И все же... девушка не забывала про коньки. Правда, ее не брали ни в одну из секций, считали переростком. Да и фигура ее — высокий рост — по тем временам не вписывалась в представление об эталоне скороходов. Мария Исакова, Римма Жукова, Соня Кондакова ростом не отличались, а именно по ним — чемпионкам мира — тренеры сверяли свои поиски талантов.

Инга не отчаялась, и 24 декабря 1954 года она провела первую тренировку по конькам. Запомним этот день — последняя неделя пятьдесят четвертого года. Прозанимавшись всего несколько месяцев, Инга выполнила первый разряд. Ее пригласили тренироваться летом вместе со сборной Советского Союза на берегу Черного моря.

Новенькую встретили без особых эмоций: многим казалось странным, как это можно перворазрядницу привлекать к занятиям вместе с чемпионками. Одна из рекордсменок мира так прямо и спросила Ингу: «А ты почему здесь? За что это тебя включили в сборную страны? Странно — сюда приехали мастера и заслуженные мастера, а ты всего-навсего перворазрядница. За красивые глазки, что ли, тебя взяли?»

— Я такой же мастер спорта, как и ты!

— По гребле? — засмеялась мировая рекордсменка. — Ты бы еще про шахматы нам рассказала... Я про коньки говорю.

— В коньках пока не мастер.

— Девочки, вы слышали? «Пока» не мастер. А будешь

ли?

— Буду, — бросила Инга. Никогда еще она не была такой злой. — Могу поспорить, что уже этой зимой мы поборемся на равных.

И Инге стало стыдно за себя, за свою несдержанность, хвастливость. Но слово ведь не воробей...

Она ждала зимы 1956 года, ждала и боялась, потому что помнила об опрометчивом обещании победить мировую рекордсменку. Инге было лишь девятнадцать лет, она еще только училась ходить по земле, жадно слушать жизнь, училась видеть, как лопаются почки в апреле, понимать, что минутная бестактность и несдержанность могут надолго испортить настроение окружающим. Инга это уже узнала. Знания дались ей нелегкой ценой.

Перед чемпионатом СССР Инга волновалась, как никогда в жизни. Она не испытывала ничего подобного раньше. Да и позднее, на чемпионатах мира, она не будет так волноваться. Должно быть, это смятение наступило от сознания, что ей предстояло ОТКРЫТЬ СЕБЯ в новом замечательном виде спорта.

Она не думала не гадала, что сможет стать чемпионкой. Даже не мечтала. Еще бы — в Свердловск после своей блистательной победы на мировом первенстве в Швеции приехала Соня Кондакова, готовилась выйти на лед кумир молодежи пятидесятых годов Римма Жукова, да и других заслуженных мастеров хватало...

Рекордсменка мира — та, с которой они поспорили у Черного моря, отлично преодолела 500 метров и уверенно заняла первое место. А Инга пристроилась лишь одиннадцатой, причем проиграла победительнице целых три с половиной секунды! Чтобы их отыграть, надо на тройке — так называли дистанцию 3000 метров — выиграть почти двести метров.

Результат в спринте морально убил дебютантку первенств страны. И она поняла, насколько погорячилась летом. Отыграть потерянное было почти невыносимо. Больше того — важно было не проиграть и тысячу метров. Ведь именно здесь ее обидчице принадлежал мировой рекорд.

Звезды первыми стартовали на полуторке. Выяснив отношения между собой, они ушли в раздевалку, дожидаясь церемонии вручения медалей. А аутсайдеры в это время продолжали возню на льду.

Никто не следил за бегом Инги, не корректировал график, не помогал ей. Лишь судьи кричали, сколько осталось кругов до финиша. Когда Артамонова закончила дистанцию, диктор, откашлявшись, сказала в микрофон:

— Кажется, не обошлось без сенсации.

Спыхватившись, выключил микрофон и стал дожидаться решения судей-хронометристов.

Наконец все услышали:

— Второе место и серебряную медаль завоевала юная москвичка Инга Артамонова!

Наступил решающий день. Опять же звезды, пробежав, ушли в раздевалку. И снова, как и вчера, во время забега Инги не было на льду ни одной спортсменки из сборной страны — очевидно, они расценили ее серебряную медаль как случайность. Они не верили, что после унылых секунд в спринте Артамонова сможет хорошо пробежать тысячу метров.

В самую последнюю минуту шустрая Нина 51сашина, правда, успела шепнуть Инге:

— Помни о споре. И чем черт не шутит?

Ах, этот уговор. При чем здесь он? Когда кругом такая волнующая атмосфера борьбы? При чем вообще в спорте «бабские разговоры»,

случайно брошенные слова, пустые обещания?

Инге хотелось победить, но победить не для того, чтобы кому-то что-то доказать. Это снизило бы ценность ее победы. Инге не терпелось доказать себе, что человек может сделать все — даже невозможное! — если захочет.

И если очень постарается.

После выстрела стартера она зачастила ногами, стала помогать руками, стремясь увеличить скорость или... в крайнем случае — улететь...

Трудилась она на дистанции неумно, неэкономно. Это можно понять — были сила, молодость, задор, самовлюбленность, не хватало лишь опыта тактической борьбы. В девятнадцать лет этого опыта не хватает многим.

— Хо-ро-шо! Мо-ло-дец! — доносились крики с трибун.

Они адресовались Инге.

«Что я сделала? Почему?» — думая об этом, Инга не заметила, как пересекла линию финиша, как ударилась обо что-то плечом. В глазах потемнело...

Инга еще лежала на льду, когда диктор торжественным голосом, стараясь работать под Левитана, объявил:

— Новый мировой рекорд установила москвичка Инга Артамонова...

В раздевалке к ней подбежала Нина Ясашина:

— Ты — умница! Я так в тебя верила. Теперь станешь чемпионкой страны и в многоборье.

— Скажешь тоже! — засмеялась Инга.

Кажется, она уже все сделала. Выиграла спор. Сдержала обещание. Но остановиться на достигнутом Инга уже не могла. Теперь у нее появились отличные шансы на абсолютную победу. Для этого ей, правда, нужно было ни много ни мало — опередить двух чемпионки мира. «Два гроша надежды» — один из лучших фильмов итальянского неореализма. Так вот Инга уцепилась за эти два гроша надежды, уцепилась так уверенно и прочно, что уже не захотела смириться даже с третьим — таким почетным местом.

Когда она вышла на старт, на стадионе творилось невероятное. В раздевалке не осталось ни одной участницы. Инге было приятно сознавать, что все заслуженные мастера признали в ней соперницу, и ждали ее старта, и начинали верить, что она сможет пробежать хорошо.

Разве могла она выступить без вдохновения? Нет, Инга все силы отдала победе. Выиграла последнюю — самую трудную дистанцию, самую почетную, секунды которой венчают усилия в многоборье.

Вечером ей, новой мировой рекордсменке, вручали большую золотую медаль чемпионки Советского Союза. Она стояла на пьедестале почета, гордая и красивая. Фанфары трубили о победе. По радио неслись приветственные марши, а она не могла сдержать слез... Л потом — какая прекрасная была традиция! — ее наградили свитером чемпионки страны. В гостинице уже лежали первые приветственные телеграммы. И как только люди узнали о ее победе, если телевизионных трансляций с конькобежных соревнований в те годы не велось?..

1957 год. Чемпионат мира. Финляндия. Все участницы состязаний закончили соревнования, сняли коньки, стали просто зрителями. А Артамоновой предстояло проехать еще одну дистанцию — круг почета с лавровым венком.

Этот круг — одно из самых незабываемых впечатлений в жизни. Пятая дистанция — красивая, приятная. Чемпионка мира, единственная из всех спортсменок, выступает не на четырех, на пяти дистанциях. И о

том, кто именно выступает на этой пятой дистанции, узнают в самую последнюю минуту.

Медленно катилась Инга по стадиону. Сверху, со снежных трибун, к ее ногам летели цветы. Финны ликовали и кричали русское слово: «Здо-ро-во!»

Инга бежала этот круг, и слезы счастья, прозрачные, сверкая в лучах прожекторов, катились по щекам.

Зрители требовали еще и еще раз прокатиться по стадиону.

Но не успела она сделать и нескольких шагов, как заметила, что трибуны стали опускаться, а болельщики скатываться по снежным валикам вниз. Они бросились к чемпионке — тысячи людей, мужчины, женщины, дети...

Пришлось остановиться. В ту же секунду сотни рук потянулись к Инге — и не успела она ничего сообразить, как очутилась в невесомости, подброшенная вверх этими руками. Лавровый венок упал вниз. Его подхватили и тоже стали качать. И чемпионку, и венок!

Как ее вынесли с катка, она не помнит. Примерно через полчаса в дверь постучали. Вошел высокий мужчина и, картавя, сказал по-русски:

— Мы немного порадовались. Ваш венок разобрали на сувениры. Теперь тысячи людей на всю жизнь сохранят память о вашей победе... Извините...

С этими словами он положил на раскладушку венок.

Вернее то, что осталось от венка — веник с семью листочками.

Так и не пришлось Инге подержать в руках тот венок из благородного лавра. Римма Жукова успокаивала чемпионку:

— Не переживай: у тебя будет еще не один такой трофей. Поверь мне.

Артамонова верила...

Она завоевала четыре лавровых венка. Столько, смею утверждать, никто из советских конькобежек в XX веке уже не получит. Венков — а значит, и побед — могло быть больше, но в двадцать один год — в самый расцвет — туберкулез, подкравшийся к чемпионке мира, выводит ее из борьбы. Уходили годы. Лучшие годы. Ингу уже списывали со счетов, не видя оснований для успехов. Никто в нее не верил. И лишь она одна, гордая и непреклонная, забывала о болезнях и неприятностях, уверенно работала для будущего. А в 1962 году на Медео она завоевала пять золотых медалей чемпионки страны — на всех дистанциях и в многоборье, установила четыре мировых рекорда. Причем побила их на высокогорном катке, бежать на котором ей было особенно трудно — сказывались больные легкие. И все же Инга совершила свой подвиг — многие из ее мировых рекордов держались пять-семь лет! Но она об этом не знала. Ее уже не было в живых...

Не проиграв ни одного старта в 1962 году, Инга Артамонова стала в третий раз чемпионкой мира. Она как бы вернулась в спортивную юность и на время забыла о болезни. Инга мечтала выступить на Олимпиаде-64 в Инсбруке, но... високосные годы всегда были несчастливymi для «ледовой королевы». В 1964 году острый приступ язвы вывел Ингу из строя. Полтора месяца в разгар сезона провела она в больнице. Доктора советовали Инге прекратить занятия спортом, но если бы она поддалась на уговоры, то изменила бы себе — перестала быть Ингой! И Артамонова продолжала выступать.

Високосный год стал для нее проверкой. Пусть жестокой, обидной, но проверкой на прочность жизнеутверждения. Через год — в 1965-м ей вновь не было на планете равных. Казалось, она ехала в финский город Оулу, чтобы на первенстве мира формально закрепить за собой право именоваться сильнейшей, быстрейшей. В четвертый раз!

В день приезда нашей команды в Оулу стоял двадцатиградусный мороз. Девушки, закутанные в пуховые платки и меховые шапки, из гостиницы первым делом побежали на каток. Но вход на стадион был закрыт. Что делать? Инга Артамонова вспомнила снос озорное детство

на Петровке и предложила молодым подругам... перелезть через забор. Те согласились.

Лед был словно стеклянный. Коньки за него не цеплялись. Инга подумала, что у нее просто-напросто тупые коньки, наклонилась, чтобы проверить лезвия и... в это время на полном ходу врезалась в скамейку. Как она не сломала голень, остается загадкой.

Подруги помогли ей добраться до гостиницы «Арина». Два дня перед стартом пришлось провести в постели. Вот тебе и «формально закрепить за собой право именоваться быстреейшей»!

Газеты разных стран, выдвигая предположения перед чемпионатом, единодушно отвели Артамоновой место абсолютной победительницы. Один из финских журналистов рассказывал, что их редакция уже имела очерк об Инге с названием «Четырежды непобежденная», в котором подробно описывались будущие соревнования. Было рассказано все, вплоть до мельчайших подробностей. Точнее — предугадано, сфантазировано. Не были проставлены только результаты.

Жребий был явно не в пользу Инги — на всех четырех дистанциях ей приходилось бежать в первой паре, прокладывая дорогу остальным, давать им в руки графики.

Все свои силы она вложила в первую дистанцию — решила сразу же ошеломить соперниц.

Трудно передать, что она почувствовала после первой победы. Радость? Бесспорно. Но еще и самоуспокоенность. Она поддалась на удочку, решила, что победа уже гарантирована.

И за эту успокоенность моментально поплатилась поражением на полуторке — дистанции, которая всегда считалась ее, где она установила один из лучших своих мировых рекордов. Артамонова проиграла Вале Стениной. Это, однако, не очень смущало. Вале не страшно было проигрывать, она же подруга по сборной. А вот то, что

впереди оказались голландка Стин Кайзер и кореянка Пил Хва Хан, тревожило.

И хотя Артамонова оставалась по сумме двух дистанций на первом месте, тревожное состояние не оставляло ее всю ночь. Она не боялась, просто была бдительна... Такое обостренное чувство особенно помогло ей в воскресенье — второй и решающий день чемпионата. ...

Снова она открывала забеги. На этот раз в паре с ней стартовала двадцатилетняя машинистка из голландского города Дельф Стин Кайзер. Эта девушка накануне сумела выиграть у Инги и теперь снова стремилась опередить прославленную москвичку в забеге.

Инге досталась внутренняя дорожка. Значит, два поворота она могла идти против ветра. И оба этих поворота малые. Борьба шла только первые полкруга. А затем Инга убежала от «летучей голландки» на тридцать метров...

От того, как выступит Валентина Стенина на тысяче метров, зависела не только прописка лаврового венка — Москва или Свердловск. В случае удачи Стенина тоже становилась трехкратной чемпионкой мира, как и Инга. А Артамонова при счастливом стечении обстоятельств действительно уезжала бы из Финляндии «четырежды непобежденной».

Стенина бежала стремительно, но на финише секундомеры зафиксировали результат почти на две секунды слабее, чем у Инги. На последней же дистанции Артамонова летела словно на крыльях; она не сомневалась в успехе.

А потом была высшая ступенька пьедестала почета. Счастливая улыбка. Ее, Ингина, улыбка. Та самая, за которую ее любили на всех катках планеты.

В тот вечер я позвонил в отель «Арину»: «Как себя чувствуешь? О чем думаешь? Ведь все главное уже свершилось...»

Инга не скрывала радости:

— Свершилось! Я стала в четвертый раз абсолютной чемпионкой мира. Ни одному спортсмену после войны, когда коньки стали по-настоящему массовым видом спорта, не удалось добиться того, что выпало на мою долю.

— Запиши, — говорил я ей, — запиши все, что ты чувствуешь, о чем думаешь, чтобы твои личные впечатления не стерлись газетными оценками, не подменили друг друга.

В Москве она показала мне листочки, исписанные темной северной ночью в «Арине»: «Не верится! Вбегаю в раздевалку, меня окружают мальчишки, просят значки и автографы. «Ну ты понимаешь, что снова стала сильнейшей?» — спрашивают подружки. Ой, девчонки, я так рада. И за нас за всех. Снова с победой на родную землю! С победой!

Печально подмигивало мне северное сияние, вспыхнувшее над студеным северным морем. У меня хорошее настроение — получила много телеграмм от знакомых и незнакомых, но дорогих мне людей.

Я не нахожу себе места от счастья. Брожу по комнате, мечтаю о рассвете, который вольется в окно гостиницы, заскользит по подушке, разбудит меня, чтобы сказать: «Эта вершина — не последняя, Инга! Восхождение не кончилось — впереди еще целая жизнь!»

Но эта вершина оказалась последней. Инга трагически погибла, не дожив до 30 лет.

Еще и еще раз думаю о ней, вспоминаю ее...

Она была полна обаяния и человеческой нежности. Сказать о ней, что она была хорошим человеком — значит, ничего не сказать. Инга была настоящим человеком. То, что она сделала в спорте, не перестанет волновать умы болельщиков и спортивных ученых. Вот это останется, как в сказке. Инга Артамонова совершила подвиг: девочка, семь лет проболевшая туберкулезом, стала мастером спорта по академической гребле, четырехкратной чемпионкой мира по конькам, превысила более десяти мировых рекордов, двадцать семь раз побеждала на

отдельных дистанциях чемпионатов страны. Но разве эта сухая арифметика расскажет об Инге красноречиво? Нет, конечно.

Инга была веселым и остроумным собеседником. Познания ее в литературе и различных областях культуры были и впрямь замечательны. Она была неофициальной чемпионкой среди чемпионок по вязанию. В 1965 году выиграла в Кирове приз по танцам, слыла искусным кулинаром. Инга отлично рисовала — в детстве даже мечтала быть архитектором или модельером, владела английским языком... И вот — трагическая гибель.

Она умирала недолго всего несколько минут. И, почувствовав, что умирает, Инга не могла смириться, что не увидит пусть в последний раз серого и водянистого московского неба, не простится с зимой. Она побежала по лестнице. Но не успела...

И когда тысячи москвичей провожали в последний путь свою чемпионку, в Москве ударили первые морозы. Зима пришла проститься с Ингой...

И шел снег, снег, снег...

Михаил Болотовский

КВАРТИРА НОМЕР ДВАДЦАТЬ ОДИН

Да будет мне позволено начать этот рассказ с весьма спорной аналогии, возникшей при сравнении результатов Белых олимпиад 1964 и 1988 годов — давней, прошедшей в Инсбруке, и недавней — в Калгари. Впрочем, уместно заметить, что повод к размышлениям такого рода подала трехстрочная реплика некоего скептика, заявившего со страниц одной из канадских газет: «Если бы не феноменальный успех русских лыжников — сборная СССР выглядела бы в командном зачете далеко не лучшим образом. Тут-то и вспомнилось, что двадцать четыре года назад, после Игр в Инсбруке, раздавались точь-в-точь такие же голоса: «А так ли уж велик успех советских спортсменов, если сбросить со счетов четыре золотые медали Скобликовой?..»

Казалось бы, скептицизм обоснован. Но... Позвольте, как это сбросить со счетов? Законы неофициальной командной борьбы олимпийских команд строги. Да и уместен ли в спорте разговор типа если бы да кабы?.. Рискну еще высказать совершенно ненаучное предположение: такие чудеса закономерны и, более того, неизбежны. Дело в том, что неудача сотоварища по сборной подстегивает, заставляет восполнить потери команды. Дело и в том, что направление главного удара выбирается тренерами загодя. Но дело — в решающей степени — в том, что каждое олимпийское четырехлетие дарует спортивному миру уникальных атлетов, рожденных для уникальных побед. Джесси Оуэнс и Эрик Хайден, Галина Кулакова и Пааво Нурми, Лариса Латынина и Раймонд Юри, Марк Спитц и Лидия Скобликова...

Скобликова. Сколь бы ни была изменчива человеческая память, сколь бы ни были мы увлечены победами новых суперзвезд отечественного и мирового спорта, сколь бы далеко ни отодвинулся за десятилетия предел достижимого — имя Скобликовой не тускнеет с годами, как не тускнеет блеск ее золотых наград.

1964 год. На Олимпиаду в Инсбрук Лидия Скобликова приехала в ранге двукратной чемпионки Игр в Скво-Вэлли. Мировая спортивная пресса отводила ей роль лидера, но лидера не бесспорного. Вспоминали, что в ту зиму

Скобликова уступила, к примеру, на пятисотке даже своим соотечественницам Ирине Егоровой и Татьяне Сидоровой. Говорили, что зарубежные соперницы отнесутся к ней теперь (после побед на минувшей олимпиаде и последнем чемпионате мира) с тройной бдительностью. Звучали, наконец, еще более категоричные утверждения: Скобликова, мол, не в той форме, чтобы рассчитывать более чем на одну победу из четырех возможных.

Сомневалась и сама Скобликова. И никому, пожалуй, не доверяла она своих сомнений, кроме ближайшего друга — Евгения Гришина.

«Я был уверен, что Лида выступит на Олимпиаде с блеском, — потому что видел, как она тренировалась, — вспоминал потом Гришин. — Конечно, Лида — одаренная, разносторонняя спортсменка. Но главное

— она настоящий боец. Все делает с задором, со спортивной злостью. Она могла, например, летом, в 35-градусную жару, когда все ходили высунув язык, бегать 20 раз по 200 метров, как это было предусмотрено планом тренировок. Она могла тренироваться почти на равных с мужчинами-конько-бежцами. Бегут, например, ребята в межсезонье 10-ки-лометровый кросс, и Лида за ними держится. Маленькая, хрупкая — и откуда у нее только силы берутся!.. Все это я помнил, когда настраивал ее на победу. Я знал, что ей сейчас не хватало одного: уверенности в своих силах».

Тут нелишне вспомнить о том, что вклад Гришина в победы Скобликовой отнюдь не сводился к одному лишь (как пишут в популярных брошюрах) поддержанию морально-волевого настроения. Гришин наравне с тренерами был наставником Скобликовой в самом прямом смысле этого слова: он учил ее азам. Парадоксально, но факт: еще летом 1962 года двукратная олимпийская чемпионка не умела кататься на роликовых коньках! В это трудно поверить, но так было. И именно Гришин помог ей в то лето. У Лиды не получалось, она плакала, но Гришин был непреклонен: «Надо!» И она училась.

«Кому я обязана своими четырьмя золотыми медалями? — говорила Скобликова через месяц после Инсбрука. — Жене Гришину. Вот все тренеры мне говорят, я их слушаю, но мне надо, чтобы именно Женя дал последнее напутствие. Если он скажет: «Здорово бежишь, выиграешь!» — для меня это все. Я уже знаю, что ни за что не проиграю».

Впрочем, мы чуть забежали вперед. А тогда, на старте олимпиады, едва ли кто-нибудь мог предположить, что зимние Игры 1964 года станут Играми Скобликовой.

Первая дистанция — пятисотка. В квартире № 11

женского корпуса Олимпийской деревни, где жили наши конькобежки, с утра царило волнение. Так называемому предстартовому состоянию спортсменов посвящены тома психологических исследований, и доподлинно известно, сколь плачевным может оказаться результат малейшего сбоя, посторонней, пустяковой неурядицы. Казалось бы,

ерунда — испортился лифт. Спуститься с шестого этажа — не велик труд. А тренеры заволновались: не выбьет ли эта мелочь девушек из колеи?..

На трибунах олимпийского конькобежного стадиона было в тот день немало поклонников таланта Скобликовой, и главные — хоккеисты сборной СССР. Но и среди них не было единства в прогнозах. «Будет третьей!» — утверждал капитан хоккеистов Борис Майоров. «Спорю, что выиграет!» — настаивал Вениамин Александров.

Меж тем Скобликова уже готовилась к выходу на лед. «Первую прямую и поворот пробежишь так, как на разминке, — возбужденно говорил стоявший рядом с ней Гришин. — Выйдешь на вторую прямую — там тренеры тебе крикнут секунды. Вторую прямую беги, как финишную, выкладывайся без остатка».

Сорок пять секунд ровно — этот результат принес Скобликовой победу. И вечером того же дня на подоконник в квартире № 21 легла первая красная коробочка с золотой олимпийской медалью.

А лифт к ее возвращению со стадиона был уже отремонтирован. Но больше ни разу не зашла Лидия Скобликова, отправляясь на соревнования, в его кабину. «Не то что я верю в приметы, — смущенно говорила она потом. — Спускалась своим ходом просто так, на всякий случай».

Лукавила ли Скобликова? Кто знает! Но если даже и лукавила, то примета оказалась действительно счастливой.

Труднее прочих далась ей четвертая, последняя победа на льду Инсбрука. Перед началом забегов на 3000 метров внезапно отказали морозильные **установки** и **лед** начал устрашающе таять. Появились лужи. **Скобликову** это обстоятельство не слишком смутило: она стартовала в числе первых и было ясно, что соперницам предстоит проходить дистанцию отнюдь не в лучших **условиях**. Дан старт. Бежать невероятно трудно — лезвия тонут в мягком, как масло, льду. Пять с лишним минут мучений. На таб ю 5.14,9 — результат, который, казалось, гарантирова'І 'Ім дии «золото». И вдруг... Заработали

морозилки. Замерзали лужи, лед возрождался на глазах. Стало ясно: судьба уготовила соперницам отличный шанс.

И тем более поразительно то, что никому не удалось приблизиться к Скобликовой! Три и шесть десятых секунды — этот разрыв между первым и вторым результатом дня до сих пор представляется феноменальным.

«Королева коньков» — так озаглавил экспресс-репортаж корреспондент мюнхенского «Шпорт иллюстрирте». «Лидия Скобликова — самая выдающаяся олимпийская чемпионка всех времен! — утверждали авторы оперативно изданной книги «Олимпия в Инсбруке». — У всех на устах имя этой советской спортсменки. Во всех четырех состязаниях по скоростному бегу преподавательница из Челябинска победила с явным преимуществом». «Уральская молния», «золотое дитя», «русское чудо» — журналисты в те дни не сдерживали себя в выборе эпитетов. Но кто скажет, что они преувеличивали?..

Четвертого февраля 1964 года Лидия Скобликова направила письмо Первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. «Здесь, в Инсбруке, — писала она, — на пресс-конференции, американский журналист спросил: являюсь ли я членом Коммунистической партии? Очень жаль, что я не могла ответить «да», но сказала так: я комсомолка, а самая моя заветная мечта — стать членом партии Ленина... Если это возможно, дорогой Никита Сергеевич, прошу считать это письмо моим заявлением о приеме в ряды Коммунистической партии Советского Союза».

«Мне приятно было прочитать Ваше письмо, в котором Вы "рассказываете о своих выступлениях на Олимпиаде, — отвечал ей спустя два дня Н. С. Хрущев. — Ваши четыре золотые медали — это действительно крупная победа, какой еще не знала история олимпийских игр. Этими успехами Вы прославили нашу молодежь, нашу страну... Центральный Комитет КПСС рассмотрел Вашу просьбу и принял Вас в члены КПСС. Сердечно поздравляю Вас с этим знаменательным событием в Вашей жизни. Будьте достойны высокого звания члена ленинской партии коммунистов».

...Едва ли даже самый дотошный архивариус отыщет такую газету или журнал, где не был бы помещен в 1964 году портрет Лидии Скобликовой. Она была известна прежде лишь болельщикам, теперь же ее узнала т и . [рана. Кто-то из журналистов предположил тогда: если б проводился у нас (по примеру западных стран) конкурс на популярность, Скобликовой было бы гарантировано второе место. Второе — после Юрия Гагарина.

И они — Скобликова и Гагарин — встретились вскоре в Звездном городке. Под грохот аплодисментов поднималась Лидия на сцену, где уже ждал ее Гагарин. Обнял, расцеловал. Долго о чем-то расспрашивал. «Как вы думаете, о чем они говорят?» — спросили у космонавта А. А. Леонова. «Не представляю, — ответил он. — Но им есть, о чем поговорить. Юра знает цену мужества».

Мужество — это слово, казалось бы, противоестественное в разговоре о женщине, предельно точно отвечало сути характера Лидии Скобликовой. «Лида, научите меня мужеству!» — напишет ей Иосиф Кобзон, и в тех словах не будет ни капли преувеличения или юмора. Это сказано всерьез. Ученые спорят: хорошо ли то, что женщины все чаще подают мужчинам примеры трудолюбия? Нет ли в том грозных примет упадка мужественности и регресса женственности?.. Оставим им эти впрочем, небезынтересные — споры. Отметим лишь, что на Олимпиаде в Инсбруке, по общему признанию, мужчины равнялись по Скобликовой.

«Редко встретишь таких трудолюбивых людей, — говорил тогда в интервью Борис Майоров. — У нас из хоккеистов с ней может сравниться по трудолюбию, пожалуй, только Николай Пучков. Но у Лиды, по-моему, трудолюбие особое — по-настоящему творческое».

Слова Майорова более глубоки, чем может показаться на первый взгляд. Спорт явил нам немало выдающихся мастеров, добившихся славных побед вопреки, быть может, самой природе, что отвела им изначально лишь скромные задатки и таланты. Неимоверными, изнурительными усилиями отвоевывали они метр за метром на пути к Олимпу. Творчество? Увы, истинное творчество — удел людей одаренных. И все же заметим, что в банальной (но справедливой)

спортивной формуле успеха — «трудолюбие плюс талант» — на первом месте стоит именно трудолюбие.

Тут резонно возражение: да разве не была Скобликова наделена редчайшим талантом? Конечно же была! И именно потому добилась она не одной, выстраданной и сверхвероятной победы, а полдюжины побед. Столь щедро бывает вознаграждено лишь то самое творческое трудолюбие. Но жизнь шла, жизнь летела, жизнь заставляла задуматься: а чего ты стоишь вне спорта, за бровкой ледовой дорожки? Что умеешь? Отыщешь ли второе призвание? Выкажешь ли новый талант?..

Скобликова думала об этом — и продолжала выступать. И побеждала. «Конца достижениям этой сверх-чемпионки не видно, — передавал корреспондент «Франс пресс». — Скобликова открывает, вероятно, новую длительную эру в скоростном беге на коньках для женщин. Длительную потому, что Скобликова еще молода и у нее все впереди. Появление такой одаренной спортсменки окажет благотворное влияние на развитие этого вида спорта не только в СССР, где он и без того получил огромное распространение, но и в других странах».

Да, она была молода. Двадцать пять — разве не молодость? Да, ей было суждено еще в течение пяти лет оставаться суперзвездой мирового конькобежного спорта. Но — заметьте! — именно в победном, 1964 году прозвучали в одном из интервью Скобликовой слова, что были вряд ли кем-нибудь услышаны в громе литавр: «Надо думать о будущем». О будущих победах — так решили все. Но Лидия говорила об ином...

И когда пришло время расставания со спортом, когда встали на прикол корабрики старых конькобежных ботинок, бессменно служивших ей с 1959 года, Лидия Павловна Скобликова (Полозкова) вошла в новое для себя дело — неожиданно для многих — уверенно и без раскачки. Заведующая кафедрой физвоспитания Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС — в этой роли увидели мы ее на рубеже семидесятых.

«Доказать людям, что назначен ты не только за былые заслуги, что способен работать без скидок, по-настоящему, — вот чертовски трудная задача, вряд ли сравнимая с самыми трудными из тех задач, что приходилось решать нам в спорте!» Под строками этой фразы, принадлежащей Вячеславу Старшинову, полагаю, без колебаний подписалась бы и Скобликова. Так же, как Старшинов, убежден, подписался бы под ее словами: «Дело не в недоброжелателях. Люди могут относиться к тебе необычайно благожелательно, но — кто знает? — не таится ли в глубине чьей-то души сомнение: а что, мол, за ее плечами, кроме этих шести золотых олимпийских наград? И разубедить можно только делом».

А дело ей досталось архисложное. Даже если не брать в расчет непривычность и ответственность руководящей работы (хоть и это существенно) — достаточно вдуматься: кого же, собственно говоря, должна была «физически воспитывать» заведующая кафедрой физвоспитания? Ведь Высшая школа профсоюзного движения не чета подавляющему большинству вузов, где студентам по восемнадцать-двадцать... Воспитанниками Скобликовой становились люди хоть и не преклонных, но и далеко не юных лет. «Я сюда приехал учиться профсоюзной работе, а не кроссам, не подтягиванию на перекладине!» — возражения подобного рода преподаватели кафедры выслушивали чуть ли не ежедневно. А один из слушателей, как рассказывают, подвел под нежелание заниматься физкультурой забавнейшую базу: «Этак ведь я похудею, а живот придает мне солидность». Впрочем, и среди слушателей нашлись энтузиасты. На них-то и сделала ставку Скобликова. И в конце концов (экзамен приходилось всем сдавать и на этой кафедре!) добила своего — былые оппоненты согласились с тем, что бодрость и подтянутость отнюдь не противоречат солидности вида.

Казалось, жизнь Лидии Павловны Скобликовой устоялась. Но в 1979 году она — по собственной воле и по трезвому размышлению — принимает также неожиданное для многих решение: поступает в Академию общественных наук при ЦК КПСС. «Чего ей не хватало? — удивлялись скептики. — Знаний?» «Умения обобщать знания», — отвечала Скобликова тогда.

Этот шаг, однако, требовал мужества. Кто из нас, положа руку на сердце, искал в жизни добра от добра? Кто уходил от кристальной ясности освоенного дела в туман дела неведомого? Кто, наконец, менял чин учителя на звание ученика? Немногие. Но в том-то и разгадка Скобликовой, что она — из немногих. Во всем.

«На протяжении современной истории спорта, — продолжим цитату из корреспонденции «Франс пресс», — время от времени уже появлялись свои феномены. Скобликова, видимо, войдет в летопись конькобежного спорта как непревзойденная чемпионка». Слова эти оказались пророческими. Но не мог предположить французский журналист, что всемирной и пожизненной славы Скобликовой будет мало, что станет она утверждать себя в постижении истории, философии, психологии... И утвердит.

...А кстати, как использовали городские власти Инсбрука тот самый корпус Олимпийской деревни, где жила с подругами Скобликова? Что там теперь? Конторы? Гостиница? Жилой дом? Любопытно: улыбается ли Фортуна тем, кто поселился в квартире № 21? Впрочем, поостережемся суеверий! Ведь нам известен секрет благосклонности Фортуны.

Лев Леонов УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ

Эти два сообщения разделяет неделя.

31 января 1960 года. Эстерсунд (Швеция). Чемпионкой мира по конькам стала свердловчанка Валентина Стенина.

7 февраля 1960 года. Давос (Швейцария). Чемпионом мира по конькам стал свердловчанин Борис Стенин.

...Они познакомились на катке. Давно, еще в детские годы. Постепенно дружба эта переросла в крепкую, настоящую любовь. Они поженились. А дальше все шло по Бальзаку: «Супружество, — писал великий француз, — состоит не только из удовольствий, столь же преходящих в семейной жизни, как и в жизни вообще, — оно предполагает общие склонности, взаимное страстное влечение,

сходство характеров, — вот что превращает это необходимое обществу установление в извечную проблему». Все это, хотя и написано было веком раньше, будто при них — Валентину и Бориса. Все-все — и про склонности, и про влечение, и про сходство характеров. Можно сюда добавить еще общее увлечение — коньки. Но толстяк Оноре в свое время не ведал об «остром железе».

Они были неразлучны, если позволяла ситуация — мужские и женские сборные не всегда тренировались вместе. Впрочем, до главных команд страны еще было далеко. Пока же они жили друг другом, подмечали недостатки, вместе устраняли их, радовались успехам. Вдвоем они составили, как говорил Борис, семейный перспективный план тренировок и сразу после работы, наскоро пообедав, мчались или на каток, если это было зимой, или летом — на лодочную станцию, а то и в лес гонять кроссы. Семейный план был утвержден тренером Иваном Васильевичем Зыковым, и Стенины точно следовали ему.

Долго и непросто складывался их путь к главным победам.

Валентина встала на коньки в пятьдесят первом, в первую же зиму выполнила третий разряд. А потом дело застопорилось. Впрочем, ее вины в этом не было: как только юная конькобежка настраивалась на взятие нового рубежа — нормативы менялись, разрядное время уменьшалось. Так и проходила она несколько лет в третьеразрядницах. Только спустя четыре года после первого барьера удалось ей перешагнуть следующий — норматив второго разряда. Да и легко ли было девчонке тренироваться с десяти часов вечера (в это время предоставляли лед начинающим), а рано утром вставать ни свет ни заря, чтобы ехать на занятия в свой уральский политехникум, а потом, после окончания учебы, на знаменитый Верх-Исетский металлургический завод.

Правда, теперь она могла больше времени уделять тренировкам: не надо было по ночам готовиться к многочисленным семинарам и лабораторным работам, к зачетам и экзаменам. Результаты не могли не возрасти: в 1956-м она стала перворазрядницей, еще через год — мастером спорта.

Впрочем, фамилия Стениных к этому моменту уже бы-|| и пп-1 та. Прежде всего благодаря Борису. Нет, он еще ц| 1И11ИМ.11 высоких мест на престижных пьедесталах по-41 **1.1, по и** протоколах крупных турниров фамилия сверд-лоичанима значилась изредка в первой десятке, в основном на спринтерских дистанциях.

Дебют Стениных на чемпионатах страны проходит в родном Свердловске. Вначале с сильнейшими в мире конькобежками пробует силы Валентина (1957 год), а год спустя — Борис.

Зимой 1958/59 года супруги Стенины не раз успешно выступали в различных соревнованиях в нашей стране и на зарубежных катках. Трижды представители супружеской четы поднимались на верхнюю ступеньку пьедестала почета в ходе традиционного матча конькобежцев РСФСР и Ш пеции, который проходил в феврале 1958 года в Горьком. Борис тогда выиграл забеги на 5000 метров, а Валентина была вне конкуренции на 1000 и 3000 метров. Позже глава семьи отличился на традиционных соревнованиях на приз С. М. Кирова. Наконец, на празднике Севера им не было равных по сумме многоборья, а Борис к тому же показал лучшее время в мире в сезоне 1958 года на дистанции 1500 метров, преодолев эту дистанцию за 2.15,5. Интересно, что на чемпионате мира того же года в Хельсинки его победитель Олег Гончаренко показал на полуторке всего 2.17.7. Потом пришел черед отличиться Валентине. Случилось это на матче скороходов... Швеция — Финляндия. Да-да, не удивляйтесь: советские спортсмены были приглашены тогда для участия в этой встрече и Стенина победила всех соперниц.

Впрочем, если судить по большому счету, то главный международный дебют обоих состоялся в 1959 году. В первый день февраля на льду шведского города Гетеборга Борис был удостоен награды чемпионата Европы — стал бронзовым призером на дистанции 1500 метров. Это была первая большая победа в семье Стениных. А следующая пришла через месяц...

В первые дни марта их родной Свердловск встречал участниц семнадцатого по счету чемпионата мира по конькам среди женщин.

Своим выступлением на пятисотке Валентина осталась недовольна — прошла дистанцию неудачно, неожиданно для себя бежала суетливо, мелкими шагами. Короче, ей удалось занять лишь десятое место. Расстроенная, она готова была разрыдаться. Борис, как мог, успокаивал:

— Да что ты, нет повода для грусти. Ты же стайер. Давай-ка лучше прикинем график на полуторку.

И они углубились в расчеты. Как бывало не раз.

Известная поговорка гласит: дома и стены помогают. А здесь был дом. Но, что важнее, был рядом самый дорогой человек и самый верный и преданный друг. Конечно, 49,1 на 500 метров — совсем не ее время. Но впереди оставались еще три старта.

На второй, полуторакилометровой дистанции она начала бег резвее других, уже стартовавших участниц. В том числе быстрее, чем знаменитая финка Ээви Хуттунен. Да и финиш свердловчанки был весьма внушительным. В итоге — 2.32,7. Долгое время эти секунды оставались лучшими. Только в двух последний забегах Инга Артамонова и Тамара Рылова смогли показать более быстрое время. К тому же Артамонова установила мировое достижение для равнинных катков.

После первого дня сумма Стениной из-за неудачи на 500 метров была только четвертой. Но она не теряла надежды. А тут еще напутствовала землячку экс-чемпионка мира Римма Жукова: «Ты, уж, Валюта, постарайся, не посрами нашу уральскую честь».

И она старалась. Понятно, свердловчане поддерживали Валю. На 1000 метров ориентиром сразу стало время лидера соревнований Тамары Рыловой — 1.41,0. Пытались превзойти этот результат и Артамонова, и Хельга Хаазе из ГДР, и финка Хуттунен. Нет, ничего не получается. Наконец стартует Стенина. Она проходит дистанцию почти по графику лидера, но в итоге все же проигрывает Рыловой 0,4 секунды. Зато по сумме трех дистанций она уже третья. Теперь все должно решиться на 3000 метров.

Она опять была в «ударе», хотя Валентине на сей раз пришлось стартовать первой из претенденток на награды. Причем сложность заключалась в том, что результат Стениной должен был стать ориентиром для остальных спортсменок. И она устанавливает этот ориентир — 5.33,2. Его смогли превзойти только Хуттунен и Лидия Скобликова. Но челябинской спортсменке не хватило совсем немного, чтобы обойти Стенину. В итоге места на пьедестале распределились так: 1. Рылова — 204,916; 2. Стенина —

206,233; 3. Скобликова — 206,283.

Но это была прелюдия, предтеча тех событий, которые произошли меньше, чем через год.

1960-й, олимпийский. В Долине Индианок уже ждали олимпийцев, а в Алма-Ате проходил последний отбор в сборные команды. Впрочем, Стениным места в Америку были уже забронированы. Но и Валентине, и Борису еще предстояло выступить на чемпионатах мира. А до этого — на всесоюзных первенствах. Борис выиграл турнир в Алма-Ате, Валентина, выступая на высокогорном Медео, в призы не попала. Но их тем не менее включили в состав главной команды страны.

Их дороги разошлись. Валентина улетела в Швецию, Борис — в Швейцарию. Встретиться они должны были в Скво-Вэлли. Но в тот момент, расставаясь, они еще не знали, что приедут в США чемпионами мира, что привезут с собой лавровые венки первых скороходов планеты.

...Озеро Стуршен — одно из самых больших и красивейших в Швеции. А город Эстерсунд, удобно расположившийся на его берегу, едва ли не самое любимое место для любителей спорта скандинавской страны. Впрочем, только ли Швеции: сюда с удовольствием приезжают скороходы и лыжники из многих других государств. Вот и тогда, в конце января 1960-го, собрались в Эстерсунде представительницы 11 держав четырех континентов — 28 спортсменок должны были разыграть звание быстрейшей на очередном чемпионате мира.

Субботним утром 30 января стояла ясная, морозная погода. Столбик термометра опустился до отметки 20 градусов ниже нуля. Зрители заполнили каток «Фюрвалля» задолго до начала стартов. Собственно, так было и все дни, предшествовавшие чемпионату, когда спортсменки опробовали лед катка. Но для некоторых из участниц турнира он был уже хорошо знаком. Для финки Хуттунен, к примеру. Дело в том, что шесть лет назад здесь же, в Эстер-сунде, уже проводилось женское первенство мира и финская конькобежка выиграла тогда марафонскую дистанцию 5000 метров, входившую прежде в программу женского многоборья.

Первой отправляется в нелегкий двухдневный поход за наградами чемпионка мира Тамара Рылова. Так повелел жребий. Ее соперница — китаянка Лю Фэнжун. И ведь надо же — год назад в Свердловске они также стартовали в одной паре на первой дистанции. Время Рыловой — 49,7. В четвертом забеге Лидия Скобликова улучшает этот результат на 0,2 секунды. Но в тот момент еще никто не знает, что это время окажется лучшим. Ведь еще не стартовало больше половины участниц чемпионата.

У Стениной опять срыв на пятисотке — только 50,1. И хотя она получит малую бронзовую медаль, останется недовольна началом борьбы. Неужели повторится прошлогодняя ситуация?

Нет, полуторакилометровая дистанция пройдена на одном дыхании — 2.37,6. На сей раз Скобликова занимает второе место с минимальным отставанием в 0,2 секунды. Зато по сумме двух дистанций она впереди — 102,067, за ней Рылова — 102,500 и Стенина — 102,633.

В воскресенье снова засеребрился под лучами январского солнца лед «Фюрвалля». Но, словно отступив перед упорством спортсменок, дувший накануне порывистый ветер стих да и мороз полегчал: всего минус 10.

На каток потянулись вереницы... лыжников. Жители и гости Эстерсунда предпочитали этот способ передвижения всем остальным. Среди зрителей много молодежи. Местные газеты отмечают именно этот факт — ведь молодое поколение должно видеть и чувствовать ту

дружественную атмосферу, которая царит на международных соревнованиях. В годы холодной войны этот аспект был очень важен. Впрочем, мы отвлеклись.

Дистанция 1000 метров. Ориентир устанавливает польская конькобежка Хелена Пилейчик — 1.40,7. Стартует Стенина — время Пилейчик остается непревзойденным. Пытается улучшить результат рекордсменка мира на этой дистанции Рылова — и вновь неудача. Только Кларе Гусевой, которая накануне упала на 500 метров, оказываются подвластны секунды Пилейчик - 011.1 финиширует с лучшим временем дня — 1.40,2.

Но еще не стартовала лидер соревнований. Скобликову жребий поставил в последнюю пару. Она блестяще проходит первый круг, входит в третий поворот и... От падений в конькобежном спорте никто не застрахован. История знает массу случаев, когда в решающий момент по разным причинам спортсмены оказывались на льду. Нечто подобное происходит и на этот раз. Но нет, от борьбы Скобликова не отказывается — она заканчивает дистанцию: 1.49,1. Да, о большой золотой медали речь уже не идет...

После трех дистанций впереди Рылова, следом Стенина. Но Скобликова не теряет надежды на призовое место. Для этого ей нужно превзойти самую себя. Возможно ли это?

Финиширует одна пара на последней дистанции 3000 метров, вторая. Чудеса стойкости и спортивного долголетия демонстрирует ветеран, 38-летняя Хуттунен. Стартуя в паре с Рыловой, она не только обыгрывает лидера в забеге, но и показывает высокий результат — 5.34,8. Правда, по сумме впереди (и значительно) Рылова 209,633.

Теперь на льду Скобликова. С каждым кругом увеличивается разрыв между секундами чемпионки страны на этой дистанции и временем финской спортсменки. 5.23,9! Нет, это не мировой рекорд. Но результат очень высок. Да и сумма Скобликовой позволяет ей надеяться на место на пьедестале: 210,600.

Последнее слово за Стениной. От того, как она пройдет завершающие три километра, зависит судьба всех. Но ее в первую очередь. Чтобы стать чемпионкой мира, Валентине нужно финишировать на 2,7 секунды быстрее Рыловой. Как все-таки быстро бежит стрелка секундомера! Как угнаться за ней! График составлен по результату Скобликовой. Нет, не удастся Валентине приблизиться к лучшему времени. Но и 5.31,8 — гораздо выше, чем у Рыловой. Все.

Где же сейчас Борис? Позвонить, сообщить, порадоваться вместе! Но он узнает, непременно узнает, как все происходило.

...В четверг, 4 февраля, в давосском отеле «Европа» телефонный звонок из Москвы всколыхнул всю службу: Москва вызывает господина Стенина. Порттье заметался по номерам. «Я у телефона». — «Боренька, все хорошо, все в порядке, завтра улетаем в Скво-Вэлли. Успеха тебе!»

Утро накануне чемпионата мира по конькам среди мужчин в швейцарском курорте Давосе выдалось пасмурным. Вершины гор дымились затянувшими горизонт облаками. Температура плюс два.

Тренерский совет назвал пятерых участников соревнований: Олег Гончаренко, Евгений Гришин, Виктор Косичкин, Валерий Котов и он, Борис Стенин.

Все лучшие силы мировых коньков собрались не только выяснить сильнейшего скорохода планеты. Этот чемпионат еще и главная проверка перед Белой олимпиадой. И пять переплетенных олимпийских колец можно сегодня встретить повсюду, хотя от швейцарского Давоса до американского Скво-Вэлли многие десятки тысяч километров.

Местные газеты полны прогнозов. В числе других претендентов на лавровый венок впервые фигурирует и фамилия Стенина.

К началу стартов солнце прорвало пелену облаков и затопило ярким светом округу. Красная стрелка секундомера «Лонжин» готова

отсчитывать время будущего чемпиона и всех, кто намерен посягнуть на этот титул.

Борис стартует в третьей паре. 41,7 — такие секунды фиксирует беспристрастный хронометр. Этот результат смог превзойти только лучший спринтер мира Гришин — 40,5 еще и рекорд местного катка.

Пятерку ему предстояло бежать в первой паре. Что поделать — жребий. Но Стенин довольно легко захватил лидерство в споре с финским конькобежцем и финишировал значительно раньше его — 8.17,4. Теперь оставалось ждать...

Этот результат окажется лишь восьмым. Его превзойдут и знаменитый норвежец Кнут Юханнесен, и его соотечественник Торстен Сейерстен, и опытный француз Андре Куприянофф, и Косичкин, и Котов. Но по сумме двух дистанций Стенин окажется первым — 91,440.

7 февраля, 11.30, температура на солнце плюс 5—10, в тени 2—3 градуса выше нуля. Второй день чемпионата мира. Дистанция 1500 метров. Его дистанция! И Борис доказывает свое превосходство над 43 конкурентами из 17 стран — 2.10,7. У занявшего второе место Гришина гораздо хуже — 2.13,4.

После трех дистанций с 135,007 очка он значительно впереди остальных. И едва ли уязвим. Впрочем...

И опять он открывает забеги на 10 000 метров. И опять, как на дистанции вдвое меньше, ему не стоять после окончания соревнования на пьедестале почета — в стайерах он никогда не числился. Но его 17.09,6 в достаточной степени обеспечиваю! ему первенство. Так и произошло.

Нет, ни в одном архиве вы не найдете фотографий Стенина на пьедестале почета с лавровым венком чемпиона мира. Их просто быть не могло: церемония награждения победителей была сорвана — швейцарские власти запретили подъем флагов стран, спортсмены которых заняли три первых места в состязаниях. В знак протеста Международный союз конькобежцев отменил награждение

победителей на стадионе. Золотая медаль и лавровый венок были вручены Борису Стенину в отеле «Европа». А потом были поздравления и многочисленные интервью.

«Прежде всего мне хотелось бы передать привет землякам-свердловчанам и поблагодарить всех, кто желал нам, советским конькобежцам, успеха на этих состязаниях. После европейского чемпионата в Осло, где победил Кнут Юханнесен, а мне довелось занять второе место, норвежец сказал, что нас, советских конькобежцев, можно сравнить с мимозой, красивой и изнеженной. Думаю, это не самое удачное сравнение. Уверен, его автор, спустившись сейчас на шесть ступенек ниже, видит нас теперь по-иному.

Я горжусь, что вырос в среде мужественных и сильных советских спортсменов, горжусь, что, став чемпионом мира, сумел в какой-то мере продолжить и поддержать славную традицию советского конькобежного спорта.

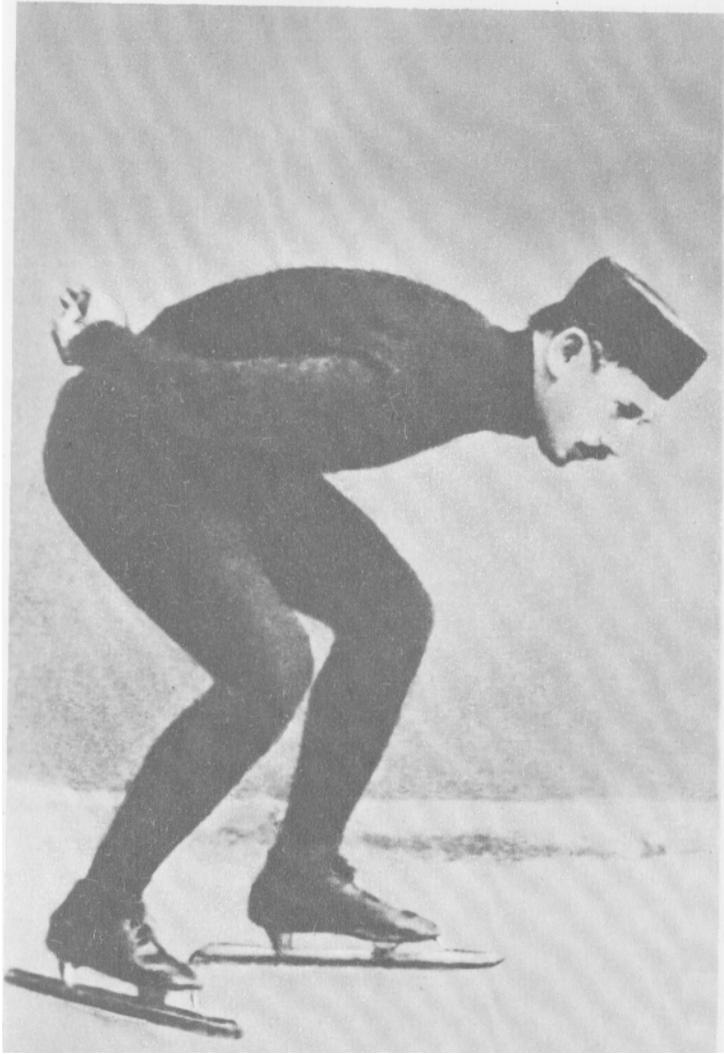
Мне хочется сказать добрые слова и о своих тренерах, людях, которые помогли мне прийти к этой победе. Первый из них — свердловский тренер Владимир Говорухин. Кроме него Иван Зыков и Евгений Сопов. Моя победа — их победа!

И еще два слова, которые я не смог сказать по телефону своей жене перед состязаниями: «Спасибо за помощь! И до встречи в Скво-Вэлли».

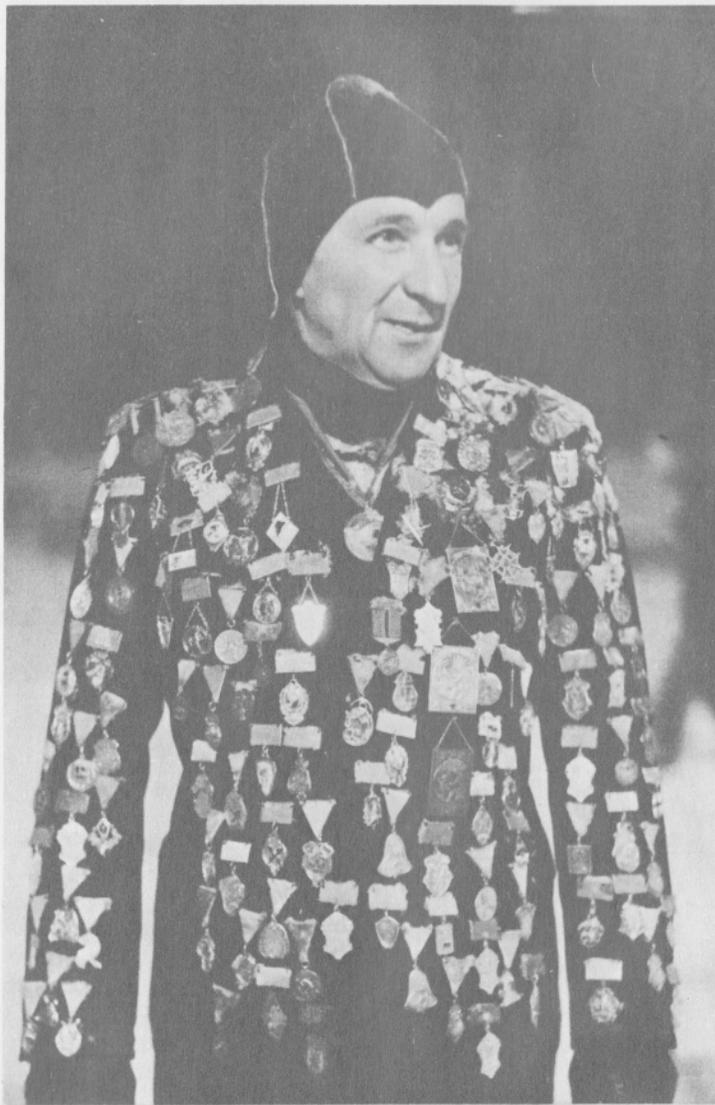
Нет, они не станут олимпийскими чемпионами — ни Валентина, ни Борис. Но и ее «серебро» на 3000 метров в Скво-Вэлли, а спустя четыре года и в Инсбруке, и его американская «бронза» на 1500 метров будут им в награду за стойкость и мужество, за преданность конькам.

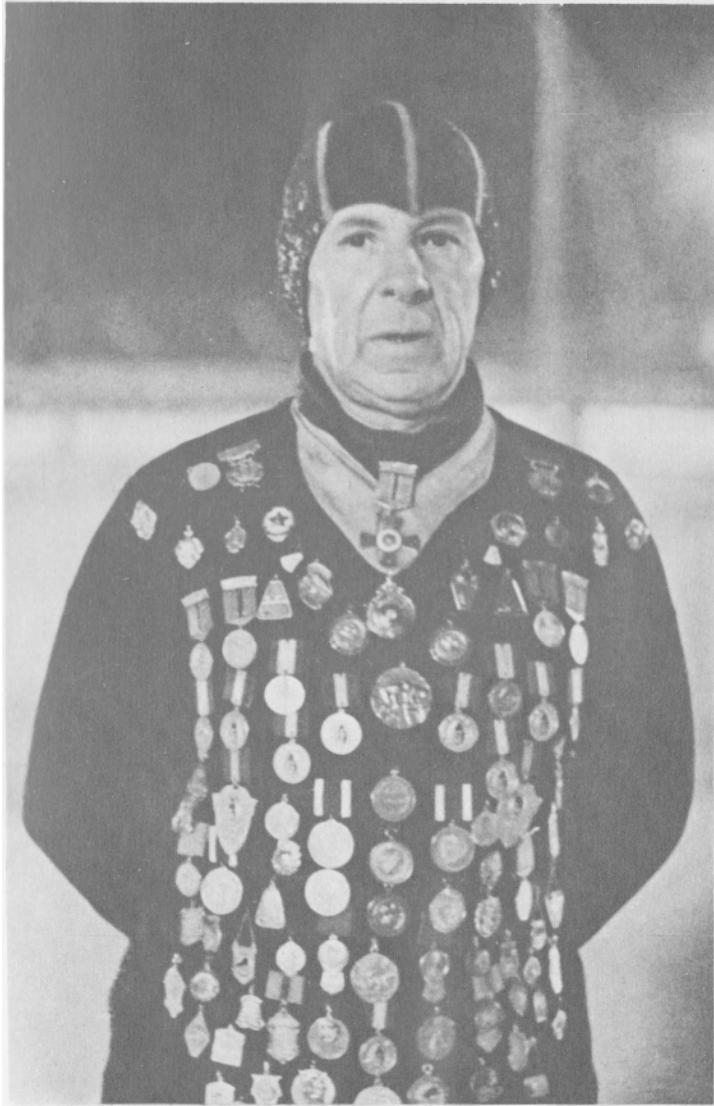
Валентина еще дважды будет увенчана лавровым венком первой конькобежки мира — в 1961-м и в 1966-м, будут у них медали еще многих турниров, но самыми

А. Паншин

П. Ипполитов

И. Анканов

К. Кудряцев

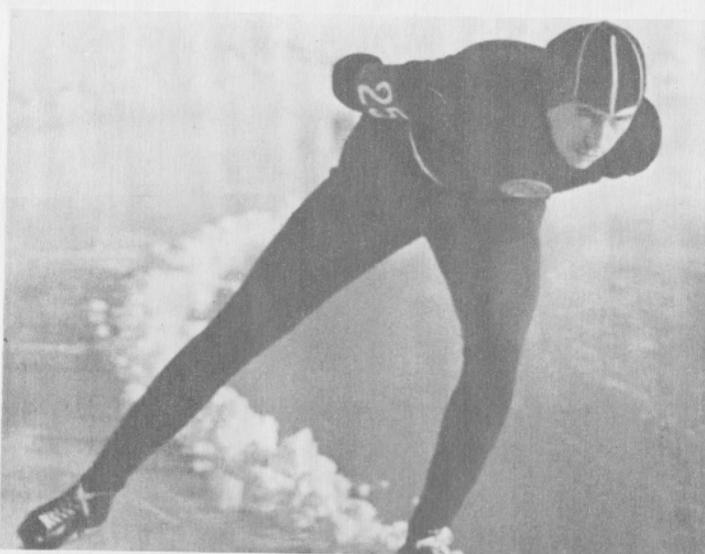
А. Капчинский Ю. Михайлов

І Гришин

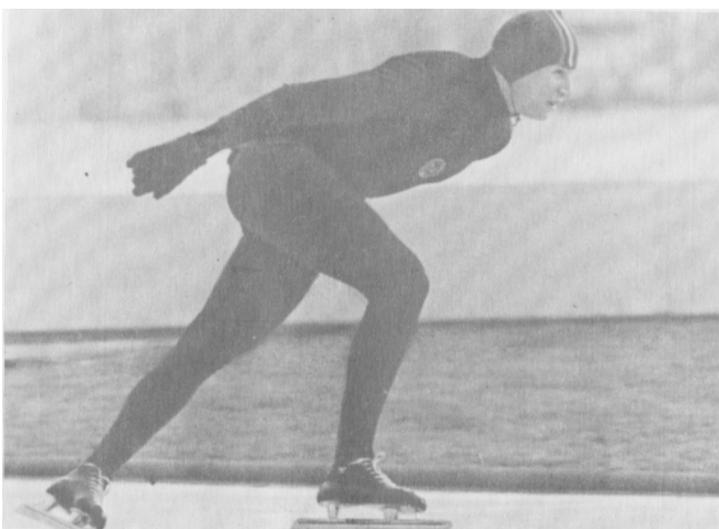
О. Гончаренко Б. Шилков

А. Антсон

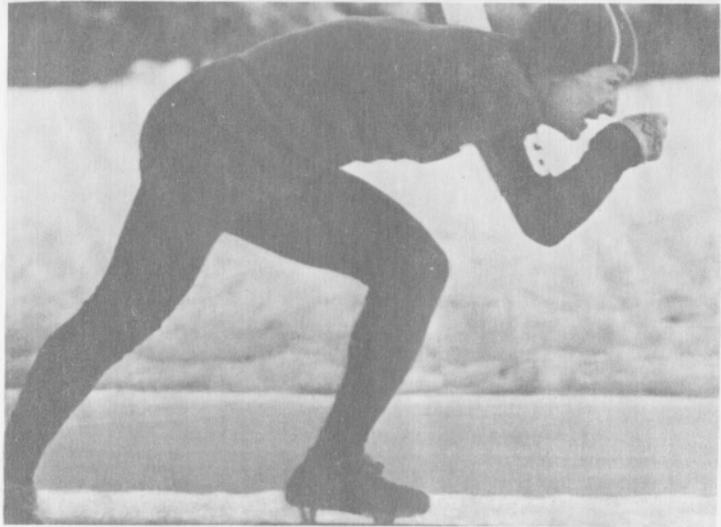
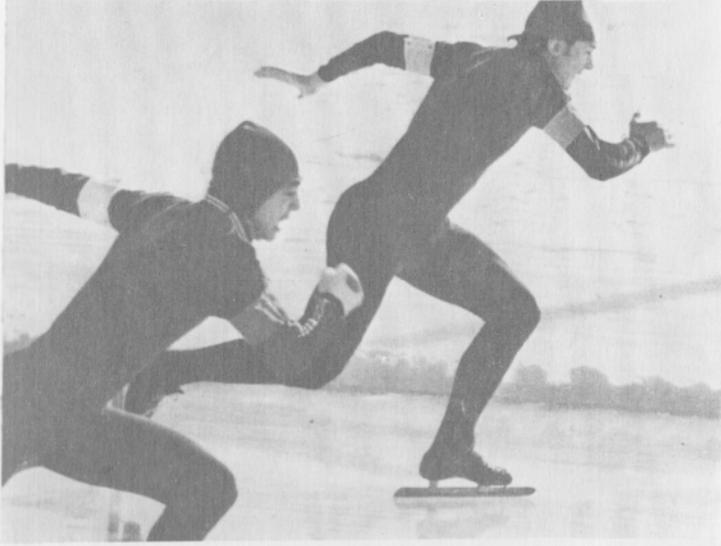

В. Косичкин Э. Матусевич

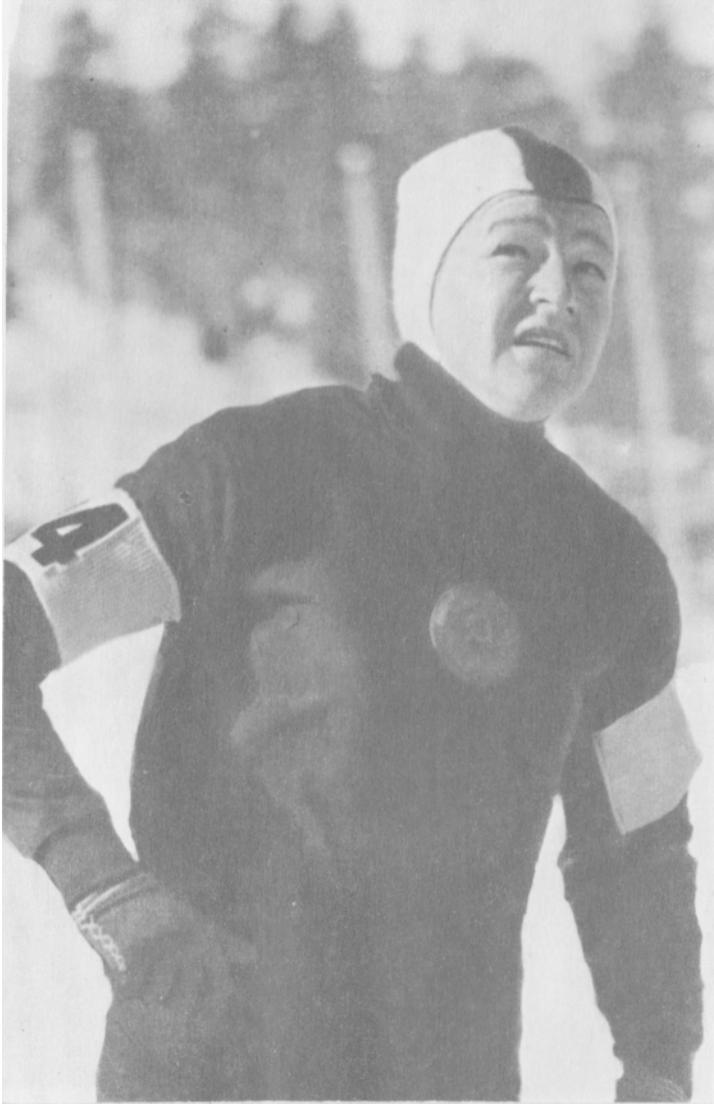
В. Муратов-(справа) Б. Стенин

m

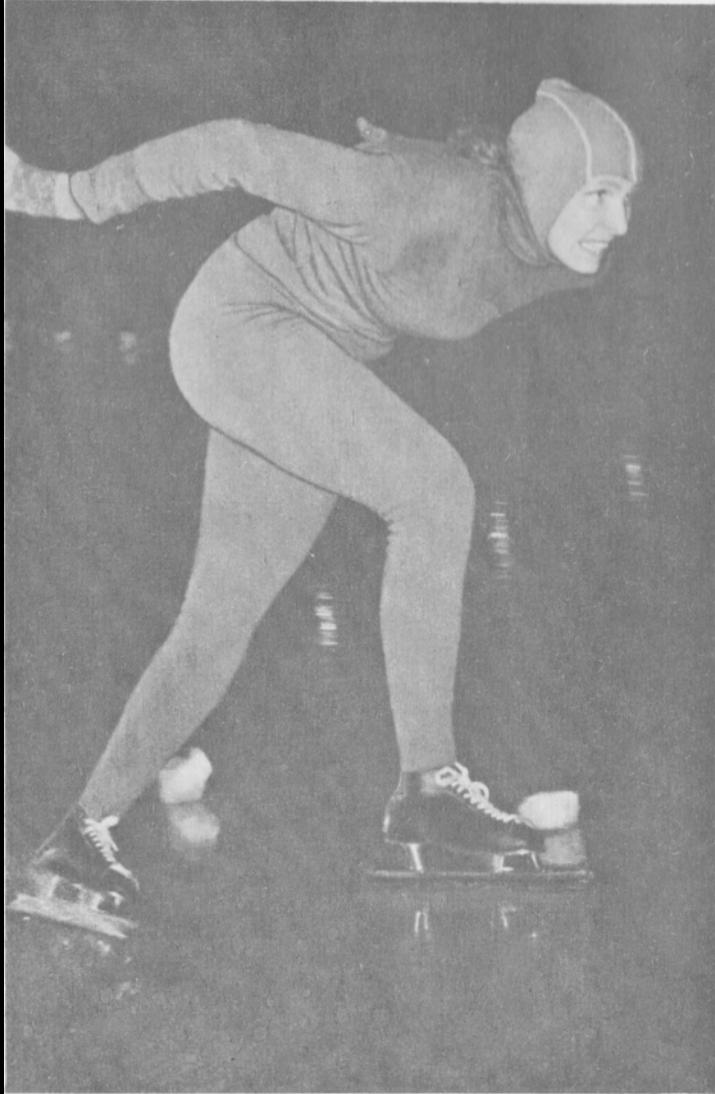

Р. Жукова, Л. Селихова, М. Исакова, З. Холщевникова, В. Кузнецова

И. Артамонова

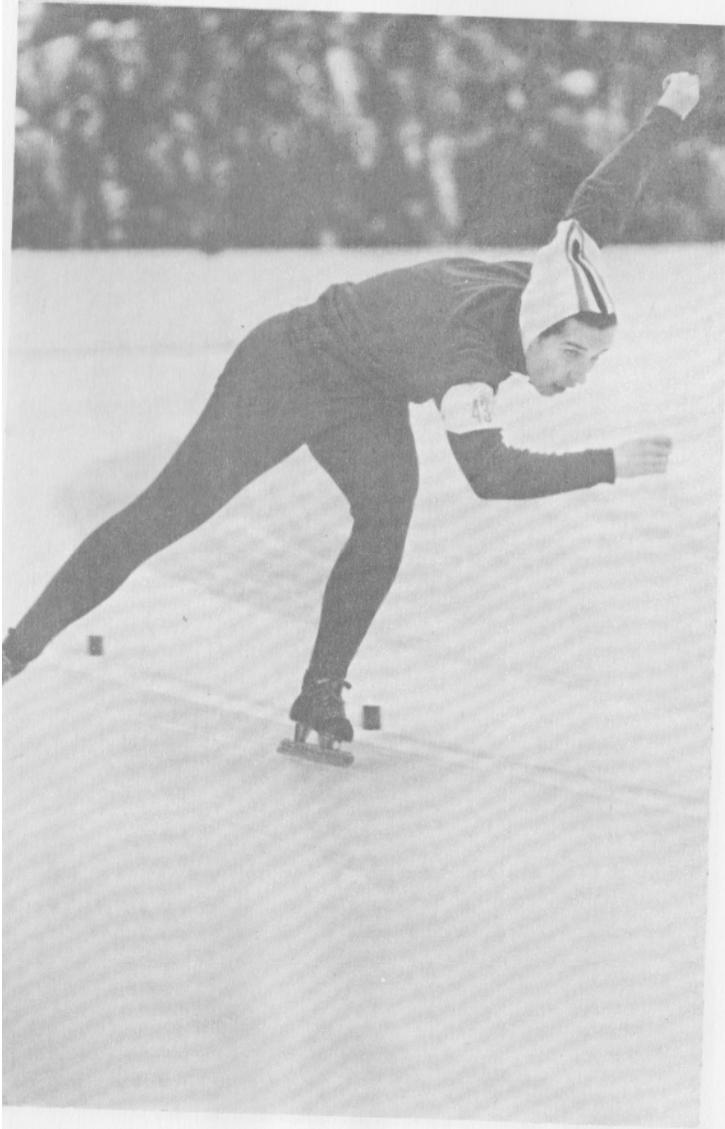
В. Стенина

К. Гусева

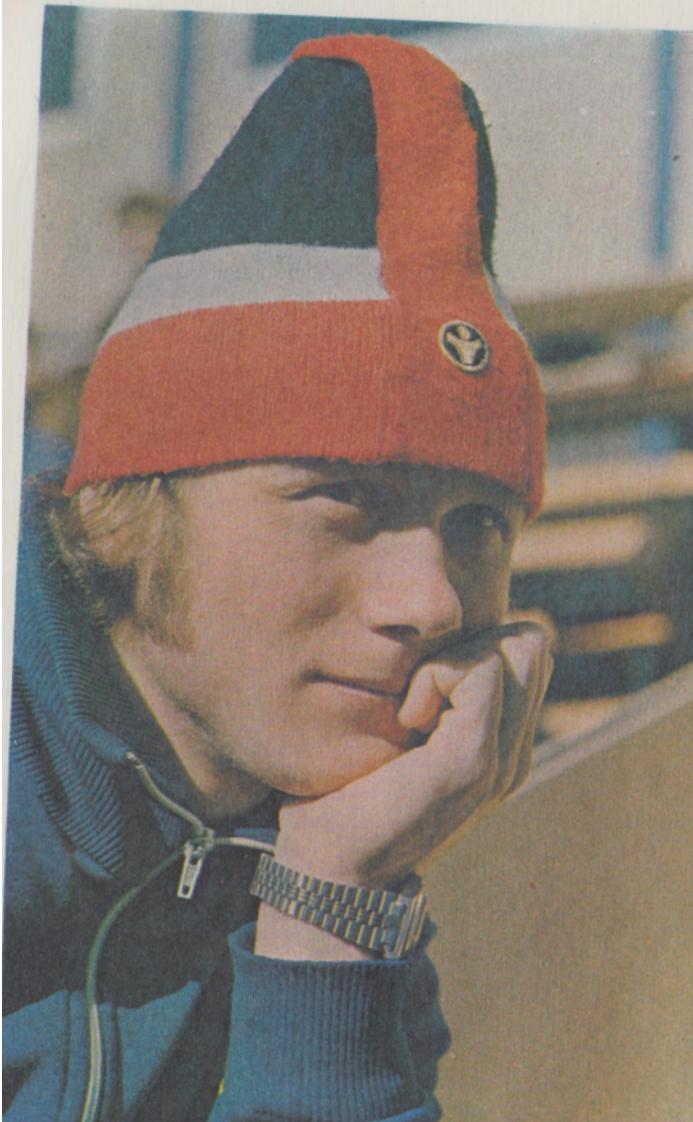
Т. Аверина

**Л. Титова (слева) берет у Н. Петрусевой
интервью**

В. Куликов

С. Хлебников, А. Меденников, Е. Куликов О. Божьев

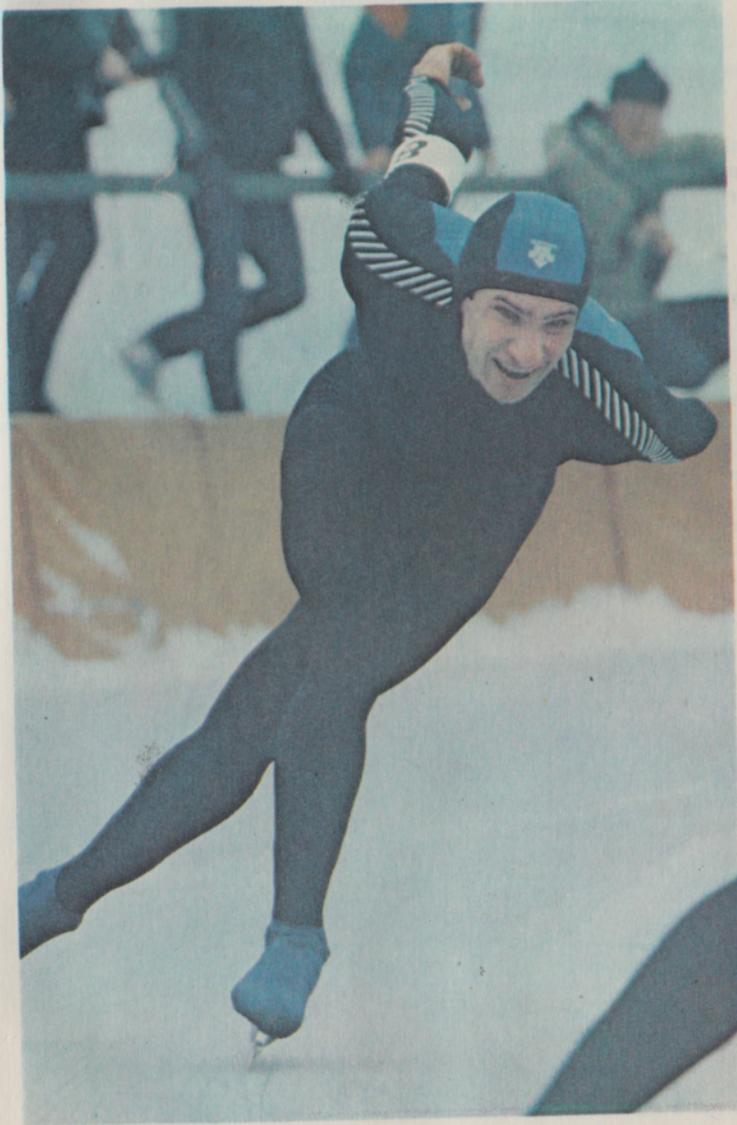

В. Шашерин

Д. Бочкарев

П. Перов

памятными и дорогими останутся в семье Стениных две высшие награды первых конькобежцев планеты в том самом олимпийском шестидесятом.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Произошло все неожиданно. На финишную прямую первым вышел молодой скороход из Калинина Юрий Михайлов, а

опытный москвич Евгений Гришин безнадежно проигрывал...

Шли отборочные соревнования к зимним Олимпийским играм 1956 года. Когда очередная пара Михайлов — Гришин вышла на старт забега на 1500 метров, все были уверены в победе мирового рекордсмена из Москвы. Только гадали: сумеет ли он перекрыть время Шилкова?

Бег повел Михайлов, но, казалось, это был всего лишь дерзкий вызов новичка. Пройдены 300 метров, круг, а Михайлов по-прежнему впереди. Он опережает график Шилкова. Гришин, несмотря на все попытки, не может догнать соперника.

Михайлов выигрывает забег и показывает лучший результат.

По решению тренерского совета его включают в олимпийскую команду под номером один. Но и это не убеждает отдельных болельщиков, да и специалистов: победу Михайлова они склонны были считать случайной.

Но буквально через несколько дней скептики были посрамлены. Из Давоса пришла информация, что Михайлов пробежал полуторку с фантастическим результатом: 2.09,1. Новый мировой рекорд! Он на 0,7 секунды перекрыл прежнее достижение Гришина. За установление мирового рекорда Михайлов был награжден традиционным призом — золотым эдельвейсом с бриллиантом.

Он стал четвертым скороходом в мире и первым из советских спортсменов в истории коньков, получившим такую награду...

В 1949 году Юра стал чемпионом Калининской области по боксу, а затем отличился даже на юношеском первенстве страны, завоевав «бронзу». Все говорили о том, что Михайлов должен стать в будущем неплохим мастером ринга. Но уехал из Калинина тренер по боксу Борис Мор и словно увез с собой Юрино увлечение. По словам Михайлова, бокс ему нравился еще и потому, что тренировки у Мора были разнообразными, включали элементы

атлетики, велосипед, гимнастику, штангу. Новый же тренер заставлял Михайлова проводить все время в боксерском зале.

Тогда Юра решил попробовать свои силы в конькобежном спорте. До этого знакомства с коньками у него кончалось лишь лихими гонками за автомашинами с железным крюком в руках. Пришел на каток. Понравилось. Может быть, потому, что тренировки чем-то напоминали прежние занятия боксеров. Поначалу Михайлову, по его словам, было все равно, каким видом спорта заниматься, — лишь бы мышцам далась нагрузка, благодаря которой наливались они силой. Но позднее он влюбился в конь-

ки, и дня не мог прожить без них. Природная координация помогла Михайлову быстро освоить нелегкую для новичков технику бега на коньках. Вскоре проявилась еще и склонность к бегу на короткие дистанции.

В 1951 году пришлось прервать на время занятия — Юра был призван в армию. Демобилизовавшись, сразу прибежал к своему наставнику Владимиру Честному. Вскоре о Михайлове заговорили как о перспективном скороходе. Наибольших успехов Юра добился на полуторке: стал призером чемпионата России в Горьком в 1954 году, в том же году, благодаря отличному выступлению на 1500 метров, сумел на первенстве страны выполнить норму мастера спорта СССР в многоборье.

В следующем сезоне Михайлов дважды становился призером чемпионата СССР на отдельных дистанциях, стал чемпионом ВЦСПС и был включен кандидатом в сборную СССР. Однако все сходились на том, что новичок на своей любимой дистанции 1500 метров будет держаться в тени именитых Шилкова, Гончаренко и Гришина, победителей в этой дисциплине на чемпионатах мира и Европы.

...В первый день зимних Олимпийских игр-56 в итальянском городке Кортина д'Ампеццо Гришин установил мировой рекорд на 500 метров, Михайлов же упал на повороте. Но впереди была его любимая дистанция.

В одиннадцатом забеге Гришин показывает превосходный результат — 2.08,6. Новый мировой рекорд! В следующей паре Михайлов без единой помарки проводит забег и повторяет достижение своего товарища.

Вечером, при свете прожекторов, два радостных олимпийских чемпиона и рекордсмена мира обнялись и по-мужски обменялись рукопожатиями.

Александр Любимов

ЖЕЛТОЕ НА ГОЛУБОМ —

ЦВЕТА ПОБЕДЫ

Суббота, 4 февраля 1956 года, 16 часов 30 минут. Это — точка отсчета четырнадцатого чемпионата мира по скоростному бегу на коньках среди женщин в шведском городе Кварнсведене. Точка отсчета чемпионата, ставшего победным для москвички Софьи Кондаковой.

25 спортсменок оспаривали титул чемпионки — столько участниц не собирал ни один из предыдущих всемирных форумов «ледовых королев». Звучат фанфары, и на семи белых флагштоках медленно поднимаются государственные флаги стран-участниц. Легкий ветерок, пробившийся сквозь стену сосен, шевелит многоцветные полотнища. В воздухе взрывается ракета, рассыпая дождь белых, зеленых и красных огней. Открывают состязания кореек Чэ Юнг Хэ и Софья Кондакова.

Кондакова — одна из наших лучших спринтеров, рекордсменка

мира на тысячеметровой дистанции, и вряд ли сопернице удастся составить ей конкуренцию. И действительно, без видимых усилий, легко и просто Софья набирает скорость и уходит на финиш пятисотки с тридцатиметровым отрывом. Три тысячи зрителей взрываются аплодисментами, еще не ведая о том, что стали свидетелями рождения новой чемпионки мира. Цифры, замершие

на секундомерах, 47,9 — так и остались в этот день непревзойденными.

И букетик из желтых тюльпанов и голубых фиалок, символизирующих цвета шведского флага, стали первой наградой в этой победной серии.

Пятнадцать минут передышки — и снова старты. На этот раз дистанция втрое длиннее. Пара за парой уходят в путь по ледяной дороге. Трибуны то спокойны, то взбудоражены, то свистят, то чуть не плачут. И ждут. Ждут ее, Кондакову. И вот она на старте. Движения предельно экономны, а скорость — скорость выше, чем у других претенденток на лидерство. 2.38,0 — и снова звучит над голубым льдом величественный гимн, снова на пьедестале замерла молодая стройная женщина в синем тренировочном костюме, прижимая к золотой медали букетик синих и желтых цветов. Желтое на голубом — цвет победы.

Нечером в комнате, украшенной цветами, отдохнуть не очень удалось. Атаковали корреспонденты, пытавшиеся раскрыть секреты победного постоянства Кондаковой.

Л на следующий день, в солнечное, морозное воскресенье, ей предстояло стартовать на коронной, любимой тысяче. Похоже, что Софья заранее знала, кому достанется очередной заветный букетик, и волнения на ее улыбчивом лице не было заметно. Блестяще выиграв свой забег — 1.40,2, она могла теперь показать любой, даже заведомо плохой результат на оставшейся трехкилометровой дистанции и стать чемпионкой мира. Но не таков характер, и Кондакова не уклонилась от борьбы. Пятое время достойно венчало победное многоборье.

Солнце едва золотило верхушки сосен, когда три советские спортсменки в последний, пятый раз за два дня поднялись на пьедестал почета. Пятнадцать желто-голубых букетов цветным дождем осыпали наших девушек. Но самые яркие, самые сочные, самые, казалось, крупные цветы были у 33-летней Софьи Кондаковой, добившейся наконец исполнения заветного желания,

к которому стремилась столько лет и воплощение которой судьба назначила на это солнечное февральское воскресенье.

Ольга Линде

ДЕВОЧКА НА «СНЕГУРОЧКАХ»

У девочки были только «снегурочки». Хорошие, прочно привязанные веревкой к валенкам, но все-таки «снегурочки», играть на которых в хоккей было положительно невозможно.
Соседские

мальчишки презрительно косились на девчонку и с такими коньками не брали ни в какую, даже самую что ни на есть проигрывающую команду. Разве лишь иногда доверяли ей роль вратаря, а потом сваливали на нее все свои игровые горести.

А Тамаре хотелось играть с мячом, стремительно нестись по ледяному полю, чтобы ветер свистел в ушах, чтобы люди сказали: «Вот молодец, всем мальчишкам фору даст!» На всякие хитрости пускалась девочка, однажды даже попробовала надеть коньки старшего брата на свои валенки. Получилось вовсе даже неплохо — тепло и удобно. Но все эти опыты скоро прекратил отец. И отправил девочку в спортивную школу.

Так в жизнь будущей чемпионки и рекордсменки мира Тамары Рыловой окончательно и бесповоротно вошли коньки. Начав тренироваться в 1949 году у Михаила Кузьмича, который обучал ее азам стайерского бега, Тамара через три года участвовала в первых для себя всесоюзных соревнованиях. И там у нее вдруг «прорезался» спринт. «Я вдруг почувствовала, что очень быстро бегу, — вспоминала Тамара. — Так быстро, как никогда раньше. Это обрадовало меня и испугало». Тренер и ученица поверили в «прорезавшийся» спринт. И Кузьмич принял нелегкое решение: передать Рылову в другие, более опытные руки. Так постоянным наставником Тамары стал Иван Аниканов.

— Спринт! И только спринт! — убежденно сказал он.

И они работали. Уже в 1953 году, на зимних Студенческих играх в Австрии, Тамара Рылова победила на заветной пятисотке и почувствовала, что может сделать больше. Мечту эту сумела сберечь в себе, не потерять в буднях. И 11 января 1955 года повергла мировой рекорд норвежки Шоу-Нильсен, продержавшийся без малого двадцать лет. А через день пал и прежний рекорд на тысяче. Так вошла в наш спорт новая большая спортсменка.

И вот Свердловск, очередной чемпионат мира среди женщин. Дважды до этого Рылова была второй. Только второй. В сердце же жила мечта о «золоте». «Рылова или Артамонова? Артамонова или Рылова?» — бесконечно повторяли специалисты и болельщики. Свое слово сказала техника. На одной чаше весов были необыкновенный талант и молодость, на другой — отточенный годами бег, многолетняя работа и опыт. Они победили. Немая стояла тишина, когда старт принимала Рылова. Но не выдержали нервы болельщиков, и их отчаянное «давай!» неотступно несло за Тamarой по замкнутому овалу стадиона и наконец взорвалось на финише громом аплодисментов.

— Я рада... Я довольна... Я очень счастлива, — задыхаясь, говорила после финиша новая чемпионка мира. — Мне очень хотелось победить, очень хотелось. И я наконец победила!

Ольга Линде

ДОПЛЫТЬ ДО БЕРЕГА МЕЧТЫ

Март 1958 года. Потеплевший, ветреный Свердловск. Стадион «Динамо». Дистанция 5000 метров. В ту пору искусственных катков в стране не было, забеги на всесоюзных чемпионатах начинались поздно вечером и затягивались порой до рассвета. В 23.00 пробежал Олег Гончаренко — непобедимый тогда стайер. Показал он 8.26,7, и никто из его основных конкурентов-сборников превзойти это время не смог — ни Борис Стенин, ни Роберт Меркулов, ни Владимир Шилыковский. После этого лидеры уехали спать в гостиницу «Большой Урал». Нелепо им было

опасаться дебютантов, что бежали в последних парах по изрезанному льду.

Среди новичков-перворазрядников был и 20-летний Виктор Косич-кин. Стартовал в 3.30 ночи. А через 8.26,0 был на финише: ресницы в инее, сосульки на небритом подбородке, глаза навывкате от жуткой усталости. Евгений Летчфорд, главный судья соревнований, долго не мог поверить ни секундомеру, ни своим глазам, а потом, когда окончательно стало ясно, что новичок обыграл самого чемпиона мира, подошел к нему и крепко пожал руку, хотя выдавать свои эмоции арбитрам не положено.

Гончаренко узнал о поражении только утром. Был страшно, как потом признался, удивлен. И разозлен. Разбил «выскочку» в пух и прах на дистанции 10 000 метров. Но это нисколько не омрачило радостного настроения новоявленного чемпиона. «А я тебя и на десятке скоро обыграю», — сказал он с вызовом Гончаренко. И обыграл через год, на чемпионате Европы и Гетеборге.

Еще через год, на зимних Играх-60 в Скво-Вэлли, Виктор Косич-кин стал олимпийским чемпионом, а в 1962 году стотысячные Лужники бурно приветствовали его победу на чемпионате мира.

В историю коньков он вошел как один из самых талантливых и ярких скороходов.

Судьба его необычна.

Он был тринадцатым ребенком в семье сельского' плотника. В 1951 году отец перебрался из голодной рязанской деревни в Москву. Семья жила на восьми квадратных метрах в коммунальной квартире. Не слишком-то сытно жили. Типичная судьба детей войны. Судьба подранков.

В юности он написал стихи. Наивные, как теперь понимает, в литературном отношении, но точные по своей сути:

Убегает, улетает, ускользает Время, словно вешняя вода.

Но тоскливой мысли не бывает:

«Одному остаться навсегда».

С кем-то не делиться даже в малом

И всего себя не отдавать

Без друзей сравнима жизнь лишь с адом.

Научитесь это понимать.

Но поначалу ему очень не везло на друзей, искренних людей.

Он мог стать музыкантом — мальчишкой играл на альте и трубе в детском оркестре при Доме культуры, делал это с упоением и величайшей радостью. Но не стал им. Как-то руководитель оркестра заставил играть на похоронах, и свою любовь к музыке мальчишка похоронил у кладбищенской ограды, когда «учитель» сунул ему в карман замусоленную трешку — за работу.

Он мог стать велогонщиком — с горящими от нетерпения глазами бегал в секцию на «Динамо». Но не стал им. Чувствовал в себе силу и характер, и талант даже, и как-то на соревнованиях умчался от группы в отрыв, «чикнул» финиш, хотя по плану это должен был сделать другой, любимец тренера, и тренер выставил Виктора за дверь, объяснив, что он переросток (юноше шел 16-й год) и потому бесперспективен.

Руку помощи ему протянул рабочий коллектив, настоящие люди. После семилетки пошел учеником токаря на автобазу, а физруком там был знаменитый некогда вратарь футбольной команды, добрейший, чуткий человек. Он сразу почувствовал и боль, и печаль новичка, и какой-то надлом, и относился к нему с особой теплотой, научил любить спорт и его красоту.

Виктор бредил спортом, но в секцию его уже не принимали: был безнадежно стар для спорта даже по тем временам — ему шел

восемнадцатый год. Тогда физрук взял его за руку, силком притащил в райсовет «Динамо» на Кузнецком мосту и, пока Виктор сгорал от стыда за дверью кабинета, объяснил председателю суть дела, и тот черкнул записку Гуськовой, тренеру-общественнику по конькам (почему именно ей, конькобежному тренеру, ни физрук, ни Виктор так и не поняли). Так или иначе Виктор оказался в группе Клавдии Андреевны и за то благодарен судьбе: Гуськова преподавала ему урок великой человеческой душевности, такта и оптимизма.

Через год он, перворазрядник, стал чемпионом страны на катке «Динамо» в Свердловске, но суть даже не в том быстром успехе. Это время перевернуло все его представления о мире, о людях, да и о самом себе, о своих возможностях. Два человека, две встречи — и он нашел свой путь в жизни.

Он уже был чемпионом страны, впереди маячили олимпийская звезда и лавровый венок чемпиона мира, и из этого Гуськова, несомненно, могла извлечь немалую выгоду для себя. Но однажды она привела Виктора на занятие Константина Кудрявцева, лучшего в ту пору конькобежного тренера, и сказала: «Возьмите этого парня себе. Большого я ему дать не могу». Это было проявлением педагогической этики, шагом высоконравственным, и тот случай Косичкин часто вспоминал потом в трудные минуты.

Итак, за год тренировок он стал чемпионом страны, еще через два года, накануне Олимпиады в Скво-Вэлли, получил бронзовую медаль на чемпионате мира в Давосе. Евгений Гришин, скупно похваливая его, заметил тогда:

— Вот так бы и в Скво-Вэлли, Виктор!

— Так далеко ехать за «бронзой»? — удивился тот. — Нет, если поеду, то только за «золотом».

— Ну и нахал! — только и сказал Гришин.

Но дело было не в нахальстве и не в излишнем самомнении. Такова была его цель. И он верил в нее не только потому, что чувствовал в себе силы, что много и самоотверженно тренировался, но главным образом потому, что настроил себя на победу морально, поверил в нее и отдал ей всего себя, без остатка. Самоутверждение спортсмена происходит сначала в нем самом, а уж потом перед трибунами. Это правило Косичкин усвоил рано. И не изменял ему никогда.

Уйдя из спорта, он дал слово, что отдаст лавровый венок чемпиона мира своему преемнику — тому, кто продолжит традиции больших побед 50—60-х годов. Но время шло, а Косичкин все оставался последним нашим чемпионом мира в классическом многоборье. И только спустя 22 года после его лужниковского триумфа москвич Олег Божьев вернул стране высокое чемпионское звание. Больше других, кажется, радовался этой победе Косичкин. Слово он сдержал: зимой 1984 года Божьев получил два лавровых венка — один от Международного союза конькобежцев, другой, самый дорогой, от Виктора Косичкина. Связь времен, прерванная неудачами, продолжалась...

Владимир Кучмий

ГИМН

НАД СЬЕРРА-НЕВАДОЙ

«В нашем городе живет олимпийская чемпионка» — так с нескрываемой гордостью говорили старожилы Рязани. Этот скромный город, отнюдь не относящийся к конькобежным центрам России, прославила на весь мир милая русская девушка Клара Гусева, выше всех стоявшая на пьедестале почета олимпийского Скво-Вэлли. Нелегко далась ей победная тысячеметровка, но блеск золотой медали и величественный гимн твоей Родины, звучащий в честь твоей победы над горами Сьерра-Невады, лучше любого лекарства снимают усталость.

По воле жребия 22-летняя преподавательница из Рязани открывала забеги третьего дня состязаний в паре с малоизвестной немецкой спортсменкой Н. Либкнехт. Клара без труда ушла от своей соперницы сразу со старта, уверенно удерживая высокий темп, и мощно накатила на финиш, подхваченная словно прибоем восторженным ревом заполненных трибун. На табло зажглись цифры — 1.34,1. Хватит ли этого для победы? Все силы остались там, на дорожке. И теперь остается самое трудное — ждать.

Покушались на них и олимпийская чемпионка на пятисотке Хельга Хаазе, которой не хватило двух сотых до второго олимпийского «золота», и рекордсменка мира Тамара Рылова, и «уральская молния» Лидия Скобликова... Но это был не их день на Белой олимпиаде.

«Бежать в первой паре очень нелегко, — сказала после церемонии награждения Клара. — Лучше было бы стартовать где-нибудь в середине. Но я очень хотела победить. Лед здесь такой же, как в Алма-Ате, и поэтому условия Состязаний не были мне в новинку. Показав лучшее в моей жизни время, я очень волновалась... Уйти с катка было просто невозможно».

Клара Гусева — прирожденный спринтер. Словно взрывной волной огромной внутренней силы срывало ее со старта. А сам бег был полон стремительности, энергии и удивительной легкости.

Говорили, что Клара — талант. Да, конечно. Но не просто талант, а талант, помноженный на колоссальное трудолюбие, упорство, любовь к конькам. И веру в себя. Кого угодно могли оттолкнуть от спорта более чем скромные результаты, показанные в первых стартах. Но не Клару. Вместе со своим тренером Еленой Степаненко она упорно и целеустремленно работала. И от старта к старту росла техника, «умнела» тактика, послушнее становились остро отточенные лезвия коньков, резавших этот скользкий, обильно политый потом лед.

И расцвел талант. Заставил залюбоваться собой сначала на чемпионате Советского Союза в Алма-Ате, потом в шведском Эстерсунде на чемпионате мира и, наконец, в американском Скво-Вэлли на Олимпийских играх. Все «золото» на этих соревнованиях собрала рязанская конькобежка на дистанции 1000 метров. Эти старты научили ее ценить секунды, каждая из которых в прямом смысле слова оказалась на вес золота.

Ольга Линде

ОДИН В ЛУЧЕ ПРОЖЕКТОРА

Его часто называли вечно вторым. Действительно, такой порядок распределения мест преследовал его долго, вплоть до февральского вечера 1962 года, когда переполненный «Бишлет» стал свидетелем его спортивного подвига. Подвига, потому что на его победу никто не рассчитывал. Подвига, потому что газеты мира поторопились в канун европейского чемпионата раструбить о том, что советские мастера ледовой дорожки не в силах соперничать с голландцем ван дер Грифтом, французом Куприяновым, норвежцем Юханнесеном, которым заранее, еще до первого старта, все безоговорочно отдавали места на пьедестале.

Но всезнающая пресса ошиблась. И карты спутал 30-летний москвич, которого видели до этого на многих чемпионатах Европы и мира, но не принимали всерьез, даже памятуя о «серебре» мирового чемпионата 1956 года. Мол, давно это было, и шесть прошедших лет не прибавили сил Роберту Меркулову. Казалось, что шестое место, занятое Робертом на 500 метров,

не даст ему шансов побороться за «золото». Может быть, кто-нибудь так и думал, только не сам спортсмен. И уже следующая дистанция многоборья — 5000 метров дала намек на серьезность намерений вечно второго. Бег был скорее похож на заплыв — над «Бишлетом» бушевал настоящий ливень, и лед потонул под стремительным дождевым потоком. Роберт «проплыл» эти мокрые пять километров с временем, лучшим почти на две секунды, чем у Юханнесена, и на четыре с лишним, чем у грозного

француза Куприянова. «Золото», завоеванное на пятерке, своим мокрым блеском осветило ему путь к пьедесталу.

Ко второму дню состязаний «лето» над «Бишлетом» кончилось, предательский ливень утих. Но зима все-таки не наступила — было несколько градусов тепла, но подремонтированный за ночь лед обещал достаточно хорошие секунды. Воскресная полуторка подарила Меркулову «бронзу», еще более укрепив его претензии на победу в многоборье. Перед заключительной дистанцией 10 000 метров было ясно, что заветное «золото» могут увезти домой лишь трое — Меркулов, Стенин или Куприянов. Ни чемпион мира Хенк ван дер Грифт, ни любимец норвежцев «Куп-перн» — Юханнесен уже не могли бороться за лавровый венок. Жребий свел Роберта в одном забеге с Юханнесеном. Это было, наверное, везение, потому что норвежец был признанным мастером стайерского бега. Чтобы выиграть по сумме у Бориса Стенина, Меркулов должен был улучшить его результат примерно на 8,5 секунды. Вот уже позади 4, 5, 6 кругов, а голос диктора размеренно повторяет, что Меркулов идет «ликт ме Стенин» — в одно время со Стениным. Но вот прибавил Юханнесен, и Роберт упрямо тянется за ним. Трибуны встают. Отыграна секунда... две... шесть... десять. Всем видно, как трудно Роберту. Но он, сжав зубы, катит и катит вслед за «Купперном». Вот он, финиш —; более двадцати секунд выигрыша у Стенина. И значит, лавровый венок — его, Роберта.

...Гаснут прожекторы. Все, кроме одного. В его ярком луче мимо погрузившихся в темноту трибун Роберт Меркулов совершает последний круг по стадиону) — круг почета. Привилегия чемпиона. Овация катится за ним прибойной океанской волной. Вот сделан последний шаг, и друзья, только что переставшие быть соперниками, высоко поднимают на руки сильнейшего конькобежца Европы и уносят его со стадиона.

Ольга Линде

РАДУГА В ЗИМНЕМ НЕБЕ

Так бывает только в конькобежных городах. Скажем, в Свердловске или Кирове. Когда там большие соревнования, город живет коньками. Именитых спортсменов узнают на улице, здороваются с ними, как со старыми знакомыми. А этого парня в конькобежном городе, где начинался чемпионат страны, никто не знал — его здесь никогда еще не видели. И он тоже никого не знал — ни Косичкина, ни Гришина, ни Стенина, потому что с ними никогда еще не встречался.

Но о парне в городе уже слышали. Знали, что родом из Прибалтики, и фамилия какая-то странная: не то Анте, не то Антсон. Потом, правда, разобрались: Анте — имя, Антсон — фамилия. Только вот черноволосого парня с лихими усами — вылитого кавказца — за Антсона никак нельзя было принять. Ведь прибалтиец — значит, высокий и обязательно блондин. Но «кавказец» и был тот самый эстонец.

Он совсем не умел давать интервью, на большинство вопросов только чуть улыбался в ответ. Ему была в новинку необычная обстановка, да и повышенное внимание к собственной персоне, которое, в общем, объяснялось просто: 8.18 и 2.16,5. Эти цифры, означавшие результаты на пятерке и полуторке, тогда звучали громко и окружали Антса каким-то таинственным ореолом.

Их обсуждали, одни им верили, другие нет, но все ждали: что же сумеет сделать их автор? А он еще не верил в себя и ощущал неловкость как человек, прежде времени чем-то похваставшийся и понявший, что сделал это зря.

И если бы кто-нибудь сказал ему в тот момент, что будет он не только чемпионом страны, но и Европы, и олимпийских игр, он счел бы того человека, мягко говоря, странным.

...Первый тренер Антса Антсона легкоатлет Олаф Ольман любил и коньки. Больше других ему нравился экономный, словно бы не требовавший усилий бег-полет чемпиона Европы, мира и олимпийских игр ленинградца Бориса Шилкова. И когда ученик,

переходивший зимой с гаревой дорожки на ледяную, вырос настолько, что пришло время выводить его «в свет», Ольман решил, что тренировать Антса будет именно Шилков. И по приходе в сборную Антсон прямо сказал: «Я и мой тренер очень довольны, что я попал за вас». Он тогда еще не очень хорошо говорил по-русски.

С таллиннцем опытному тренеру было непросто. Малоразговорчивый, ничего не принимавший на веру сразу, постоянно присматривавшийся ко всему, что делал тренер, он даже несколько пугал Шилкова. Потому что все время надо было доказывать свою правоту, на что вынуждало само поведение спортсмена, его сосредоточенность, вдумчивость и добросовестность, за которыми как бы просматривалась тень неполного доверия. Но прошло время, и упрямый эстонец увидел правоту того нового, что старался втолковать ему Шилков. И однажды на тренировке подъехал будто растерянный, громадные глаза из-под черных бровей смотрели так, будто он увидел радугу в зимнем небе.

— Я, кажется, поймал момент толчка! Как легко!

— Отлично! И старайся не терять его, накатывай, запоминай. Тренер страшно боялся, что драгоценный кристалл, на поиски которого ушло столько времени, может вдруг исчезнуть. Но Анте не упустил свою жар-птицу. На европейском чемпионате-64 фаворитом номер один считался ученик Константина Кудрявце

ве ва Юрий Юмашев, не знавший поражения ни в одном старте.

Но желание победить у Антсона было так велико, а подготовка — и физическая, и техническая — была так основательна, что именно он стал обладателем лаврового венка. Самым дорогим в этой победе было то, что Анте побил все личные рекорды, особенно хорош был результат на полуторке — 2.09,8, той самой полуторке, что подарила эстонцу олимпийское золото Инсбрука. Утро шестого февраля на олимпийском катке Инсбрука не предвещало ничего хорошего. Густой туман, снег... Настроение испортилось не у одного Антса. А после финиша голландца Либрехтса мнение было одно: если кто и улучшит его результат — 2.12,6, то на доли секунды. Вот и Матусевич не вылез из магических двенадцати...

И вот старт очередного забега. На первой прямой Антсон бежал, будто запутавшись в паутине: бег вязкий, скованный, кто-то словно душил его, пригибал ко льду. Но вот Анте будто вдруг вырвался из чьих-то цепких рук — и оказалось, что сил много.

А на последней прямой он не видел перед собой уже почти ничего. Все двоилось. Едва заметил финишную черту. Сделал еще несколько шагов и... упал, словно зацепился за что-то. Оказалось, конек наехал на снежный валик. После финиша сил было так мало, что невесомости снега хватило, чтобы свалить могучего атлета с ног. Все отдал. Неужели впустую?

Только с финишем последнего забега волнение сменилось полным и безраздельным счастьем. Это была награда за титанический труд, которого порой побаивался и сам тренер, но смело выполнял Анте. Награда за те бессонные ночи, когда он вновь и вновь прокручивал в мозгу совершенно новые приемы бега, примеривал к себе детали новых ощущений.

Анте поднял голову. Небо очистилось от туманной мглы, улыбнулось солнечно. И он снова вдруг увидел радугу в зимнем небе.

Ольга Линде

ПОБЕДИТЬ САМОГО СЕБЯ

Было время, когда газеты о нем писали: «Внешне спокойный, даже флегматичный, минчанин чрезвычайно впечатлителен. Он хорошо закалил тело, но до последнего времени не мог закалить характер. Выигрывал малозначительные старты — проигрывал ответственные. У одних чувство значимости поединка вызывает прилив энергии. А его это чувство облакало в ледяной панцирь напряжения». А многие говорили еще более откровенно — у этого .могучего на вид атлета нет воли.

Тогда действительно трудно было угадать в мягком, застенчивом, деликатном и скромном парне напористого бойца. И дело было совсем не в отсутствии характера. Значительно сложнее.

Когда Эдуард Матусевич вошел в сборную страны по конькобежному спорту, он был уже разносторонним спортсменом: имел первый разряд по гимнастике, был членом сборной республики по баскетболу, имел незаурядные данные как легкоатлет.

И был мастером спорта по конькам. Все это не приходит само собой. Но в сборной все пришлось начинать сначала. Оказалось, что техника бега у Эдуарда никуда не годится. Один довольно известный в те годы тренер, глядя на его бег, предложил коллегам пари, что из этого парня ничего не выйдет. А парень мечтал только об одном: попасть в группу Константина Кудрявцева. Но когда мечта его осуществилась, это не принесло облегчения. Конькобежная «мелодия», которую выводил на дорожке минчанин, оскорбляла тонкий слух его учителя, была фальшива и груба, как звучание давно и безнадежно расстроенного рояля. И началась «настройка». Выяснилось, что Матусевич, с его могучими и длинными ногами, бежал непростительно коротким шагом. И Кудрявцев дал ему упражнения, которые другим членам сборной показались чуть ли не школьными. Эдик же всегда хорошо учился в школе, и в институте тоже. Отлично учился он и

у Кудрявцева. Все его задания выполнял с муравьиной добросовестностью. Он был так увлечен, так верил в тренера, что прощал ему и сухость, и суровость, и постоянную неудовлетворенность учеником, и нередкие случаи ущемления самолюбия. Хотя порой и проявлял некоторое упрямство, не подчиняясь волевым решениям тренера. Однако свою строптивость Матусевич показывал редко, знал: людей с легким характером не так уж много. Талантливых же тренеров еще меньше. И если посчастливилось попасть к одному из этих немногих, надо уметь прощать его слабости и учиться, учиться.

После первой победы Матусевича на чемпионате страны эксчемпион мира Виктор Косичкин сказал: «Назвали бы первенство СССР чемпионатом мира, и Эдика видно бы не было. От одного упоминания коленки бы задрожали». Жестокие слова имели под собой основание. Но не в плохой морально-волевой подготовке было дело, а в том, что не готов он был еще удерживать высокую спортивную форму такой силы, какой требуют постоянные победы, на долгом отрезке времени. Потому и чередовались взлеты и падения с неумолимостью судьбы. А сильных соперников он всегда любил. Любил, а не боялся. И могучий норвежец Пер-Ивар Му, долгие годы бывший его постоянным оппонентом на большинстве международных соревнований, ему потому и нравился, что с ним всегда борьба шла за сотые доли. Победить сильного — вот смысл победы.

И судьба европейского первенства решалась именно в их поединке. Самыми захватывающими были забеги, где соперники бежали вместе. На пятерке Му предложил со старта очень высокий темп и убежал сразу метров на тридцать. Но к середине дистанции Матусевич, наращивая темп, достал норвежца и к финишу «привез» ему почти двадцать метров. На полуторке они поменялись местами, однако по сумме трех дистанций у Эдуарда был хороший запас, и 10 000 метров он бежал уже очень спокойно. И впервые стал чемпионом континента.

Когда болельщики узнали о победе Матусевича, они лишь получили подтверждение — радостное подтверждение — итогам своей болельщицкой бухгалтерии, из которой уже очень давно выходило, что сильнее минчанина нет никого в современных коньках.

И только сам конькобежец знал, как трудно выигрывать вопреки своему характеру.

Ольга Линде Александр Любимов

ЖИЗНЬ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Заседание Ученого совета Московского авиационного института было прервано в самом разгаре. Ректор института, член-корреспондент Академии наук СССР Иван Филиппович Образцов пригласил своих коллег, среди которых было немало профессоров и академиков, к телевизору:

— Попрошу внимания. На Олимпиаде в Гренобле начинаются соревнования конькобежек на дистанции пятьсот метров. Как там наша Титова? Давайте поболеем за нее!

И маститые ученые поближе придвинулись к экрану. Они облегченно вздохнули, когда Людмила начала бег. Титова сделала сначала два фальстарта и оказалась на грани поражения.

Но она все же сумела взять себя в руки и отлично, безукоризненно прошла быстротечную дистанцию. Ее результат — 46,1 секунды в этот день не улучшил никто. Так пришла к молодой спортсменке олимпийская победа. Было это в 1968 году.

В тот день в кабинете ректора раздался телефонный звонок. Корреспондент газеты «Советский спорт» попросил И. Ф. Образцова сказать несколько слов о студентке Титовой, о чемпионке Олимпиады Титовой.

— Нам, преподавателям, золотая медаль Людмилы дорога вдвойне, — сказал ученый. — Это первая олимпийская награда, завоеванная студентом нашего института. И награда эта убеждает каждого студента в возможности учиться в таком сложном техническом вузе, как МАИ, и одновременно быть замечательным спортсменом. Но для этого надо разумно распределять свои силы и время. Насколько я знаю, Титова ни разу не попросила снисхождения у преподавателей. Если сессия совпадала с крупнейшими турнирами, чемпионатами мира, Людмила не откладывала экзамены, а сдавала их досрочно. Требовательность к себе, целеустремленность, изобретательность — вот черты ее характера как студентки и чемпионки.

...Когда Людмила Титова уезжала в Гренобль, она обещала вернуться с победой. И слово свое сдержала. А вскоре после окончания сезона ей предстоял не менее ответственный экзамен — защита дипломного проекта в институте. Титова успешно справилась и с этой задачей. Очень сложную тему, касавшуюся авиационных двигателей, она выполнила на «отлично», получив звание авиаинженера.

Надо заметить, что 1968 год был для Людмилы Титовой знаменательным во многих отношениях. Она одержала, если так можно сказать, еще одну победу — на семейном фронте, выйдя замуж за выпускника своего института.

Итак, ее жизнь проходила в трех измерениях: спорт, работа, семья.

Измерение первое. Титова впервые пришла на каток за десять лет до олимпийского успеха в Гренобле. Девушка жила вместе со своей семьей в Чите, два ее старших брата увлекались коньками и добились немалых успехов — стали ведущими скороходами области. Они много тренировались, чтобы стать мастерами спорта, но их мечта так и осталась мечтой. Много времени отнимала у братьев их работа — один был летчиком, другой — геологом. Братья-то и привели однажды на каток свою сестренку. Тренер Нина Измайлова на первых порах сомневалась в новой ученице. Как-никак 15 лет — возраст поздний для первых шагов в

конькобежном спорте. Но девушка, словно наверстывая упущенное время, быстро добилась успехов.

О Титовой впервые заговорили в декабре 1965 года, во время популярного турнира памяти Якова Мельникова. В те годы на ледяных дорожках блистали такие великолепные мастера, как Инга Артамонова, Лидия Скобликова, Валентина Стенина, Тамара Рылова. В их компанию робко вошла незнакомка, второкурсница МАИ Людмила Титова. В беге на 500 метров она заняла почетное шестое место.

А после того как в январе 1966 года на отборочных соревнованиях сильнейших скороходов страны Титова стала третьей в спринте, а на дистанции 1000 метров — второй, она была включена в сборную команду СССР. Состоялся ее дебют на чемпионате мира. Вот уж не думала Людмила, что ей придется стартовать за рубежом, в норвежском городе Тронхейме. В сильный мороз бежать было очень трудно. И тем не менее дебютантка блестяще справилась с поставленной перед нею задачей — она привезла домой серебряную медаль, добыв ее на пятисотке. Так определилось ее амплуа чистого спринтера. С той поры большинство побед Титовой было связано именно с дистанцией 500 метров. Однако любовь к спринту не мешала Людмиле успешно стартовать и в классическом многоборье. Так, на зимней Спартакиаде народов СССР 1966 года москвичка дала бой самым именитым соперницам. В спринте она уступила звание чемпионки лишь Стениной и Рыловой, а на тысяче — только Татьяне Сидоровой, одной из самых быстрых конькобежек мира. В многоборье же Титова завоевала большую серебряную медаль. Пожалуй, лишь одна дистанция — 3000 метров вызывала у Людмилы активную неприязнь. «Мне скучно бежать по такой долгой дороге, — говорила Титова. — Я люблю порыв, вихревую скорость, люблю лететь надо льдом, чтобы на поворотах дух захватывало».

Преолимпийский 1967 год принес спортсменке еще больше громких побед. Правда, на мировое первенство она не поехала,

так как сдавала экзамены в институте. Уже поздней весной на залитом водой льду Кирова Людмила впервые стала чемпионкой страны, выиграв тысячу со временем 1.36,9.

Наступил сезон Олимпийских игр в Гренобле. Титова вступила в него уже признанным мастером коньков. На всесоюзном чемпионате в Алма-Ате она завоевала две золотые и две серебряные медали — больше, чем любая другая участница, став абсолютной чемпионкой СССР.

А потом был олимпийский триумф — «золото» на пятисотке и «серебро» в беге на 1000 метров (здесь ее результат 1.32,9).

В ее домашней коллекции наград появились, кроме всего прочего, две золотые медали мирового первенства за успех на своих любимых дистанциях.

Всеми этими достижениями, по словам самой олимпийской чемпионки, она была обязана своему тренеру Евгению Красильникову. Опытный специалист, он воспитал немало отличных конькобежек. Тренер сумел подметить и развить в Титовой ее трудолюбие и любовь к эксперименту. Он создал для своей ученицы оригинальную, соответствующую ее физическим данным технику бега. Титова была высокой, стройной спортсменкой — при росте 174 сантиметра весила 64 килограмма. Как верно заметил однажды один из специалистов, манерой бега и даже внешним видом Людмила очень напоминала Ингу Артамонову.

Отдохнув в сезоне 1969 года, следующей зимой Титова вышла на штурм мировых рекордов: дистанцию 1000 метров она пробежала за 1.29,5. На впервые разыгранном неофициальном мировом первенстве по спринтерскому многоборью завоевала лавровый венок победительницы.

Сезон 1971 года был для москвички не столь удачным, как предыдущие. Она, правда, еще выше подняла потолок мирового рекорда в беге на 1000 метров (1.27,7), уверенно выступила на

первенстве страны, став вице-чемпионкой в многоборье. Успешно стартовала на своих коронных дистанциях в мировом чемпионате, но на чемпионате ИСУ по спринту не смогла защитить завоеванное годом ранее звание.

И вот наконец четырехгодичный олимпийский цикл завершился. Начался сезон Саппоро-72. Накануне зимних Игр, выступая на катке Инцеля, Людмила Титова показала несколько обнадеживающих результатов. Но спорт есть спорт: повторения Гренобля не получилось.

Измерение второе. После Гренобльской олимпиады Людмила всерьез подумывала о том, чтобы оставить активные занятия спортом. Причина? Ее сильно увлекла новая работа в одном из конструкторских бюро. Приходилось читать много технической литературы, засиживаться допоздна в лабораториях. Когда она все же выкраивала время для тренировок и соревнований, то и на катке не расставалась с книгами. Работала она вместе с мужем Анатолием, разрабатывая одну тему. Вскоре глава семьи успешно защитил кандидатскую диссертацию. Этим он не на шутку задел самолюбие жены...

Измерение третье. А семья у них дружная. На каждый крупный конькобежный турнир из далекой Читы прилетали братья Людмилы, отчаянные ее болельщики. Муж, конечно, всегда был по горло занят и редко появлялся на катке. Зато он придумал выход из положения. Научил Людмилу искусству киносъемок, и теперь у них появилась отличная домашняя фильмотека с эпизодами всех соревнований, участницей которых была сама Людмила.

Бегут годы. Одно поколение скороходов сменяется другим. Но яркую фигуру в отечественном конькобежном спорте обаятельного, щедрой души человека — Людмилу Титову хорошо помнят почитатели ее таланта.

*шши**

Игорь Образцов

Глава V

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Развитие конькобежного спорта, стремительный рост скоростей побуждают Международный союз конькобежцев увеличить количество соревнований и разнообразить их характер. Было решено проводить отдельные первенства для спринтеров. Идея подобных состязаний вынашивалась давно, но воплотилась она только в самом конце шестидесятых годов, когда стали проводиться первые соревнования только на коротких дистанциях — 500 и 1000 метров.

Вначале, в 1970 и 1971 годах, ИСУ провел свои чемпионаты по спринтерскому многоборью среди мужчин и женщин. Их первыми победителями стали советские скороходы Валерий Муратов и Людмила Титова. Второй была еще одна советская спортсменка — Нина Статкевич.

С 1972 года эти турниры были возведены в ранг официальных чемпионатов мира. Сразу же наметилось разделение на специалистов спринта и многоборцев. Во многих странах создаются отдельные группы для конькобежцев, специализирующихся в спринте.

Нередко, правда, и многоборцы принимали участие в мировых форумах самых быстрых скороходов и даже добивались успеха, особенно на дистанции 1000 метров.

Советская школа спринта давно зарекомендовала себя одной из лучших в мире. В 1970 году Муратов выигрывает первый чемпионат ИСУ, а через два года становится вторым призером первого официального чемпионата мира, совсем немного уступив финну Лое Линковеси. Год спустя Муратов выигрывает первенство мира в Осло. Считался он фаворитом и на следующем чемпионате, но травма не позволила Валерию принять участие в соревнованиях.

В 1975 году Муратов завоевывает бронзовую медаль. Выступая на двух Белых олимпиадах, Муратов трижды завоевывает медали: в 1972-м — «бронзу», в 1976 году — «серебро» и «бронзу». В 1978 году Муратов переходит на тренерскую работу, и под его руководством сборная СССР по спринту неоднократно добивается успехов.

Евгений Куликов из Ленинграда — это имя стало легендой. Именно ему удалось первому в мире преодолеть барьер 37 секунд на пятисотке, а затем пойти еще дальше и разменять еще один рубеж — 36 секунд. На Олимпиаде-76 ему не было равных на дистанции 500 метров. Четыре года спустя Куликов завоевал серебряную награду, проиграв лишь уникальному конькобежцу из США Эрику-Артуру Хайдену, который в Лейк-Плэсиде сумел выиграть все пять высших наград. На чемпионатах мира успехи Куликова несколько скромнее. Да это и понятно, ему, чистому специалисту на пятисотке, очень тяжело было соперничать со спринтерами-универсалами, которые могли довольно ровно пробегать обе короткие дистанции. В 1975 году Куликов сумел стать вторым, а спустя два года третьим.

Взлет ленинградца Александра Сафронова был таким же стремительным, как сам конькобежный спринт. Он выиграл чемпионат мира-75. Этот его успех был единственным.

Но если спринтеры радовали нас, то выступление многоборцев большей частью разочаровывали. В конце шестидесятых годов и начале семидесятых их старты заканчивались большей частью провалом. Сильнейшие многоборцы страны москвич Валерий Лаврушкин, алмаатинец Валерий Троицкий, москвич Юрий Юмашев, кировчанин Александр Чекулаев выглядели, прямо скажем, неубедительно на первенствах мира и Европы. Лучшее, чего они сумели добиться с 1969 по 1972 год, — пятое место на дистанции 5000 метров на чемпионате континента в 1971 году и восьмое в многоборье на первенстве Европы в 1972 году.

В связи с неудачами советских конькобежцев на международной арене было принято решение послать на Белую олимпиаду только одного многоборца — Лаврушкина. В Саппоро в 1972 году он

выступил на трех дистанциях и занял пятое место на 10 000 метров, шестое на 1500 метров и седьмое на 5000 метров.

В сборной происходит смена поколений. Первые шаги вперед были сделаны в 1973 году. На чемпионате мира Владимир Иванов из Ижевска впервые за долгий период завоевывает медаль (бронзовую на 5000 метров) и занимает пятое место в многоборье. Через год еще один шаг вперед — ленинградец Александр Цыганков по сумме четырех дистанций четвертый да еще с «бронзой» на 1500 метров.

В чемпионате Европы 1975 года на дистанции 10 000 метров побеждает Виктор Варламов из Уфы, а на первенстве мира — Иванов. Он и становится вторым в многоборье, а Юрий Кондаков из Свердловска — третьим.

Все это давало основания надеяться на удачное выступление на Белой олимпиаде-76. Но в олимпийском Инсбруке наши мужчины-многоборцы сумели довольствоваться только одной серебряной медалью (Кондаков на 1500 метров) и двумя четвертыми местами Варламова на длинных дистанциях.

В следующем олимпийском цикле на первые роли вышли москвичи Сергей Марчук и Владимир Лобанов, а также горьковчанин Виктор Лескин. Наибольший успех выпал на долю Марчука. В 1978 году после тринадцатилетнего перерыва он сумел вернуть нам лавровый венок чемпиона Европы. В том же году он занял третье место на первенстве мира. Кроме этого, Марчук несколько раз завоевывал различные награды на отдельных дистанциях на первенствах мира и Европы. Три медали, и все серебряные, завоевал на длинных дистанциях в период с 1977 по 1980 год на чемпионатах мира и Европы Лескин. По счету Лобанова две награды: серебряная и бронзовая. Перед самой олимпиадой он решил перейти на подготовку в спринтерскую группу и, выступая на Белой олимпиаде-80, сумел занять третье место на 1000 метров.

В 1969 году Ласма Каунисте после двухлетнего перерыва вернула в Советский Союз лавровый венок сильнейшей копы,о бежки планеты. Но год спустя ей пришлось довольствоваться только

пятым местом. Проходит еще год — и вновь чемпионский титул наш: у ленинградки Нины Статкевич, а третье место зани мает Титова.

И все же победы наших конькобежек становятся более редкими. Трижды штурмует вершину горьковчанка Татьяна Аверина, но все три раза она вторая. В 1977 году серьезная травма ноги на целый сезон выводит ее из строя. А подруги по команде киевлянка Вера Брындзей, ленинградка Галина Степанская, горьковчанка Галина Никитина занимают полностью мировой пьедестал почета. И лишь в 1978 году Аверина добивается цели она чемпионка мира. Тот год становится удачным еще для одной спортсменки: Любовь Садчикова из Смоленска первой из советских спортсменок выигрывает чемпионат мира по спринтерскому многоборью.

Затем наступает черед москвички Натальи Петрусевой. После «серебра» в 1979 году она год спустя лучшая в многоборье на чемпионате мира.

Очень неровно выступают наши девушки на зимних олимпийских играх. После неудачи 1972 года в Саппоро, где наши женщины не сумели завоевать ни одной золотой награды, триумф в Инсбруке в 1976 году. Аверина выигрывает две золотые и две бронзовые награды, а Степанская побеждает на дистанции 1500 метров. Но четыре года спустя только две награды завоеваны Петрусевой: в беге на 1000 метров — «золото» и на 500 метров — «бронза».

Александр Любимов

Владимир Кучмий ОДНА СТРАСТЬ — СПРИНТ

Он только вошел в первый вираж, аккуратно, по < «мо» бровочке, а уж стало ясно: Эфшин сломлен. Днинчмик

Эфшина были резкие, злые, от ударов его коньком щ ш I

ся лед и поднимались крохотные ледяные фонтанчики Ни мощь шагов была обманчива. Знаменитый Эфшин -• мни а впереди летела черная

быстроногая тень.

Скорость была бешеная. Он ее не погасил и при м*нч* во второй, самый опасный вираж, и стадион ш ну| йММн

замер: устоит ли на ногах? Из виража его выбросило словно из катапульты. По инерции повлекло к бровке.

Он устоял. Немного только сместился в сторону и вскинул руки, чтобы сохранить равновесие. Но это уже не имело значения. Теперь можно было взглянуть и на табло. Цифры отплясывали дикий танец. И вдруг замерли. 37,99 горело в тумане.

Он был без сил. Секунды согнули его пополам, сковали словно цепями тело — не мог разогнуться. А к нему уже бежали люди. Они что-то кричали, размахивали руками, и тогда он понял, что цифры в тумане не мираж, что они реальные.

Потом была обычная суета. Подъехал Эфшин, жал руку, обнял. Норвежский фоторепортер (бородка клинышком, сигарета во рту) ринулся на лед, за ним — дежурный по катку. Норвежец помчался через поле, поскользнулся, упал, хотел встать, снова упал, махнул рукой и лежа щелкал и щелкал Куликова.

Все это случилось примерно в 17.30 по алма-атинскому времени 15 марта 1975 года на катке Медео во время матча СССР — Норвегия. Именно в тот день и час Евгений Куликов установил свой первый мировой рекорд: пробежал 500 метров за 37,99 секунды.

Рекорд прожил на свете, как мотылек, всего один-един-ственный день. И все же быстро забытый, он имел особый смысл, особое значение и в судьбе спринтера, и в биографии мирового спринта. Чтобы понять, что сделал Куликов тем туманным вечером 15 марта, давайте покопаемся в архивах и извлечем из них некоторые цифры и факты.

Дистанция 500 метров во все времена считалась «королевским» номером конькобежной программы. И потому, что она самая скоростная, и потому, что самая эмоциональная и зрелищная. Но чем

короче дистанция, тем менее уступчиво время. Известно, что бухгалтеры никогда не отличались щедростью — такова профессия. Образно говоря, за спринтерскими счетами всегда сидел самый скупой из всех бухгалтеров мира. Лишь раз в год, а то и в несколько лет сбрасывал он самые мелкие костяшки со старых рекордов. Почти за сто лет, прошедших с тех пор, как стали регистрировать высшие достижения в спринте, рекорд был улучшен всего на... 14 секунд!

Наконец настала пора, когда дело, похоже, и вовсе зашло в тупик.

8 января 1972 года на катке Давоса финн Лео Линко-веси «подложил свинью» своему извечному сопернику

Эрхарду Келлеру из ФРГ. Честолюбивый Келлер считал себя «королем» спринта, владел рекордом мира — 38,3 секунды и болезненно воспринимал любое посягательство на свои рекордные владения. А тихий, скромный Линко-веси взял и показал 38 секунд ровно.

Охота за рекордом началась через три месяца на льду западногерманского катка Инцель. 4 марта там открылся крупный международный турнир, и это была отличная возможность для Келлера наказать финна. Он бежал на редкость решительно, но на финише колотил себя кулаком от досады. На табло светились все те же 38 секунд ровно. Вслед за Келлером в атаку пошла другая знаменитость — швед Хассе Бёрьес. Но и он уткнулся в непробиваемую стену — тоже 38 секунд! Рекорд был повторен, но не более. А повторить вовсе не значит стать рекордсменом. Им по праву первого оставался Линковеси.

Через год шторм возобновился. Келлер, Бёрьес, японец Миеки Судзуки, наш Валерий Муратов вновь пытаются низложить рекорд, но тщетно. 13 января 1973 года норвежец Лассе Эфшин отправляется в Давос, чтобы в одиночку попытаться счастья. И надо же — после его финиша на табло вновь замирают заколдованные 38 секунд! Уже потом, спустя годы, Эфшин, врач по образованию, напишет в своей книге, что в ту пору он готов был поверить в потусторонние силы.

«Мы были заморожены этой ничем не примечательной с виду цифрой», — скажет он.

Келлер, отчаявшись, первым повесил коньки на гвоздь. Ушел сам возмутитель спокойствия Линковеси, ушел Бёррес. Оставался только Эфшин. И именно ему выпало стать свидетелем того, как был покорен заколдованный «рубеж-38». Больше того. Ему суждено было бежать в тот раз в одной паре с новым рекордсменом мира. Как все это произошло, вы уже знаете.

И началась новая эра в конькобежном спринте. Вот такая цена была у того первого рекорда-мотылька Евгения Куликова!

Спустя годы, когда падет и этот фантастический рекорд, Куликов скажет: «Той весной мы опередили время. Это была настоящая весна нашего мужского спринта. И мы с оптимизмом смотрели в будущее. 37 секунд... Незаметный полустанок на человеческом пути. Атомы-секунды несутся мимо в суете будничных забот, они неосвязаемы, безлики для нас.

Для спринтера ничтожное это мгновение впитало в себя годы изнурительного труда, изматывающих своим

однообразием тренировок, впитало пот и слезы, боль падений на наждак льда и несбывшихся надежд, впитало душевные терзания и сомнения. За мизерной частицей времени стоят километры изрезанного льда, пройденные в пургу, туман, жгучий мороз, когда горло сжимают спазмы, а судорога сводит ноющее тело. Сколько было таких, кому не покорилось это мгновение, кого выбросило на коварном повороте в поролоновые маты, кто не дошел до цели».

Он дошел.

...Какой случай! Какой счастливый случай! Альберт Демин сбился с ног. В Свердловске шел большой турнир, и на него съехались все конькобежные знаменитости. Демин уговаривал их урвать часок-другой и съездить в Богданович, где он вел конькобежную группу, для показательных выступлений.

Кто соглашался, а кто нет. Районный городок почти в ста километрах от Свердловска, разбитые дороги, плохонький каток. Да и какие там таланты в этом захолустье!

А Инга Артамонова, четырехкратная чемпионка мира, сразу согласилась.

— Еду! — твердо сказала она. — А может, мое выступление в этом самом Богдановиче приведет в спорт будущего чемпиона?

Если бы Инга дожила до сегодняшнего дня, то узнала, как была права тогда! Пока она, стройная и белокурая, бежала, как лань, по разбитому льду невзрачного стадион-чика, у бровки, затаив дыхание, стоял замороженный легкостью ее бега воспитанник Демина двенадцатилетний ученик местной школы Женя Куликов. Пока еще просто ученик...

— Женя рос без отца. Мы жили в коммунальной квартире. Комнатушка — тринадцать метров. **Я** работала тогда бухгалтером на заводе, а сын оставался дома один, принадлежал сам себе, точнее — улице. Но он был послушным, покладистым мальчиком. Когда уходил вечером в кино, я ему говорила: «Прошу быть дома в девять часов!» И он ни разу не ослушался. В школе увлекся коньками. Мне поначалу это не очень-то нравилось. Был он какой-то неспортивный — хрупкий, болезненный. Боялась, что совсем здоровье подорвет. Но как-то зашел к нам Альберт Андреевич Демин. Он работал учителем физкультуры в Жениной школе и вел конькобежную секцию. Понравился мне сразу — серьезностью, чутким отношением к ребятам. Поняла, что Женя в хорошие руки попал, и больше не тревожилась.

— Ко мне, помню, на первых порах в секцию триста мальчишек пришли, — вспоминает Демин. — А вскоре осталось тридцать. Нет, я никогда не выгонял, не отчислял — сами уходили. Самые верные остались. И Куликов среди них. Работал с удовольствием, настырно даже. У него было обостренное чувство верности — и своему делу, и своим друзьям, и я всегда верил в то, что он вырастет хорошим человеком, найдет свое место в жизни.

Об этом качестве Куликова — верности избранному пути — будут потом говорить многие из тех, с кем сведет его судьба. И ленинградский тренер Анатолий Павлов, к которому Куликов попадет, поступив в политехнический институт, и Людмила Перель, тренер знаменитой в ту пору сборной «Буревестника». Пройдут годы, Куликов станет одним из самых популярных спринтеров мира, олимпийским чемпионом Инсбрука-76, обладателем конькобежного «Оскара» лучшего скорохода планеты, а потом, уйдя из активного спорта, возглавит женскую сборную страны по шорт-треку. Так вот и годы спустя его верности, преданности делу будут поражаться и партнеры, и ученики, и соратники-тренеры.

А на большом льду он появился поздно — в двадцать лет. Уже когда учился в Ленинграде. Но карьера «старика» была поразительной. В 1972 году, безвестный, он приехал на зимние студенческие игры в Горький. В забеге на 500 метров попал в пару с Виктором Чурсиным, известным тогда спринтером, и победил. Вокруг недоумевали: кто такой, откуда, почему не знаем? А Людмила Перель, женщина наблюдательная, сказала Куликову:

— Я, пожалуй, возьму тебя в сборную «Буревестника». Хочешь?

Парень ответил, что, конечно, не против быть в сборной, но если можно, то лучше через год, потому что в институте насыщенная программа и на первых порах ему придется тяжело.

— Согласна, — ответила Перель. — Приходи через год.

Такой была их первая встреча. И у встречи этой будет

долгое и счастливое продолжение — Куликов никогда не изменит своему «Буревестнику». Однажды, полушутя, он скажет:

— У меня в спорте было много крестных отцов. А крестная мать одна — Людмила Марковна Перель.

Год спустя после того разговора Куликова и в самом деле взяли в сборную. Только не «Буревестника», а СССР. В тот самый 1973 год,

когда Куликов переступил порог первой команды страны, неутомимый Валерий Муратов стал чемпионом мира на знаменитом катке «Бишлет». Радовались победе несказанно — и потому, что она была для нас первой на спринтерских мировых чемпионатах, и потому, что после ухода Евгения Гришина у нас не было ни одного мало-мальски солидного успеха на крупнейших турнирах. И вот наконец-то появился истинный преемник Гришина! Это свое высокое назначение Муратов, выходец из подмосковного городка Коломна, с блеском докажет всей своей долгой и яркой жизнью в спорте. Докажет и своим высоким авторитетом в конькобежном свете, и своими громкими титулами — чемпиона и рекордсмена мира, призера олимпийских игр, многократного чемпиона страны, победителя многих солидных турниров. Докажет и своей верностью спринту потом, когда уйдет со льда и более десяти лет будет тренировать сборную страны, вырастив плеяду великолепных спринтеров.

Но дело не только в громких титулах и ярких победах. Главная заслуга Муратова в том, что в смутную для нашего спринта пору (конец шестидесятых — начало семидесятых годов) он не дал оборваться гришинским традициям, вдохнул угасшую было веру и в своих партнеров, и, главное, в молодежь, которая ступила на большой лед вслед за ним. Всегда, в минуты радости и отчаяния, при любых обстоятельствах, Муратов оставался бойцом, сражался на льду азартно, вдохновенно, артистично. Многие в то время специально приходили на стадион смотреть Муратова, как приходят в театр на любимого актера.

Сценарий спринта был будто специально написан для Муратова, для его пылкой природы игрока. Спринт для него был неким полигоном для испытания остроты чувств, мыслей, полигоном для творчества, импровизации. Его бег был наполнен пылкой страстью, безрассудной отвагой, постоянным риском. Он чаще других падал на льду, ломался, отлеживался на больничных койках — и все из-за того, что никогда не отбывал номер, никогда не избегал острых углов, всегда летел к финишу на пределе сил, на грани риска. Падения позабылись, раны залечились, а спринт Муратова остался — манящий, неповторимый, страстный. Муратов — это имя звучало как призыв к атаке, к борьбе. И

не удивительно, что незабываемой весной 1975 года на Медео именно Муратов, «старик», уже сходящий с арены, первым принял вызов молодого Куликова, побил его рекорд на 500 метров, а потом еще и два мировых спринтерских рекорда — на 1000 метров и по сумме четырех дистанций. Уходя, он будто торопил время, будто звал молодежь: дерзайте, смелее вперед!

Гришин, сначала партнер, а потом учитель Муратова, так скажет о нем:

— Пока есть такие люди, как Муратов, холодный лед будет плавиться от страстей.

И все же тогда, в 1973-м, даже блестящая победа Муратова на «Бишлете» не могла снять болезненную проблему, стоящую перед нашим спринтом: за спиной 27-летнего в ту пору чемпиона мира никого не было. Не было тех, кто мог бы поддержать его в трудную минуту. Лидер практически в одиночку боролся на ледяных аренах с зарубежными асами, и это был неравный бой. К тому же Муратов был уже немолод и, конечно, не вечен, а значит, и надежды на будущее казались призрачными. Сборной нужны были свежие силы, новые таланты.

Быть может, лучше других это понимал Константин Константинович Кудрявцев.

Кудрявцев — эпоха в наших коньках. Человек большой эрудиции, тонкого интеллигентного ума, он пользовался огромным авторитетом у всех, с кем работал. Сколько знаменитых чемпионов могут гордиться тем, что были его учениками! Разве назовешь всех, кто прошел обучение в школе «великого маэстро»!

— Все мы так или иначе идем от Кудрявцева, — сказал о нем Муратов. Под этими словами могло подписаться не одно поколение советских скороходов.

Да, в пору триумфа Муратова Кудрявцев острее кого бы то ни было чувствовал, как команда нуждается в обновлении. И он искал, к каждому новичку присматривался пристально, с надеждой. И уже на

исходе того сезона в сборной замелькали новые имена — Евгений Куликов, ленинградец Александр Сафронов, москвич Андрей Маликов, горьковчанин Александр Демидов. Особое внимание привлекали Куликов и Сафронов. Они были такие разные эти новички — страстный, открытый, застенчивый Куликов и расчетливый, хладнокровный, напористый Сафронов. Будто это про них сказано — лед и пламень. Но обоих объединяла одна страсть — спринт, и Кудрявцев верил в их талант, верил, что рядом с Муратовым они быстро окрепнут, и заботился о них с особой любовью, и когда любимцы появлялись на льду, с тренерской «биржи» доносился его ласковый голос:

— Ну-ка, любезные, извольте аккуратно пройти повоч рот. И не пританцовывайте, вы ведь не на танцплощадке

«Детский сад» Кудрявцева окреп быстро, рос, ка в сказке, не по дням, а по часам. Уже в 1975 году дво новичков оказались на пьедестале чемпионата мира в Гете борге: Сафронов получил золотую медаль (вторую в истории нашего спринта вслед за Муратовым), а Куликов—! серебряную. Да еще и сам Муратов стал бронзовым призером. Такого триумфа в истории спринта ни одна команда не знала ни до, ни после Гетеборга.

Каток «Уллеви», где проходил чемпионат, был ошеломлен. Были сбиты с толку и журналисты: этих русских парней, кроме Муратова, они раньше в глаза не видели. И теперь при встрече путали их и безжалостно коверкали их ни в чем не повинные фамилии. И только Кудрявцев, как всегда, невозмутимо объяснил наседавшей публике:

— Я был уверен в этой тройной победе еще задолго до чемпионата. В наши коньки пришло новое поколение спринтеров. Талантливых спринтеров. Часть из них осталась дома. Если понадобится, они в любой момент могут заменить членов нынешней сборной.

Все хорошо знали Кудрявцева. Знали, что он не терпит бахвальства. И все же в слова его верили с трудом.

Вскоре сомнения рассеялись. Рассеялись после того, как на спортивный мир обрушилась с Медео лавина неслыханных рекордов. Авторами их были недавние лауреаты Гетеборга. Сегодня те рекорды 1975 года на Медео кажутся архаичными, время, а вместе с ним и спринт, ушло-убежало вперед — на той же пятисотке уже десятков спринтеров выбегают из 37 секунд и готовы штурмовать новые рубежи. Но и для нашего, и для мирового спринта та весна была знаменательной — она открыла дверь в новый мир скоростей, перевернула наше представление о времени.

Не все из «золотой» команды-75 смогли затем понять, в чем состоит их долг. Одним так и не хватило решимости подняться над собой — затерялись в толчее середнячков. Другие свой талант растворили в мелочном тщеславии, в мелких обидах, больше заботясь о своем «я». Калифом на час оказался чемпион мира Александр Сафронов, а ведь его даже скупой на похвалы Кудрявцев считал спринтером одареннейшим, с большим будущим. Но пошли на убыль и тренировки, и прилежание, и звезда чемпиона закатилась столь же стремительно, как и взошла. Вот когда особенно остро чувствуешь, как велика ответственность человека, нравственная в том числе, перед партнерами, перед командой, перед самим собой, наконец. Не всем эта тяжелая ноша бывает по плечу.

Верность идеалам команды сохранили двое. Из «стариков» — Муратов. Из новичков — Куликов. Оба прошли свой путь до конца, и до конца исполнили свой долг. Муратов выступал на льду до 32 лет. В 32 года еще оставался в строю и Куликов. Не числился, а именно оставался. После олимпийской победы в Инсбруке-76 он следующие четыре года будет практически единственным, кто сможет на равных сражаться с лучшим скороходом всех времен американцем Эриком Хайденом, чья звезда взошла в ту пору, и еще на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде в 1980 году завоюет серебряную медаль на милой своему сердцу пятисотке, и медаль эта будет на вес золота...

Теперь, спустя годы, легко увидеть прекрасную эстафету нашего спринта. Первым дорогу на олимпийский пьедестал проложил Гришин. В нашем конькобежном спорте вообще и в спринте в

частности. Гришин ушел, и на льду он оставил сводить счета с секундами и соперниками своего ученика Муратова. И именно Муратов, великий труженик, перебросил мостик от Гришина к Куликову, а уж тот своим яростным спринтом привлек на лед юное поколение восьмидесятых во главе с Игорем Железовским.

Его взлет стремителен, как и сам конькобежный спринт. К 22 годам минчанин Игорь Железовский дважды становился чемпионом мира, сейчас на его счету более десяти мировых рекордов, звание чемпиона СССР в многоборье и на отдельных дистанциях, он бронзовый призер Олимпиады-88 в Калгари. Он жаден до побед и рекордов, никогда не откладывает их на завтра.

Кто же он, этот нетерпеливый чемпион?

...Стадион «Тиалф» в Херенвене — этакая ковбойская шляпа с загнутыми вверх полями. Не с каждой трибуны и разглядишь толком, что творится на льду. Но есть на «Тиалфе» точка, с которой видно все. Она находится в приземистом, с оранжевыми обоями ресторанчике катка, где в дни больших конькобежных событий оборудуется пресс-центр.

24 февраля 1985 года из прокуренного пресс-центра «Тиалфа» без труда можно было разглядеть двоих, что замерли у стартовой черты. Один — высокий, чересчур высокий по меркам конькобежного спринта, чуть угловатый и чуть напряженный, другой (словно для контраста был выбран) — коренастый, приземистый, весь пылающий на фоне голубого льда в своем ярко-красном костюме. В обтекаемых комбинезонах, в причудливых застывших позах, они казались отсюда, с высоты ковбойской шляпы «Тиалфа», существами фантастическими, будто нарисованными. Именно эти двое — Игорь Железовский и канадец Гаэтан Буше — должны были дать ответ на главный вопрос мирового чемпионата — кому из них быть «королем» спринта-85.

Их рост никак не соответствовал тому положению, которое они занимали в высшем конькобежном обществе. Железовский — его имя даже в стартовых протоколах поначалу писали с ошибками. И не удивительно. Дебютант чемпионата, новичок в сборной СССР, он до

1985 года на международной арене практически не появлялся, на взрослых турнирах не выступал, да и дома лавров не снискал. Что касается маленького Буше, то титулы его были велики, а репутация безупречна. За год до этого 26-летний спринтер собрал на катке «Зетра» в Сараеве-84 коллекцию из трех олимпийских наград — двух золотых и одной бронзовой. Тогда в пресс-центре Олимпиады счастливый Буше заявил журналистам:

— Я бесконечно рад, что стал наконец первым. Надеюсь, что это место не уступлю никому по крайней мере в течение четырех лет — до зимних Игр 1988 года на моей родине в Калгари.

Но Буше ждало фиаско. Пройдет всего минута и 15 секунд после выстрела стартового пистолета в Херен-вене, когда станет ясно, что в историю конькобежного спринта вписано новое имя. Именно столько времени понадобится Железовскому, чтобы промчаться последнюю дистанцию 1000 метров и на глазах изумленного катка обыграть героя Сараева и в забеге, и по сумме всех четырех дистанций.

Тогда многие, в том числе и Буше, назвали этот взлет дебютанта случайным. Но пройдет еще год, и Железовский вновь, теперь уже на льду японского катка Каруидзава, уверенно обыграет и канадца, и всех своих грозных соперников и вновь взойдет на пьедестал. Тогда-то его назвали одним из наиболее ярких последователей Евгения Гришина.

А вообще-то ему прочили лавры не Гришина, а Эйнштейна. На худой конец просто талантливый физика или математика. С первого до десятого класса в оршанской школе № 6 он решал любые задачи так легко и весело, будто речь шла только о том, сколько будет два плюс два. В школе его так и прозвали: Маленький Эйнштейн.

В конькобежную секцию его тоже привела страсть познать нечто новое, неизведанное. Суровые зимы и прочный лед в белорусских краях редкость, на коньках мало кто из мальчишек умеет бегать по-настоящему. Л тут представилась возможность научиться — молодой тренер Николай Гапеенко открывал первую в Орше школу по конькам. Тогда-то Маленький Эйнштейн и взялся решать новую задачу — теперь из области конькобежной математики.

Заслуженный тренер СССР Гапеенко вспоминает:

— Игорь, безусловно, мальчишка был способный, это я заметил сразу. Но до чего занозистый, неуравновешенный! Так мне казалось тогда, и для того были основания: то занятия пропускал, то вдруг с тренировок сбегал. Я однажды не выдержал. Разъяренный, приезжаю к нему домой, переступаю порог и вижу картину: Игорь нянчит младшего брата Валерку. Только потом выяснил: отец их рабочий, мать продавщица, с утра до вечера на работе, вот и оставляли Игоря на хозяйстве. Оттаял я тогда, щадящий режим ему назначил, а он заупрямился: «Не надо мне никаких поблажек, я в свободное время план отработаю!» И отработывал. Парень он со стержнем, крепкий на излом, это ему здорово в жизни пригодились.

Вообще, могло случиться, что в неконькобежной Орше появилась бы целая семья конькобежных чемпионов. Наслушавшись упоительных рассказов старшего брата о бешеных скоростях, о специальных коньках со стальными беговыми лезвиями, решил податься в коньки и Валерка. Мальчишка проявлял удивительные способности. Но случилась беда: Валерку почти на целый год уложила на больничную койку серьезная болезнь. О спорте пришлось забыть. Быть может, в тот трудный год особенно проявилась близость братьев — не просто братьев, но истинных друзей, проявилось и умение Игоря подставить другу свое плечо в трудную минуту.

Виктор Шашерин, рекордсмен мира, близкий товарищ Игоря, рассказывал, как они однажды поехали на «жигуленке» с Медео на Чимбулак — на горнолыжную базу. Утренний мороз сковал мокрое после вчерашнего дождя шоссе, а в гололед и из Алма-Аты на Медео добраться непросто, а до Чимбулака, который еще выше, — сплошные мучения.

— Машина рычала на первой передаче, визжала, — вспоминал Шашерин, — но в гору упрямо идти не хотела. Помню, я вышел из себя, злился ужасно, рвал педаль акселератора, а все без толку. Наверх взобраться не можем, вниз спускаться опасно. Хоть плачь от досады. Тогда Игорь вылез из машины и несколько часов подталкивал ее вверх по чистому льду. Я ругался, кричал ему, чтобы он влез в машину —

переждем, мол, непогоду, не пропадем, в самом деле. А он только смеется, кричит: «Рано сдаваться! Давай докажем, что мы сильнее обстоятельств. Давай выберемся сами!» И что вы думаете? Выбрались! Взобрались на горку. Игорь стоит у ущелья, шатается и размахивает руками. «Ну, кто сильнее, горы? Вы или мы? То-то!» Наверное, с такими людьми страшно не бывает.

В больнице у Валерки они читали вслух Пушкина, старший брат приносил записи Чайковского (специально ездил в Минск в театр оперы и балета смотреть «Лебединое озеро»). Но более всего любили братья Достоевского — писателя, который и не для всякого взрослого понятен, доступен, а откуда к нему такая привязанность у юношей, у характеров еще не сформировавшихся, — этого они и сами объяснить не могли.

— Просто чувствую его, — говорил как-то Игорь, — чувствую его страдания и любовь, страх и оптимизм. А вот чтоб объяснить, как в школе, — то-то нравится, а то-то нет, — не могу. Да и зачем говорить вслух о том, что интимно, что скрыто?

Это умение мыслить глубоко, не банально, чувствовать остро, тонко помогает ему в жизни переносить и многие тяготы, и неудачи.

Его спортивный путь наверх начинался легко, без каких-либо осложнений. Стал лучшим сначала в секции Гапеенко, потом в городе — пригласили в сборную республики к тренеру Олегу Кривошееву. В 15 лет — еще в школе учился — завоевал в Коломне на юношеском первенстве страны серебряную медаль — зачислили в молодежную сборную. В 18 стал серебряным призером юниорского чемпионата мира — получил приглашение в первую сборную СССР от самого Валерия Муратова. Перед молодым спринтером открывалась дорога к большим победам и признанию. И вдруг...

У какого спортсмена не бывает неудач, какой конькобежец избежал на скользком льду падений? Но за какие-то несколько сезонов на долю Железовского выпало столько неудач, что их могло бы хватить на иную спортивную жизнь.

...Поздняя осень 1981 года. Идет отбор в сборную страны к главным стартам года. Он среди основных кандидатов. Но... Железовского увозят в больницу с высокой температурой. Диагноз: двустороннее воспаление легких. Вычеркнуто два месяца из тренировок.

1983 год. Осенний тренировочный сбор в Цахкадзоре. Он уже в сборной у Муратова, надо закрепляться в составе команды. Но во время крутого спуска на велосипеде по узкой горной дороге на высокой скорости вылетел в кювет, потерял сознание. Полтора месяца проходил на костылях — время для серьезной подготовки к олимпийским стартам будущего года было упущено.

Январь 1984 года. Москва. Искусственный каток «Динамо». Чемпионат СССР — главный отборочный турнир к олимпиаде. Он все-таки успел встать на ноги, войти в число кандидатов на поездку в Сараево. Настроение было боевое. И вдруг во время забега под ним ломается лезвие конька. В результате дорога в Сараево ему была закрыта.

Все. Можно сесть, закрыть лицо руками...

И все же он всякий раз находил в себе силы, чтобы встать и продолжить бег. Продолжить схватку с неудачами. И из этой схватки он вышел возмужавшим, окрепшим — вышел победителем.

После забега в Херенвене, того самого последнего, на 1000 метров, где и решалась судьба чемпионского звания, Игорь, усталый и опустошенный, едва пробился к раздевалке и вдруг столкнулся с Буше — маленьким, взмокшим, в расшнурованных кроссовках на ногах. Игорь хотел было пропустить канадца, но тот устало посторонился и показал рукой: «Прошу, вам по рангу теперь идти первым».

Ценность совершенного этими спринтерами разных поколений измеряется не только медалями, рекордами и призами высшей победы. Каждое их выступление звучало сигналом к борьбе, к победе. И призыв этот был услышан. На него откликались те, кому суждено было продолжать дело своих предшественников. Так было и в конце 50-х, в эпоху Гришина. Так было и в начале 70-х, в эпоху Муратова. Так было

и в конце 70-х, в эпоху Куликова. Так обстояло дело в те годы, когда на льду блистал Железовский и его друзья. В этой эстафете поколений и состоит истинная сила советской школы спринта.

Лев Россошик

КОЛЕСО СУДЬБЫ

— Рука-то у вас, похоже, легкая, — сказала Таня Аверина. Поправила свою лисью олимпийскую шапку, помолчала. А потом добавила: — Вот бы и сейчас так...

Когда в Шереметьево провожали олимпийцев на Белые игры 1976 года в Инсбрук, настроение у ребят было праздничное, приподнятое. Как и подобает моменту. Последние наставления, пожелания, поцелуи.

А Таня Аверина стояла в стороне. Вся в себе — суровая, угрюмая даже. Не знаю уж, какие мысли ее в этот момент обуревали. Мог лишь догадываться, что были они совсем не радостными. Хотя печалиться вроде и нечему было. Ехала она на свою первую олимпиаду. Ехала лидером нашей конькобежной сборной. Бесспорным лидером, от которого, понятно, многого ждали. Но ведь и прежде, отправляясь из Шереметьево на различные чемпионаты и турниры, от нее каждый раз непременно ждали только победы. А ее-то и не было, хотя не раз и не два бывала она близка к успеху.

Она во всем старалась быть первой, непревзойденной. Но, что важно, не честолюбие двигало ею, а какая-то обостренная добросовестность, необходимость довести дело до логического конца и качественно. Это у нее с детства — в рабочей семье Авериных детей приучали все делать на совесть. Потому и трудилась она на тренировках неистово, до самоистязания. И победы, и награды высшие давно заслужила. Но не было их до поры, все обходили они Аверину стороной. Порой казалось, что некий злой рок все это время ее преследовал. И этими своими срывами и падениями снискала она себе славу хронической неудачницы, вечно второй. Но ведь когда-то должна была и ей улыбнуться фортуна!

«Падая и вставая, ты растешь», — утверждал когда-то известный голландский скороход Корнелиус Феркерк. Похоже, эта мысль подсознательно жила в ней всегда. И помогала переносить превратности судьбы. Жизнь не бывает гладкой. Она как зебра — за светлой полоской обязательно последует темная. Так вот черного в ее спортивной биографии длиною в четверть века было значительно больше, чем белого. Скоро контрасты перестали ее смущать, она делала свое любимое дело с оптимизмом. Но фортуна упорно не желала поворачиваться к ней лицом, а судьба как будто бы задалась целью выковать ее характер в экстремальных, тягчайших условиях.

Жребий, казалось, был всегда к ней не благосклонен, бежала она каждый раз перед своими основными соперницами. Даже погода зачастую портилась, когда Татьяна выходила на старт. А если прибавить к этому и непредвиденные эксцессы — падения, сбои и просто травмы, — то можно понять ее состояние.

И все же она была склонна относить все неприятности к разряду случайностей, к неблагоприятному стечению обстоятельств.

— Сейчас понимаю, что многих случайностей могло бы не быть, если бы я их заранее... не прогнозировала, призналась недавно Аверина. — **Под** таким натиском несчастий у меня сложился стереотип: **выходи на старт**, знала, что со мной обязательно **должно что-нибудь случиться**. Это сковывало, мешало **настроиться** па борьбу, и самые черные мои прогнозы **обязательно сбывались**. Я благодарна тем людям, которые, несмотря **ни на** что, продолжали верить в меня, оказывались рядом в трудную минуту.

А их много, этих людей, которые протягивали Татьяне руку помощи. Это и первый тренер Антонина Ивановна Вереина, которая была для нее не столько спортивным наставником, сколько второй матерью. Она научила девочку мудрости и доброте. Потом Таня прошла школу мужества у Роберта Викторовича Меркулова, где закалилась физически. Многим обязана она и бывшему тренеру сборной страны Евгению Николаевичу Красильникову, который вывел ее на победные рубежи: на чемпионате Советского Союза по спринту в 1973 году Авериной удалось впервые обойти подруг по сборной. А там что ни

спортсменка, то имя: Статкевич, Титова, Каунисте были в то время непревзойденными лидерами коньков не только в стране — в мире.

Но самыми своими большими победами она обязана Борису Андриановичу Стенину. Это он, проанализировав ее дневники, в которых самым повторяющимся словом было «устала», переориентировал подготовку талантливой спортсменки, сделал ставку на технику бега. И результаты не заставили себя ждать. В 1974 году Авериной удалось завоевать второе место на чемпионате мира по классическому многоборью и установить четыре мировых рекорда.

— Не хочу молчать и о своих ошибках, которые долго не позволяли достигнуть больших высот, — говорила

Таня. — Может быть, кому-то послужат они уроком. Желание победить, во что бы то ни стало доказать свое превосходство, оправдать доверие иногда застилало, отключало сознание. Считала, что чрезмерное мускульное напряжение, стремление к лидерству — это и есть верный путь к победе. И горько ошибалась. До сих пор вспоминается мне тот злополучный чемпионат мира по спринту в 1974 году. По трем дистанциям я набрала приличную сумму и оторвалась от своей основной соперницы почти на три очка. Чтобы победить в сумме многоборья, мне требовалось чуть быстрее, чем на тренировке, пробежать последнюю дистанцию. Соперница выпала серьезная — американка Шила Янг. Со старта она задала высокий темп — видно, поставила перед собой задачу непременно победить на этой дистанции. Пройдены первые 200 метров. Стараюсь не отставать, хотя чувствую, что скорость очень высока. Позади круг, и вдруг сквозь пелену слышу голос диктора. Идем с опережением графика мирового рекорда. На переходную прямую выскакиваю чуть впереди Янг, но соперница делает отчаянное усилие, и вот мы бежим уже шаг в шаг. Прямая кончается. Резко выпрямляюсь, торможу и пропускаю Янг вперед. Сделала все, как предусмотрено правилами. Финишировала чуть позади Янг, но это не имело никакого значения. Долго не могла прийти в себя. Неужели я чемпионка? Поздравления посыпались со всех сторон.

В таком радужном настроении качусь по ледовому овалу, и вдруг голос диктора буквально пригвоздил меня к месту. Не верю своим ушам: за грубое нарушение правил соревнований меня дисквалифицировали со всеми вытекающими последствиями. Не описать словами, что я тогда почувствовала. Слез не было, потому что не было сил, чтобы заплакать. Какая-то щемящая тоска навалилась на меня. Я просто окаменела. И хотя тренеры нашей сборной пытались исправить положение, писали протесты, показывали членам международной федерации видеозапись забега, а пресса с возмущением рассказывала об украденной медали, я-то знала, что медаль эту сама у себя украла. Азарт, желание выложиться без остатка сыграли печальную роль. Я рисковала, погнавшись за своей соперницей. Итог известен. Поостыв, задавалась вопросом: имела ли я на это право? Тогда, в конкретной ситуации — нет.

И все-таки в спорте не рисковать нельзя. Я рисковала, может быть, чаще, чем требовалось, поэтому иногда горько расплачивалась.

Только спустя годы, кажется, понял, почему была тогда, перед отъездом на Олимпиаду в Инсбрук, Таня Аверина сама не в себе: вспомнился ей, похоже, тот самый злополучный спринтерский чемпионат. Ведь он тоже в Инсбруке проходил. Всего раз и улыбнулась тогда в Шереметьево Аверина: выпросили у нее эту улыбку — для снимка. Когда поднимались они по трапу в самолет, не вытерпел и крикнул: «Таня, девочки, ну что вы кислые какие-то?» Она буквально выдавила из себя улыбку, но фотокорреспондент был доволен.

Видимо, этот эпизод имела Таня Аверина в виду, когда говорила про легкую руку: ведь мы были последними здесь, на нашей земле, кто пожелал ей доброго пути и удачи.

Четыре дня продолжалась женская конькобежная программа Белой олимпиады. Эти-то четыре дня и изменили все в ее жизни. Смогла она в это короткое время переломить себя, перебороть. Да и судьбу тоже. Первые два дня были для нее «бронзовыми»: дважды после двух дистанций поднималась Аверина на пьедестал, но пока па самую его низкую ступеньку. И если после полуторки была она суровой и угрюмой, такой, какой мы ее видели в Шереметьево перед отлетом в

Инсбрук, то после второй дистанции — спринта — Таня сияла, была на удивление разговорчивой, общительной. Так, во всяком случае, рассказывали те, кто общался с ней тогда в Австрии. Потому что был у той, второй ее бронзовой медали золотой отлив. Именно в этот день состоялось рождение будущей олимпийской чемпионки. Именно в этот момент произошел столь долго ожидаемый переворот в ее сознании. Короче, «бронза» эта была равна победе. Победе над собой.

Накануне торжествовала Галя Степанская, выигравшая главную награду на дистанции 1500 метров. А Таня так переживала поражение (бронзовую медаль на своей любимой дистанции она расценила как большую неудачу), что даже не выдержала — расплакалась. Тренеры терялись в догадках, заявлять ли ее на пятисотку. Долго совещались, а потом все-таки решили: пусть бежит. Посчитали, что так будет даже лучше для нее. И не ошиблись.

Но и в свой самый счастливый день, 7 февраля 1976 года, когда стала она наконец первой конькобежкой планеты, завоевав золотую олимпийскую медаль, все опять было не слава богу. Случилось следующее: заявили Аверину на дистанции 1 000 метров во вторую группу — вторую дюжину спортсменок, которая должна была стартовать по-еле заливки льда. Но в стартовых протоколах имя советской конькобежки значилось... в шестой паре, то есть последней перед перерывом. Как такое могло произойти? Оказалось, в первую группу было включено одиннадцать участниц, недоставало одной для комплекта. Чтобы заполнить вакансию, было решено бросить жребий. Так вот, из 17 заявленных во вторую группу спортсменок случай (напасть какая-то!) выбрал именно ее. «Таких невезучих просто не бывает», — в сердцах отреагировал на ситуацию Стенин.

Но она бросила вызов судьбе, и на этот раз оказалась сильнее ее — преодолела 1000 метров за 1.28,43 и взошла на самый верх олимпийского пьедестала.

На следующий день вновь поднялась на уже знакомую верхнюю ступеньку подиума за своей второй высшей наградой Белых игр. Это был последний, решающий старт конькобежного турнира женщин. Теперь уже вся ответственность за его исход в нашей команде,

понятно, легла на Аверину. Она же после победы накануне пребывала в состоянии, которого ни сама Татьяна, ни ее тренер, ни люди, знавшие ее хорошо и давно, прежде не замечали: она была — сам порыв, всплеск вдохновения и, главное, уверенности.

И график бега ее на нелюбимой трехкилометровой дистанции, и время, показанное на финише, — 4.45,19, что выше прежнего олимпийского рекорда, — все-все говорило об этом. И вот что интересно, до того дня даже на знаменитом Медео Аверина в своем лучшем забеге показала результат на три секунды хуже олимпийского.

И все же поздравлять горьковчанку с наградой не торопились: слишком хорошо знали все роковые моменты, связанные с ней, превратности судьбы. И опасения эти не напрасными были: на олимпийском ледовом овале творились чудеса. Вначале сломя голову бросилась крушить аверинские секунды норвежка Лисбет Корсму, но не дотянула самую малость—0,05 секунды. Потом 15-летняя Андреа Мичерлих из ГДР от круга к кругу улучшала график нашей конькобежки и довела свое преимущество аж до семи секунд! Но, похоже, по молодости не рассчитала силы и, хоть и опередила на сотую долю норвежку, от Авериной отстала.

Потом назовут ее лучшей конькобежкой мира, а финская «Кансан уутисет» напишет: «Королева скоростного бега на коньках была непревзойденной на льду Инсбрука...»

Встретились мы с «королевой» на катке стадиона Юных пионеров, на тренировке. Накануне она поздно вечером прилетела в Москву из Инсбрука, а на следующий день ей предстояло совершить полет уже по новому маршруту — из Москвы в Осло, в Норвегию, на мировой чемпионат. Так что отдохнуть было некогда. Даже домой, в Горький, заехать не успела. Только позвонила маме, сказала, что все в порядке, что выполнила ее материнский наказ, справилась о здоровье (приболела немножко Валентина Ивановна Аверина, от переживаний поднялось у нее давление), пожелала скорейшего выздоровления, пообещала ненадолго заехать сразу же после окончания чемпионата мира.

Собрались в тот день на стадионе все, кто имел к ней, к Авериной, к ее олимпийским победам самое непосредственное отношение. Борис Андрианович Стенин — тогдашний тренер сборной и наставник Тани — на коньках, с секундомером. Его супруга — известная в прошлом конькобежка, трехкратная чемпионка мира Валентина Сергеевна Стенина — с кинокамерой, то и дело пускала в ход свой стрекочущий аппарат, дабы запечатлеть различные фазы тренировки «королевы». А чуть поодаль, у кромки льда, тоже тренерская чета, первые конькобежные учителя Авериной, специально приехавшие из Горького повидаться с ученицей, — Антонина Ивановна и Аркадий Сергеевич Вереины.

...Тане еще пяти лет не было, когда отыскала она в сарае старые отцовские коньки. Подвязала веревками к валенкам — и на улицу. Тогда горьковчане по всей стране гремели своими конькобежными чемпионами, и коньки были прямо-таки поголовным увлечением мальчишек и девчонок в городе на Волге. Валом валили ребята на стадионы, от желающих заниматься коньками отбоя не было.

Покаталась Таня на старых ржавых «снегурках», посоревновалась с мальчишками в своем Урожайном переулке. Увидела у кого-то настоящие коньки на ботинках — и к матери: «Купи и мне такие же». Так и настояла на своем. А потом пошла на стадион, в секцию настоящую записываться. И большим докой, знатоком своего дела, надо было быть Антонине Ивановне Вереиной и ее супругу, чтобы распознать в совсем еще маленькой девочке прирожденный талант к конькам. Конечно, не думали они тогда, что вырастет из Авериной олимпийская чемпионка, но что будет хорошим мастером — верили, не сомневались нисколько.

Теперь вот стояли Вереины в сторонке, наблюдали внимательно, как раскручивала Таня ледовый эллипс стадиона Юных пионеров.

— Давненько не видела я у нее такого хода, — заметила Антонина Ивановна.

— Силу Таня наконец почувствовала. Как год назад на Медео, где столько рекордов поставила, — поддержал Стенин...

В Норвегии она опять не стала чемпионкой мира — вернулась с очередного первенства второй год кряду с серебряной медалью. Проиграла в итоге совсем немного новой чемпионке — канадской конькобежке Сильвии Бурке — всего 0,443 очка по сумме четырех дистанций. В пересчете на время это какие-то ничтожные три секунды. Можно, конечно, вновь сетовать на злополучный жребий — бежала Аверина последнюю дистанцию раньше канадки. Мне же показалось тогда, что причина проигрыша была на сей раз вполне конкретной и определенной: просто устала немного олимпийская чемпионка — не так легко достаются олимпийские награды.

...Как-то вычитал у одного восточного мудреца любопытную сентенцию: «Ломай колесо судьбы, если оно начнет вращаться вопреки твоему желанию». После Инсбрука это злополучное колесо, казалось, должно было крутиться уже по воле Авериной, а не привычного уже случая. Похоже, взяла Татьяна власть над ним. Ан нет! Еще долго обходила ее фортуна стороной.

И только весной 1978 года удалось-таки ей выиграть звание абсолютной чемпионки мира на катке «Оулункюля» в Хельсинки. Причем многое зависело от того, как пробежит трехкилометровую дистанцию Степанская. Чтобы обыграть горьковчанку по сумме, ей нужно было показать в забеге время на 6,28 секунды лучше Авериной. Тем более что результат последней был уже известен — 4.58,59. Но как ни старалась Степанская, смогла она отыграть чуть меньше четырех секунд. Можете себе представить, что переживала Аверина во время забега подруги по команде. Какие нервы нужно иметь... Но стала-таки она абсолютной чемпионкой и была наконец увенчана лавром благородным. Интересная деталь: большая золотая медаль Авериной была двадцатой высшей наградой советских спортсменов.

Но вот ведь как в жизни бывает: уже всеми, казалось бы, имеющимися в спорте титулами владела Татьяна, кроме одного — ни разу не удавалось ей стать победительницей чемпионата страны в многоборье. Только в 1979 году смогла-таки она доказать, что является первой конькобежкой страны. Как оказалось, это был последний большой

успех спортсменки. Хотя мечтала она о новом олимпийском старте, даже готовилась выступить в Лейк-Плэсиде.

Впрочем, послушаем Аверину.

— Побеждала я более молодых и сильных подруг по сборной страны. Среди них было много одаренных спортсменок. Кометой проносились они по конькобежному небосклону. Вспыхивали и гасли, даже не успев разгореться. Потому что слишком программировали свои шаги, слишком уж всего боялись: перетренировки, простуды, соперниц. Все это притупляло желание взять на себя бремя лидерства. И в итоге сейчас в женских коньках мы пришли к такому плачевному результату. Не могут наши девушки сомсрни чать с зарубежными бегуньями, пасуют перед трудностями. Не секрет, что желание их выехать за границу штт гут сопровождается и чисто меркантильными ннтсрп ими.

Больно это и обидно. Это не 111с. К со ка нчшю, до < их пор в нашей стране нет системы подготовки опльиич

спортсменов. Я думаю, это характерно не только

кобежного спорта. Нет единой методики, нашим ти. Зачастую как бывает? «Стрельнул» вдруг кто то на опил ственных стартах, его заметили, пригласили в «борную. Но тут вдруг главным преияк гнием пы< гуптч гр< мер 01 личившегося. Он, как правило, считает, что его ученику лучше находиться при нем. Пот и варится спорт* мен в собственном соку. Ничего хорошего из этого не по |уча ется. Изоляция, искусственно создаваемая личным трене ром, обязательно сказывается на результатах. II мы недосчитываемся еще одной звезды.

А почему бы нам не поучиться в этом плане опыту зарубежных коллег — из ГДР, например? У них-то ведь давно есть и этапность, и система, и методика. Думаю, ничего зазорного в этом нет. Не хочу тем самым умалять достоинство наших тренеров. Наверное, и у нас есть своя методика, скорее всего — обилие методик, которые и порождают бессистемность.

Сейчас у меня появилось много свободного времени: ращу двух сыновей — Сергея и маленького Антошку, учусь быть заботливой матерью, женщиной, домохозяйкой. И совсем это не просто, если, конечно, по-настоящему.

В 1980 году, когда появился первенец, еще не успев остыть от лихорадочного темпа спортивной жизни, я все рвалась куда-то. Чувствовала, что не исчерпала себя, что могу еще сражаться на равных с лидерами коньков. А дом в тот момент был мне просто ненавистен: неумехой чувствовала себя у плиты, подсказать, поучить было некому. Монотонность и размеренность будней утомляли. Единственным человеком, понимающим меня и разделившим со мной все муки, был муж — Владимир Барабаш. Каждая бытовая неудача выбивала меня из колеи, заставляла паниковать. Приземлял, наставлял и подсказывал мне Владимир. Именно он поддержал и одобрил мое желание вернуться в спорт. Через два месяца после рождения Сергея приступила к тренировкам. Вставала в 6 утра и до ухода мужа на работу бегала, делала специальные упражнения. То же повторялось и вечером, когда Владимир приходил с работы. С каким упоением ощущала, что мышцы наливаются силой. Проснулась неуемность, жадность до тренировок. Каждый раз выполняла намеченное себе задание как будто в последний раз. Выкладывалась до конца, и, как вы догадываетесь, опять переусердствовала.

Что-то во мне сломалось. Посоветовалась с мужем и решила, что пора уходить из большого спорта. Поняла, что первой уже не быть, а на другие роли была не согласна.

Здесь я впервые за всю мою жизнь растерялась. Куда пойти, а вернее — где себя найти? Тренерское поприще для себя отмела сразу, хотя и лежал в кармане диплом тренера. Гореть, как горели мои тренеры, я, наверное, уже не смогла бы. Ну а коптить не привыкла. По совету Лидии Павловны Скобликовой поступила в Высшую школу профдвижения на факультет подготовки кадров для туристских заведений. Быстро пролетели три года, и опять всплыла проблема выбора. В Центральном совете своего родного общества «Буревестник», куда пришла работать, поручили мне отвечать за

агитацию и пропаганду. Просидела там недолго, потому что не привыкла занимать чужое место. Да и сушила душу бумажная круговерть, хотелось поближе к людям, к живому делу. А тут и реорганизация — родилось новое объединенное общество профсоюзов. Доверили кадровую работу.

Скрывать не стану: полного удовлетворения работа мне пока не приносила. Чего мне не хватало? Осязаемости, творчества. Словом, того, к чему так привыкла в спорте. Сейчас, во время вынужденного перерыва, есть время подумать, определиться, осмыслить. Не так-то просто найти равноценный заменитель спорту. Но верю, что поиск этот увенчается успехом.

Хороший спортсмен в чем-то сродни хорошему актеру. Должно быть, потому, что и тот и другой концентрируют на себе внимание, заставляют зрителя гадать: каков он вблизи, чем живет? Ласма без коньков не похожа на ту, которую привыкли видеть на ледяной дорожке. Не похожа и внешне, и внутренне. Дома она кажется почти хрупкой, угловатой в движениях, робкой в разговоре. И коньки, на пластиковых чехлах которых ножом нацарапано «Ласма», наводят на совсем другой образ, главные черты которого — сила, выносливость, воля, спортивная злость. Она иная в отсветах льда. Хотя нет, все та же: угловатая в движениях, хрупкая. Но не робкая. В спорте просто нельзя быть робкой. И первой соперницей волевой Ласмы была Ласма робкая, которую приходилось постоянно злить, заводит, науськивать на борьбу. Зритель же видел Каунисте только в работе, только после выстрела стартера, и не знал, что было «до», болел только за «после». И даже корявая техника Ласмы оставалась корявой только для тренеров, трибуны изъянов в любимице замечать не желали.

Не стоит спрашивать у женщины, давно ли ей было тринадцать лет, и давно ли Ласма Авотиня пришла в конькобежную секцию к Альфонсу Берзиньпу. Пришла, потому что ее воображение поразили Альфонс Берзиньш — первый латышский чемпион Европы в скоростном беге на коньках. Он прошел с Ласмой азбуку

коньков, научил ее твердо стоять на льду. Потом был Арвид Лейнерт, давший путевку в большой спорт мастеру спорта Ласме Авотине, и Евгений Красильников, стоявший у бровки в Девентере, чутко вслушивавшийся в «хлюпы» ласминых коньков, дирижировавший ее вице-чемпионским бегом.

Тогда, в 1967 году, каток Девентера напоминал скорее озеро: бежали чуть не по щиколодку в воде. Хлюп, хлюп, хлюп — словно метроном отмечал шаги. Под ногами — длинные лезвия коньков, как щуки под водой мерцают. И след остается щучий — быстрый, волнистый. О рекордах не думали, только шаги считали — хлюп, хлюп... В Девентере Каунисте сумела «дохлюпать» до серебряной медали в многоборье.

И после Гренобля-68 собиралась повесить коньки на гвоздь и полностью переключиться на маленького Райво, который, по мнению мамы, совсем отбилась от рук. И повод для прощания с коньками был веский: одиннадцатая на тысяче, пятая — на полуторке. Но прощание было отложено на год. И как теперь узнать, кто или что убедило хрупкую Ласму еще побороться с собой.

Тот же каток в Гренобле год спустя стал свидетелем триумфа упрямой латышки. Золотая медаль в многоборье стала главной реликвией домашнего музея Ласмы. Но вопрос, какая же она все-таки, чемпионка мира Ласма Каунисте, продолжает мучить до сих пор.

Ольга Линде

Она как-то сказала:

— Я выросла в Ленинграде у Поклонной горы. Между собой мы, ребята, именовали ее Смелой.

Что же, видимо, все обстоит именно так.

Поклонная гора... Лента шоссе, скользящая к Выборгу, старый дом на ленинградской окраине...

Нина Статкевич родилась в Москве, в предпоследнем военном году. Фронт уходил на запад, и ее родители, оставившие блокадный Ленинград, все чаще подумывали о возвращении в родные места. Не знали, только уцелел ли дом в том пороховом аду? К счастью, уцелел.

Неимоверно трудными были те годы. Девочка часто болела, к тому же дело осложнял врожденный недуг — Нина долгое время не могла ходить. Доктора прописывали витамины, а еще движение. Говорили, что девочка должна двигаться ежеминутно, иначе будет плохо. С витаминами было плоховато, ведь война только-только закончилась. С движением было совсем не в состоянии — не успев подняться, Нина сразу падала. Выручал брат Виктор. Считавший себя к тому времени уже вполне взрослым (а было-то мальчику едва девять лет), он стал таскать сестренку повсюду с собой. На мальчишеских сборищах Нина присутствовала постоянно и совсем скоро, к немалому удивлению врачей, пошла. Сначала спотыкаясь и падая, потом все уверенней и уверенней. Вскоре научилась лазать по деревьям, а когда пошла в школу, уроки физкультуры сделались любимыми.

Коньки в ее жизнь вошли далеко не сразу. Сначала были гимнастика, лыжи, весьма серьезно — легкая атлетика. И несколько побед на ледяной дорожке, одержанных на школьных соревнованиях, оставляли равнодушной. Лишь по окончании школы, уже во время работы на «Светлане» (где уже много-много лет работала мама, Галина Семеновна), Нина решила всерьез заняться коньками. Хотя, не перепутай девушка день тренировки и не приди на стадион в среду вместо четверга, может быть, этого бы и не произошло. В среду тренировались конькобежцы завода. Забыв о делах, два часа простояла Нина на стадионе, наблюдая за спортсменами. Выбор был сделан. Успехи пришли сравнительно быстро. Через месяц после начала тренировок Нина выполнила норму третьего разряда, еще через две недели — второго, а зиму

1963 года заводская спортсменка встречала перворазрядницей. В следующем году Статкевич уже мастер спорта, и, казалось, стремительный ее взлет не остановить. Но — срыв, диагноз которого перетренированность, на два года прервал траекторию взлета. На девушку со «Светланы» снова обратили внимание лишь в 1966-м, когда она взяла да й выиграла контрольные соревнования у сильнейших на сборах, куда попала, как не уставали подчеркивать тренеры, случайно. Дальнейшая хронология восхождения на спортивный Олимп — 11-е место на чемпионате страны 1968 года, на следующий

год — уже в пятерке, еще через год — первая! В том же году стремительная ленинградка стала обладательницей титула чемпионки Европы, а еще через год...

«Мы верим в тебя, Нина!» — кричали алые буквы огромного транспаранта, вывешенного под аркой стадиона в Ленинграде, где стартовал очередной женский европейский чемпионат. Трибуны гудели, как растревоженный улей, волна оваций катилась по многотысячным ярусам. Над одной из трибун взвились лозунги, написанные яркими красками и мгновенно все фоторепортеры устремились туда, потому что без всяких объяснений понятно, что в этом месте собрались рабочие со «Светланы». Нинин взгляд тоже устремлен туда, глаза отыскивают в толпе родное лицо: мама. Теперь все в порядке, и, облегченно вздохнув, девушка помчалась к линии старта. Что происходило в в последний день января 1971 года на льду ленинградского стадиона? Рушилось небо, над Петровским островом висел сплошной гул, и голос судьи-информатора, даже многократно усиленный громкоговорителями, беспомощно тонул и шуме трибун.

Статкевич была великолепа в своем победном стремлении, необыкновенная легкость сквозила в каждом движении, в каждом стремительном шаге на пути к «золоту». Разве могла она проиграть, если весь родной ее 54-й цех производственного объединения «Светлана» в полном составе пришел поболеть за свою Нину?

А через неделю, уже из Хельсинки, который, как и Ленинград, попал в полосу дождей, прилетела весть о том, что двукратная чемпионка Европы стала и чемпионкой мира. Она стала бесспорным лидером женской ледовой гвардии.

...Над Поклонной горой бродило лето. Теплый июль, купаясь в листве деревьев, разбрасывал по округе десанты одуванчиков. Она шла, касаясь головой веток сирени, думая о том, что впереди новые сражения за победу. Она думала об этом, идя по тихой ленинградской улице, по дороге к дому — дому своего детства.

Ольга Линде

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ГАЛИНЫ СТЕПАНСКОЙ

В 1970 году Галину Степанскую исключили из сборной. Приговор был суров: бесперспективна, не умеет держать форму, не отвечает задачам команды. В ту пору в ней блистали Статкевич, Титова, Каунисте, начинала восходить звезда Авериной.

Она приехала в родной Ленинград подавленная, потерянная.

Все, чем с таким упоением жила последние годы, оказалось напрасным: и неожиданная встреча в радиополитехникуме, где она училась, со знаменитой в прошлом конькобежкой и тренером Лидией Селиховой, и первые трудные шаги на льду, и первое

острое ощущение скорости, первые победы, и, наконец, приглашение в сборную...

Неужели все это было бессмысленным?

В слезах пришла она к главному тренеру ленинградского «Труда» Юрию Чистякову, спросила с отчаянием: «Что мне теперь делать?» Чистяков до тех пор со Степанской не работал, но на льду ее видел не раз и интуитивно чувствовал: девушка, бесспорно, талантлива, но ей нужен свой стиль бега, а следовательно, и свой особый метод подготовки. Об этом он сказал

на тренерском совете и добавил, что готов работать со Степанской, потому что верит в нее. «Дайте мне испытательный срок — один-два сезона. Мое условие простое: я буду работать с ней один. Я и она. И все». Степанской, которая ждала в коридоре, бросил:

— Завтра в двенадцать жду на стадионе.

Пурга замела, закрутила Ленинград. Лед на стадионе имени Ленина никто не заливал. Какой там лед! Чистяков поднял воротник пальто, взял в руки скребок и пошел по кругу, разгребая рыхлый снег. «Видишь эту полоску? — спросил Степанскую. — Запомни, на ней ты заново начинаешь свой путь в спорте».

О них нельзя сказать о каждом в отдельности: то-то сделала она, то-то сделал он. Все, чего они добились, потому, что их — двое.

— Представьте ситуацию: тренер взял ученика, — говорил Чистяков. — Он у меня побежит! Я его заставлю «лед грызть»! Из-за этого «лед грызть» мы потеряли и загубили немало талантов. Интеллект, тонкий индивидуальный подход — вот оружие педагога. И еще, конечно, честность перед учеником, а для этого нужно быть предельно честным перед собой. Приходит девчонка, а ей сразу подавай золотую медаль — и все тут! И не знает, не ведает, что впереди пот, слезы, будничные, прозаичные труд.

Не знает, что случаются и минуты отчаяния и что их-то пережить, пересилить — самое трудное. Многие перспективные, великие у вершины останавливались, сгорали. Я счастлив, что Галя Степанская до вершины дошла. Она была достойна этого.

— На льду он как мальчишка, — рассказывала Степанская о Чистякове. — Бегает, кричит, нервничает. Всегда что-то выдумывает. Он — бунтарская душа, великий упрямец. Но того же требует и от других. Работа — превыше всего. Не только физическая, но и умственная. Мысль всегда должна подчиняться делу.

Он крут бывал со мной и с другими. Но от него никто не уходил сам, потому что он всегда был справедлив. Эту справедливость остро чувствовали все его ученики, ставшие известными скороходами, — Дмитрий Бочкарев, Сергей Балашов, Андрей Ратников. Мы готовы были пойти за ним в огонь и в воду.

Ее возвращение в сборную было шумным и для многих неожиданным. После блестящих выступлений на домашних турнирах Степанскую, которую теперь трудно было узнать, взяли в 1973 году на чемпионат мира в шведский город Стремсунд. Там она, поразив всех, выиграла малую золотую медаль на своей любимой

дистанции 1500 метров — выиграла у своей знаменитой подруги Статкевич и у самой чемпионки мира голландки Кейлен-Делстры. Той же весной установила и первый в жизни рекорд — всесоюзный.

— Ну а теперь можно идти и к главной цели — олимпийской, — сказал Чистяков.

Олимпийский, 1976 год считается самым счастливым годом в спортивной биографии Галины Степанской. Так оно и есть на самом деле, если измерять его числом побед и наград. Золотая олимпийская медаль в Инсбруке. Мировой рекорд на Медео во время матча СССР—Голландия. Звание абсолютной чемпионки страны, когда она по всем статьям обыграла свою главную соперницу — Аверину. Об этом знали все, об этом наперебой писали газеты.

Но тот олимпийский год был в то же время и самым трудным в ее спортивной биографии. Об этом газеты не писали. Ноябрьский Свердловск, морозный и серый. Ветер в лицо. Распахнутая куртка. Сбившаяся набок шапочка. В глазах — отчаяние. Только что торжественно вручали олимпийские удостоверения кандидатам на поездку в Инсбрук. Ее, Степанской, в списках не было. Сочли, что есть более достойные претендентки. Она остро чувствовала несправедливость этого решения, и, казалось, жизнь

рушилась, как карточный домик. Ворвалась в номер Чистякова в гостинице «Свердловск», с порога крикнула: «Меня не взяли!» Чистяков был потрясен. Но быстро взял себя в руки и сказал то единственное, что он мог и должен был сказать в тот момент:

— Не взяли? Значит, не заслужила. Заслужи!

После Свердловска Степанская выиграла почти все предолимпийские старты на стайерских дистанциях, выиграла отборочный турнир, установила неофициальный мировой рекорд на Медео и заслужила-таки путевку в Инсбрук. Она и на этот раз встала, чтобы продолжить борьбу.

...5 февраля 1976 года перед забегами на 1500 метров Чистяков даже испугался, увидев ее в Олимпийской деревне. Она встретила его спокойной, отрешенной улыбкой. Глядя на ученицу, подумал: «Либо медаль будет, либо она в такой депрессии, что ничего не будет вообще».

Она бежала в седьмой паре после Авериной. Бежала чистенько, словно фигуристка в «школе», нарисовала великолепный график, равного которому в тот день еще не было, в том числе и у Авериной, — 2.16,59 секунды. Это и был рекорд катка, и новый олимпийский рекорд!

Стадион не верил своим ушам. Да и как можно было поверить в это! Перед стартом диктор даже не сумел правильно назвать ее фамилию — слишком она для него была трудная, а главное — незнакомая. После финиша он уже произносил фамилию по слогам, и в обычном бесстрастном голосе его звучали торжественные нотки.

Оставался только выход знаменитой американки Шилы Янг.

Очень она старалась настичь эту невесть откуда взявшуюся Степанскую. Но тщетно... «Русские большие хитрецы, — сокрушалась потом Янг. — Объявили на весь мир, что Аверина у

них самая сильная. Но откуда мне было знать, что у них еще и Степанская есть — замечательная, удивительная конькобежка!»

А Степанская тем временем, не скрывая радости, бросилась на шею Чистякову. Так они и полетели потом по страницам газет — двое, оставшиеся верными своей мечте. Пока репортеры щелкали затворами камер, Степанская шепнула на ухо тренеру: «Это победа для вас. Это мой подарок вам за науку быть преданной спорту...»

Она осталась преданной спорту, команде до конца. После Инсбрука еще два года оставалась на большом льду — била всесоюзные и мировые рекорды, становилась чемпионкой страны. Дважды участвовала в чемпионатах мира и дважды стояла в шаге от высшей ступени пьедестала, когда, казалось, протяни руку — и уже наверху, дважды была удостоена большой серебряной медали (в 1977-м — в Кистоуне, в 1978-м — в Хельсинки), но золотой — никогда. Оба раза, когда «серебро» доставалось Степанской, «золото» получали ее подруги по команде — Вера Брындзей и Татьяна Аверина. И многие тогда справедливо посчитали, что в этих победах была заслуга и ее, Степанской, ибо даже в коньках, в таком индивидуальном деле, всегда бывало чрезвычайно важно: кто стоит за тобой, кто сможет протянуть тебе руку помощи? Степанская была из тех, на кого можно было положиться в трудную минуту...

Владимир Кучмий

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Давненько не случалось такого — тринадцать лет! Но вот вновь весь пьедестал почета после окончания чемпионата мира 1977 года в небольшом американском городке Кистоун заняли советские спортсменки. А выше других поднялась впервые киевлянка Вера Брындзей.

Пять раз звучала в те два февральских дня в Скалистых горах торжественная мелодия гимна нашей Родины, и трижды — после

побед Брындзей на дистанциях 500 и 1000 метров и в многоборье. Она выросла в Прикарпатье, точнее — в Ивано-Франковске, где зимы частенько бывают морозные и снежные. Как и многие из местных мальчишек, она с малых лет в валенках с прикрученными к ним коньками носилась наперегонки по замерзшей глади озер. Бывало, и в хоккей с мальчишками играла. Однако серьезно до самого окончания школы занималась лишь баскетболом. Из школьных предметов ей больше по душе были точные науки — физика, математика, потому и в технический вуз решила было поступать. Все бы так и случилось, если бы...

Как-то обратил внимание на рослую, крепкую девушку тренер по конькам Евгений Авдеев, предложил позаниматься его любимым видом спорта серьезно. Пришлось Вере выбирать между баскетболом и коньками. Она выбрала скорость и лед. И вместо политехнического отправилась в Киев поступать в институт физической культуры.

В столице Украины с Брындзей стал заниматься Юрий Малых. Прежде всего именно ему обязана Вера тем, что вскоре на нее обратили внимание наставники сборной страны. Зимой 1976 года ее включили в команду на чемпионат мира, который проходил после завершения триумфальной для наших женских коньков Белой олимпиады в Инсбруке. Но тогда, на норвежском льду, она выступила слабо. Много пришлось поработать над техникой и скоростной выносливостью, прежде чем Брындзей вновь смогла по праву представлять свою страну на мировом первенстве.

...Она была настроена на серьезную борьбу. Главное, чтобы не подвела погода. Но вот напасть: Кистоун, в котором, по признанию аборигенов, 340 дней в году светит солнце, на сей раз был сер и суров, даже старт пришлось отложить из-за сильнейших порывов ветра. Но задержка со стартом не могла помешать киевлянке — ей единственной в тот день покорился рубеж 42 секунд. На полуторке она бежала в первой паре. Пришлось выкладываться до предела: после нее должны были стартовать главные соперницы — олимпийская чемпионка Галина Степанская и чемпионка мира

Сильвия Бурка из Канады. 2.12,43 — время Брындзей и впрямь было взято конкурентками за ориентир. Они его превзошли, но по сумме двух дистанций Вера продолжала лидировать. Еще больше укрепила ее ведущее положение победа на 1000 метров — первой дистанции второго дня. Но и после этого говорить об успехе в многоборье не приходилось — все должно было решиться в последнем старте. Тренеры быстро подсчитали, что Вере нельзя было отстать от Бурки больше, чем на 50 метров, а от Степанской — на 70. Правда, поединок предстоял заочный, да еще в неравных условиях: Сильвия и Галина бежали вместе во второй паре, а Вера открывала старты на 3000 метров.

Сказать, что в высокогорном Кистоуне бежать женский марафон было тяжело, значит, ничего не сказать. Не всем удалось завершить дистанцию. Упала и Бурка. Только Вера Брындзей, проходя круг за кругом на высокой скорости даже тогда, когда, казалось, сил уже не было, приближалась к заветной цели. И достигла ее!

Лев Россошик

ОРАНЖЕВЫЙ ТАЛИСМАН

Для начала несколько выдержек из блокнотов разных лет, связанных с именем чемпиона Европы-78 по скоростному бегу на коньках Сергея Марчука.

1975 год, март, Медео.

«Весь нынешний сезон он оставался в тени. Не блистал ни результатами, ни победами. В прошлом году ходил в числе кандидатов в сборную страны, выиграл даже на Медео традиционные международные соревнования на призы Совета Министров Казахской ССР. Но это было год назад. До 16 марта этого года Сергей Марчук, московский динамовец, особо не выделялся.

Его включили в сборную страны на матч с норвежцами и, как оказалось, не напрасно...

Начал соревнования он не особо здорово, в спринте показал только 39,93 — пятый результат среди многоборцев. Был третьим с результатом 7.22,58 на 5000 метров.

Во второй день в непогоду москвич удачно прошел полуторку — 2.01,26 и в марафоне выступил для себя очень неплохо — 15.17,23. И хотя в матчах обычно не считают сумму многоборья, неофициальный подсчет все-таки ведется. Так вот, сложили очки Марчука, и получилась рекордная сумма — 170,470. Отныне в графе рекордных достижений конькобежцев страны будет значиться имя Марчука. Давненько не было такого. Тем приятнее неожиданность. Он очень ровно выступил на всех дистанциях. Это — главное качество многоборца».

Так он впервые стал рекордсменом страны.

1977 год, январь, Коломна.

«Мы в этом году заметно прогрессируем. Прежде всего в плане психологическом. Очень многому научил нас олимпийский сезон. Прошлогодний матч с норвежцами сразу показал, что в подготовке были допущены определенные пробелы. Пришлось в оставшееся до Олимпиады время перестраиваться на ходу. В какой-то степени сделать это удалось. Но не до конца. И все же на Олимпиаде я, например, показал свой лучший бег. Но жребий — штука суровая. Бежал бы я в Инсбруке не в последней группе, возможно, и лучших результатов бы добился. Но думаю, что сейчас мы уже окрепли и закалились и готовы соперничать на равных с именитыми невзирая на обстоятельства».

Такую запись сделал Сергей Марчук, впервые выиграв звание чемпиона СССР в многоборье.

1977 год, март, Медео.

«Сезон подходит к концу. На мой взгляд, он в принципе удался. Есть конечно же недоработки, но куда же без них. Прежде всего недоработки эти, как бы это лучше сказать, морально-психологические. Я думаю, проходи первенство мира в Давосе, как и было намечено, смог бы выступить лучше и занять место на пьедестале после всех четырех дистанций многоборья. А чемпионат из-за оттепели перенесли в Голландию, и все планы были нарушены.

К тому же добирались мы до Амстердама из Швейцарии с семью пересадками. Бежали на чемпионате исключительно за счет воли. Ты спрашиваешь, почему же все-таки мы никак не можем выиграть крупное соревнование? Потому что отвыкли от побед там, за рубежом. Потому что мало мы еще выступаем вместе с сильнейшими конькобежцами мира. Ведь и голландцы, и норвежцы, и шведы, а теперь еще и американцы, и канадцы переезжают караваном с одного катка на другой, все знают друг о друге, со всеми

постоянно встречаются. Мы тоже должны постоянно участвовать в соревнованиях. Только это поможет выйти из прорыва, научиться побеждать. Новый чемпион мира Эрик Хайден, безусловно, та-лантище, выдающийся конькобежец. Но, случись ему выступать на чемпионате в Давосе, вряд ли смог бы он выиграть. И опять проблема. Все та же. Американцу всего восемнадцать лет, а международного опыта у него, наверное, больше, чем у всех наших скороходов, вместе взятых. Я вот только в двадцать лет впервые поехал на чемпионат мира. А он в свои восемнадцать уже и на олимпийских играх выступал, и на мировых чемпионатах для взрослых и для юниоров в прошлом году и в нынешнем. Вот вам и разгадка его блестящих достижений».

Так говорит Сергей Марчук, впервые став рекордсменом мира. Помню, когда увидел его первый раз на Медео, несколько даже

удивился. Вспомнил Схенка, Майера, нынешних норвежцем, голландцев. Все они высокие, мощные, статные, а Марчук какой-то нефактурный. Так, кстати, и охарактеризовал его тренер Геннадий Сергеевич Гершман. Сергей в 1965 году начал заниматься конькобежным спортом в ДЮСШ Калининского района столицы, а потом перешел в «Динамо». Еще ряд качеств отметил и в Марчуке при первом знакомстве. Это трудолюбие и разносторонняя физическая подготовка. А тренер подтвердил, что, действительно, под мастера показывает он результаты в велосипеде, плавает под первый разряд.

А еще привлекала его скромность и... оранжевая спортивная шапочка. Сам-то он невысокий ростом, маленький, щупленький, мог спокойно затеряться на огромном Медео. Но яркая шапочка с темной окантовкой тут же выдавала его местонахождение.

С того первого нашего знакомства прошло уже почти три года.

А он все такой же, и шапочка на нем все та же. Только вот характер, спортивный характер Сережи изменился. Появилась в нем этакая злость, жадность до победы. Не исключено, что сыграла она не последнюю роль на европейском первенстве в столице Норвегии Осло.

Улетали они в Норвегию на чемпионат континента во вторник утром. А в понедельник пришел я на тренировку на искусственную конькобежную дорожку «Динамо». Мороз был такой, что ледовые установки, естественно, не работали.

Марчук встретил меня вопросом:

— Что это тебе в такой холод дома не сидится?

— Да, вот, — говорю, — пришел с тобой напоследок пообщаться.

— За это спасибо. Нелегкий нас ждет чемпионат. Стурхолт здорово бежит и Стенька тоже. (Стенька, надо полагать, Стенсен.) Кажется

мне, что и Шёбренд несколько темнит, готов на большее. Но ничего, поборемся.

Спросил у него, как дела дома. Недавно познакомил он меня со своей женой Леной, очень симпатичной женщиной.

— Да все нормально. Филиппок уже большой, растет не по дням, а по часам.

— Сколько ему уже?

— Двадцать пятого января девять месяцев будет. Вот по весне станет потеплее — вместе приедем на каток.

Здесь он извинился и побежал на 20-градусный мороз отмеривать круги по стадиону. В неизменной своей рыжей шапочке, только натянутой на сей раз глубоко на уши.

...В воскресенье, 29 января 1978 года, спустя 13 лет, советский конькобежец вновь стал чемпионом континента и был увенчан традиционным лавровым венком.

Сергей Марчук, 25-летний московский динамовец, стоял на пьедестале в неизменной оранжевой шапочке и лукаво так, загадочно улыбался.

Лев Россошик

ЗРЕЛОСТЬ

Для того чтобы стать чемпионкой мира в спринтерском многоборье, 27-летней Любове Садчиковой надо было не только побить два всесоюзных рекорда, не только выиграть обе дистанции второго дня мирового первенства 1978 года на льду Лейк-Плэсида, но и решить, по крайней мере, еще две труднейшие задачи. Во-первых, обойти юную американку Бет Хайден — любимицу американской публики, к тому же выступавшую у себя дома. Во-вторых, стартовать с максимальной осторожностью,

исключив даже мысль о возможном падении — иначе бы и на следующий год советская команда состояла лишь из одной участницы...

Люба блестяще решила все задачи, второй из наших конькобежек, после Людмилы Титовой, удостоившись большой золотой медали лучшего спринтера мира.

...Был в пятидесятых годах такой скороход — Валентин Приставкин. Сильный мастер, он пользовался внушительным авторитетом среди любителей коньков, особенно на родной Смоленщине. Потом его имя надолго исчезло из судейских протоколов конькобежных турниров. Приставкин преподавал в Смоленском институте физкультуры, заведовал кафедрой коньков. И работал тренером.

Однажды он увидел на катке рослую девушку. Опытный глаз сразу разгадал в Любе Садчиковой — это была она — прирожденного спринтера: мощный, порывистый бег, хотя и далекий от технического идеала, уже тогда выделял новую ученицу Приставкина от ее сверстниц.

Ее первые успехи датированы 1971 годом, когда Люба стала вице-чемпионкой страны в юниорской возрастной группе. Как далеки ее те «серебряные» секунды (500 метров — 47,26 и 1000 метров — 1.37,1) от результатов, принесших Садчиковой титул «первого конька» мира! В Лейк-Плэсиде она пробежала свои коронные дистанции за 42,38 и 1.28,0 секунды. А сумму набрала — 174,640 очка. Пятисотка и сумма оказались рекордными для равнинных катков страны.

Конечно, это были далеко не первые рекорды, записанные Любой на свой счет. Еще в 1973 году она стала рекордсменкой СССР в беге на 500 метров, показав на высокогорье Медео время 42,5. Два года спустя ей покорился и рекорд мира — 41,62.

Вообще, Садчикова больше любила именно короткий спринт — на дистанции 1000 метров ее частенько попросту «не хватало», и в этом, возможно, заключались причины ее нередких неудач в многоборье. Не однажды стартовала она на мировых спринтерских чемпионатах, но до 1978 года особых лавров не снискала — в 73-м была седьмой, через год — четвертой, еще год спустя — пятой. Не сложился у нее и сезон Белой олимпиады-76: на льду Инсбрука она заняла лишь шестое место.

Она училась в Смоленском институте физкультуры, занимаясь у Приставкина, а ее подготовкой в стенах сборной команды страны руководил известный тренер, воспитавший многих чемпионов и рекордсменов мира и олимпийских игр, — Константин Константинович Кудрявцев. Постепенно, далеко не сразу, удалось ему раскрыть незаурядные способности спортсменки. Пришлось много экспериментировать, подбирая нужную технику для этой конькобежки, исповедовавшей силовую манеру бега. Надо было также подобрать ключи к ее беспокойному, непростому характеру, вселить уверенность в свои силы, которой Любе так часто не хватало.

И когда, казалось, большие победы вот-вот должны были прийти, ее поджидала новая неудача, правда, не на льду: сильно простудившись на одной из тренировок, Садчикова надолго выбыла из строя. Сезон пошел насмарку.

Но ничто не могло выбить спортсменку из колеи. Год за годом мчалась она по ледяным дорожкам, падая и вновь поднимаясь, веря, что добьется своего во что бы то ни стало. К сезону-78 она готовилась с удвоенной энергией. И наконец нашла себя.

И пришла главная в ее жизни победа.

Пришла зрелость мастерства...

Игорь Образцов

Глава VI

ПОИСК

Одна из характерных черт восьмидесятых годов — возвращение на ведущие позиции советских мастеров скоростного бега на коньках. Вновь в числе победителей главных турниров значились имена советских мужчин-многоборцев. Причем их успехи уже носили не эпизодический характер, как в семидесятые годы.

После неудач в 1979 и 1980 годах в 1981 году на чемпионате Европы в голландском Девентере сюрприз преподносит горьковчанин Сергей Березин. Он уверенно побеждает всех в конькобежном марафоне. Спустя три недели Березин не оставил никаких надежд сильнейшим стайерам планеты и на чемпионате мира: вновь завоевано «золото» на 10 000 метров. Под стать ему выступил и ленинградец Дмитрий Бочкарев. В его активе серебряная награда на другой дистанции — 5000 метров и общее четвертое место в многоборье.

На следующий год Дмитрий Бочкарев буквально ошеломил Голландию на чемпионате мира в Ассене. Он уверенно выигрывает обе стайерские дистанции. Такого успеха в истории отечественного спорта добивался лишь однажды — в 1953 году — Олег Гончаренко. И только неудачное выступление на полуторке не позволило Бочкареву завоевать звание чемпиона мира.

Наступление на чемпионские титулы продолжается. Еще один представитель советской конькобежной школы — Александр Баранов из Ярославля получает на чемпионате мира-83 большую бронзовую награду. И Бочкарев в ту зиму несколько раз «отметился» на первенствах планеты и континента, завоевав три награды на отдельных дистанциях.

Наконец долгожданное событие — москвич Олег Божьев увенчан лавровым венком чемпиона мира-84. Так спустя 22 года наши спортсмены возвратили себе титул сильнейшего в мире.

Не менее триумфально выступили наши многоборцы на Белой олимпиаде 1984 года в Сараеве. Свердловчанин Игорь Мал-ков: вчерашний юниор, преподнес урок тактики умудренным опытом асам мировых катков и победил на дистанции 10 000 метров. На 5000 метров он завоевал «серебро». Две медали в активе Божьева — бронзовые на 5000 и 1500 метров.

В следующем сезоне Божьев практически в одиночку ведет борьбу с сильнейшими скороходами мира, но проходит еще год, и все наши конькобежцы возвращаются с чемпионата планеты с наградами. В истории отечественного спорта такое случилось впервые, а за всю историю коньков такое бывало трижды. Божьев, алмаатинец Виктор Шашерин, горьковчанин Александр Мозин и Малков заслуживали только похвал.

Тремя неделями раньше Мозин привел в изумление издавший виды знаменитый каток «Вышлет»: завоевал большую серебряную медаль в многоборье и выиграл обе длинные дистанции. Там же, на чемпионате континента, состоялся дебют москвича Николая Гуляева. На дистанции 1500 метров он практически на равных сражался с двукратным чемпионом мира и Европы голландцем Хейном Вергеером.

Следующей зимой, в сезоне 1986/87 года, наши скороходы доминируют на международной арене. Гуляев становится чемпионом мира и Европы, Божьев — серебряным призером, а Андрей Ермолин из Челябинска завоевывает две медали на дистанциях чемпионата Европы.

Мужчины-многоборцы за сравнительно короткий срок сделали значительный шаг вперед под руководством их наставников Бориса Васильковского и Геннадия Гершмана. Тренеры сборной сумели найти оптимальные нагрузки для своих воспитанников и именно за счет этого стал возможным практически ежегодный прогресс в результатах.

Не менее значительны успехи на международной арене мужчин-спринтеров. Каждое первенство мира среди самых быстрых

приносит медали.

Наиболее яркие фигуры советской школы спринта этого периода москвичи Сергей Хлебников и Сергей Фокичев, минчанин Игорь Железовский.

Хлебников выигрывает лавровый венок чемпионата мира-82, становится двукратным серебряным призером Белой олимпиады в Сараево-84, дважды поднимается на вторую ступеньку пьедестала почета на первенстве мира. В эти же годы появляется целая плеяда способных спринтеров: москвичи Фокичев, Павел Пегое и Александр Данилин, Владимир Козлов из Усть-Каменогорска. Все они были призерами чемпионатов мира.

Наибольший успех выпал на долю Фокичева. Неоднократный призер мировых первенств, он стал чемпионом на Белой олимпиаде-84.

Свой вклад в развитие советской школы спринта внес Пегое. Когда на чемпионате мира-83 споткнулся сильнейший в нашей команде Хлебников, Пегое взял на себя бремя лидерства и завоевал большую серебряную награду.

В такой сильной компании мужал Железовский, а когда пришел его черед выйти на мировую арену, он буквально с листа, не имея опыта, сумел выиграть чемпионский титул в 1985 году, а в следующем сезоне завоевал его вновь.

Казалось бы, имея такую сильную команду мужчин, можно было ожидать, что наши скороходы уверенно выступят на зимних Олимпийских играх в Калгари 1988 года. Но на крытом катке «Олимпийский овал» советские спортсмены сумели завоевать лишь две награды: золотую на дистанции 1000 метров (Гуляев) и бронзовую (Железовский).

Многоборная подготовка стайеров и средневики, которая в течение нескольких лет давала положительные результаты, при подготовке к зимним олимпийским играм была отвергнута, и

спортсменов стали готовить к выступлению на отдельных дистанциях. Вторая оплошность — увлечение тренировками на короткой дорожке — привела к потере необходимых координационных качеств на дорожке стандартной длины.

Спринтеры совершенно забыли о том, что подготовка в условиях высокогорья на быстром льду Медео давала ежегодно положительные результаты и пренебрегли ею перед олимпиадой.

Начало восьмидесятых годов наши женщины отметили победами на чемпионатах мира по многоборью и спринту и на первенстве Европы. Эти высокие титулы привозила Наталья Петрусева. Но никто не задумывался тогда, что Наташа — талантливая одиночка и за спиной никого нет. Все тешились надеждами на успехи Натальи Глебовой (Шиве) из Кемерова, москвички Ольги Плешковой, киевлянки Валентины Лаленковой. Но их победы носили эпизодический характер, и на следующий год маленький триумф превращался в фиаско.

После того как ушла из большого спорта Петрусева, никто из советских конькобежек не сумел достойно выступить на международной арене. В последние годы чемпионками страны в много- | борьбе становились Плешкова, москвичка Наталья Артамонова, Елена Лапуга из Омска. Но блеск их наград явно блекнет, если , вспомним об их выступлениях на международной арене, где \ наши сильнейшие спортсменки оказывались на вторых ролях.

В чем причина неудач наших женщин? Их немало. Например, в частой, практически ежегодной смене тренеров сборной. Виновата система отбора: частые соревнования выбивают спорт- ■ сменок из колеи, вносят неуверенность. Неудивительно, что те, кто успешно выступил в прошлых сезонах на чемпионатах страны по многоборью, не сумели сохранить спортивную форму ; до чемпионатов мира и Европы. Многие тренеры неохотно передают своих подопечных в ряды сборных команд — им выгоднее использовать конькобежек в погоне за зачетными очками на ; домашних турнирах...

Александр Любимов]

Вадим Лейбовский БРЕМЯ ЛИДЕРА

Для Натальи Петрусевой это было трудное время, отне-1 сенное от пика ее громкой славы на такое удаление, что многие ее горячие почитатели сказали: «Что тут поделаешь, видимо, пора...»

Миновал олимпийский сезон восемьдесят четвертого, который ей, обладательнице абсолютно всех высших титулов, какие только есть в конькобежном спорте, славы не прибавил: она не сумела отстоять ни одно чемпионское звание. Карин Энке, та самая Энке, с которой Петрусева вот уже пять лет сражалась с общим счетом в свою пользу, на сей раз переиграла ее вчистую, по всем статьям, во всех очных и заочных поединках.

Еще осенью восемьдесят третьего Наташа говорила мне:

— Олимпиаду откатаю и надеваю тапочки. Все. Устала. Пожить хочу по-человечески. Сыном заняться всерьез. Хватит отфутболивать его к бабушке, парню в школу идти. Да и стара уже — двадцать девятый потек — для нынешних времен возраст почти пенсионный.

А встретились после олимпиады, спрашиваю:

— Как дальше? Вбила ли в стенку гвоздь для коньков?

— Нет, — ответила, — мы еще повоюем.

Разговор происходил при Анатолии Петрусеве, ее тренере и муже. И по тому, как он удивленно поднял брови, я понял, что и для него решение Наташи было неожиданным. Позже Анатолий уточнил, что вопрос «о гвозде» с ней даже не обсуждался, все было ясно и так: конец, точка!

А тут, оказывается, продолжение следует. И никаких гвоздей!..

За полтора года до начала олимпийской зимы сборная страны перешла на принципиально новую методику тренировок, в основе которой

лежали принципы профессора Ю. Сергеева, бывшего заведующего отделом Всесоюзного НИИ физической культуры. Методика имела хлесткое название БОСТ, что при расшифровке значило «биологически обоснованная система тренировок». Выходило, похоже, что все остальные системы, в том числе и разработанная выдающимся русским ученым П. Лесгафтом, биологически НЕ обоснованы.

Суть концепций Сергеева, предполагающих (вернее — предполагавших) большие объемы работы на льду при малых скоростях, конечно, предмет для дискуссий на страницах специальных изданий. Не более того. К тому же новая методика не была ни достаточно аргументирована, ни проверена на спортсменах низших разрядов. «Каким образом профессор, приведший до этого к полному поражению на Московской олимпиаде сборную команду наших гребцов-академиков, сумел завладеть умом главного тренера конькобежной сборной Бориса Барышева?» — на этот вопрос ответа не найти.

И вот конькобежная сборная Советского Союза стала очередным исследовательским полигоном Сергеева, причем в преддверии олимпиады. К счастью, отдельным спортсменам удалось избежать методов тренировки, навязанных тандемом Сергеев — Барышев. В частности, Игорю Малко-ву и Олегу Божьеву, которые в Сараеве выступили отлично. В состав олимпийской сборной они были включены лишь незадолго до Игр и готовились по планам своих тренеров.

Но Анатолий Петрусев был штатным тренером сборной СССР и потому должен был подчиниться общему порядку. Знал ли он, что в этом случае его подопечной лавров не снискать?.. Больше, чем в методику, он верил в Наталью.

Преодолимпийской осенью и олимпийской зимой я часто виделся с ними и каждый раз слышал надсадный Наташин кашель, кажется, именуемый в просторечии «дубоглотом». Она простудилась еще в сентябре, а тут подошло время традиционного ноябрьского матча сборных команд СССР и ГДР. Врач нашей команды В. Сметанин категорически возражал против участия Петрусевой в матче.

— Впереди олимпиада, чемпионаты мира и Европы. Ее выступление в таком состоянии подорвет здоровье, скажется на результатах всех дальнейших соревнований, — сказал он главному тренеру.

Но Барышев тем словам не внял. Петрусева же, человек дисциплинированный, собралась и выступила. Проиграла немкам. Все наши девушки им проигрывали, уже тогда было ясно, что вряд ли в начавшемся сезоне игра пойдет на равных. Так оно и вышло.

Отдыхать и лечиться у Наташи времени не было. Олимпиада приближалась в спринтерском темпе, счет шел уже на дни. И тогда Петрусевой дали наконец послабление — разрешили не выступать на январском чемпионате Европы на Медео. Кстати, победила там Габи Шенбрунн — далеко не сильнейшая в команде ГДР, лидеры которой Карин Энке и Андреа Шёне от участия в том чемпионате отказались: все было нацелено на олимпиаду, ничто не должно было помешать их победе. И не помешало..

В Сараеве Наталья выступила лучше всех своих подруг по команде. 1500 метров она пробежала с третьим временем — 2.05,29. Годом раньше она установила мировой рекорд — 2.04,04. Но то на сказочном высокогорном Медео! А олимпийский каток располагался на равнине, да и лед там весьма среднего качества. В общем, разница огромная. И выходит, что в Сараеве Петрусева показала свой лучший в жизни результат на этой дистанции. Не выздоровев, не обретя форму. По всем своим предолимпийским функциональным показателям, по всем тестам она не была готова на такой результат. Извините за мрачную иронию, но даже не имела на него права. Однако ситуация требовала, наша сборная была слабой. И потому Петрусева сделала больше того, на что была способна.

Начало ее спортивной биографии как будто списано с множества других. Жила и училась в подмосковном городе Павловском Посаде. Выступила однажды в городском легкоатлетическом кроссе. Победила. Тут подошел тренер по конькам Юрий Михайлов, позвал в секцию. Долго не размышляла — зима на носу, а стадион под боком.

Первые шаги по льду. Конечно, синяки да слезы. Конечно, стиснула зубы — и вперед! Разве поступают иначе будущие олимпийские чемпионы?

Тренировалась практически ежедневно. И соревновалась часто — два раза в неделю. По средам с подругами по секции, а в воскресенье участвовала в общегородских состязаниях. В ту пору в городе было пять катков, и городской чемпионат проводился многоэтапно, по круговой системе — на всех катках поочередно. Частые старты приучали не бояться соревнований, воспитывали бойцовский дух и настрой. Позже, в зрелом возрасте, Наталья стартовала до ста раз в сезоне, и это не было для нее чрезмерной нагрузкой.

Летом всей секцией отправлялись в спортивно-трудовой лагерь. Занимались силовыми упражнениями, спортивными играми, бегом, много ездили на велосипеде. И все Наташа делала с удовольствием, все у нее получалось. Кроме плавания.

Так и не научилась, хотя и выступила однажды в соревнованиях по плаванию. Пришлось — всех обязали сдать нормативы комплекса ГТО.

Вызвали ее на старт. Ей же стыдно было сознаться в том, что не умеет даже держаться на воде. Шестнадцать лет прожила и не научилась. Встала на тумбочку, услышав команду «Марш!», зажмурилась и ухнула в воду, как в бездну. С трибун, конечно, истошно кричали друзья. Но она ничего не слышала, не помнила, как добиралась до противоположной стенки бассейна. Однако добралась. Потом ее спросили: как же это получилось, что ею руководило? Она ответила: «Только чувство стыда перед Юрием Александровичем, перед ребятами и девчонками, товарищами по секции...» Но, возможно, именно тогда и разглядел в ней тренер Михайлов характер великой спортсменки.

А еще будущие успехи происходили от здоровья, усердия, хорошего наставника и...

— Светлой Наташиной головы, — добавила Елена Петровна Степаненко, заведовавшая кафедрой конькобежного спорта Центрального института физкультуры, куда Наташа поступила в 1972 году, имея первый спортивный разряд. Елена Петровна и стала ее вторым тренером.

Неспешно, но верно все шло своим чередом и порядком. Училась Наташа всегда хорошо, легко, а тренировка стала теперь и естественной частью самого учебного процесса.

К окончанию первого курса она уже стала мастером спорта и чемпионкой страны среди девушек. Ее включили в сборную СССР для участия в юниорском чемпионате мира. Но вот — сбой, пожалуй, первый в ее спортивной биографии: лишь пятнадцатое место, полный провал. В следующем году Наташу повезли на такие же соревнования с большой неохотой, хотя она попадала в команду по всем статьям. И она не подвела, проявила характер, завоевала две медали — серебряную и бронзовую.

Годом позже она уже устанавливала мировые рекорды для взрослых. Но во взрослую сборную ее все же не включили, другие в ответственный момент оказались сильнее. Что ж, нет так нет, решила она, за плечами всего двадцать лет, а впереди целая жизнь.

К тому же на арене этой жизни уже заметно фигурировал Анатолий Петрусов, молодой тренер, в недавнем прошлом сам неплохой конькобежец, да еще и ученик Степаненко.

И ничего не могла Елена Петровна поделать против этого романа. Казалось странным: оба любимые ученики, а она — против. Рано, думала, Наташке замуж выходить. Ведь все так хорошо получалось, и великие победы уже казались недалекими. К тому же знала Елена Петровна непростой характер Анатолия, крутой его нрав. В общем, не хотела. И обоим о том сказала.

Сказать-то сказала, но после сама же и предложила Анатолию стать жениным тренером. Долго мучилась, пока не решила: быть Анатолию тренером Натальи: мужик-то вдумчивый, пытливый. И не ошиблась.

Кусок, оторванный от собственного сердца, врос в другое, прижился всеми нервами и сосудами.

Родился сын. Через месяц после этого! (ставлю здесь восклицательный знак) его мама окончила институт. Еще

через несколько дней (!) она приступила к тренировкам.

Трудно было обретать утраченные навыки, трудно было не только входить в режим нагрузок — в сам ритм спортивной жизни. Но ведь подобным путем прошло уже немало мам-спортсменок. Это хорошо понимали Петрусе-вы, сохраняя полное спокойствие, веру в успех и справедливость судьбы.

Легкие домашние упражнения постепенно обретали все более спортивный вид и характер, переносились сначала во двор, потом в лес, на стадион. И то, что коляска с Алешкой была всегда рядом, только вдохновляло.

В середине осени Наташа вышла на лед. Узнав, что в сборной уже не числится, сказала себе: «Не уже, а пока». Однако сильно расстроилась, когда по формальным причинам (не участвовала в предварительных соревнованиях) ее не допустили к чемпионату СССР.

Но в конце зимы Спартакиаду народов СССР выиграла безоговорочно. С той поры надолго стала бесспорным лидером сборной страны. Но оговоримся: и выиграла, и стала не потому, что рассердилась, обиделась, воспылав желанием кому-то что-то доказать. Помните слова Елены Петровны про ее светлую голову. Думаю, что основной причиной столь быстрого и успешного возвращения Петрусовой в ряды сильнейших было верное понимание ситуации и четкое следование главным установкам: войти в нужный ритм тренировок, избежать болезней, травм, работать с удовольствием, не впадать в безудержный азарт, не огорчаться неудачам, предполагать, что будут застои, а возможно, и срывы. Ну а результат — это уж как получится.

В памяти еще был свеж печальный пример Людмилы Титовой, которая, став матерью, с огромным рвением и азартом стала

наверстывать упущенное, стремясь как можно скорее разбудить в себе прежнюю Титову. Но возвращение не состоялось.

Елена Петровна как-то сказала мне, что больше всего в Наташе она выделяла профессиональный поход к делу. Профессиональный! Не счесть спортсменов, задушивших свой талант «обыкновенным» фанатизмом, тем, что не научились или даже не считали нужным прислушиваться к своему организму. Не изучали его. Спортсмен должен тонко чувствовать дозировку нагрузок, свою реакцию на них. Умение «выстрелить» в нужный момент, оказаться в наилучшей форме тогда, когда это более всего необходимо, — искусство высокое. Это искусство и тренера, и спортсмена.

Петрусеву природа наградила не слишком щедро. Многим членам сборной она проигрывала по скоростно-силовым показателям, уступала в выносливости. И тем не менее долгие годы была абсолютным, единоличным лидером в команде.

Можно утверждать, что тренер высокого класса, как и любой педагог, нашедший свой стиль, проходя через стадии становления, сначала осваивает весь имеющийся арсенал техники. Позднее и тот, и другой начинают присматриваться к мастерам, стараясь усвоить их технику, что-то брать для себя, от чего-то отказываться. И только потом наступает этап творческой зрелости, когда, освоив и оценив по достоинству чужие стили, тренер постепенно вырабатывает свой собственный.

Этап творческой зрелости наступил у Анатолия Петрусева на удивление скоро и помогла ему в этом Наташа. Они друг в друге нашли не только родственные души, но и хороший профессиональный материал.

При своем немалом — метр шестьдесят пять — росте Наталья выглядела на дорожке совсем миниатюрной. Очевидно, от очень низкой посадки. Эта особенность ее, петрусевской техники — самый оптимальный вариант, найденный и продиктованный требованиями времени небывалых ледовых скоростей: мужской норматив мастера спорта выполняла Наталья Анатольевна.

Техника конькобежного бега сильно изменилась у всех. Бег стал более сухим, силовым, менее размашистым. Иными стали требования к физическим кондициям, к силовой выносливости. Эта нынешняя рациональная техника вершилась десятилетиями, на шкале которых имена Марии Исаковой, Инги Артамоновой, Валентины Стениной, Лидии Скобликовой, Татьяны Авериной и многих других. В этом ряду и имя Натальи Петрусевой. Ее техника рождалась в трудах, поисках и ошибках. И в том, что Петрусева считается лучшим «техником» из всей великолепной когорты своих предшественниц, их немалая заслуга. В ее задачу входило взять их стиль, впитать, преломить в себе и не растерять. Зыбкий образ движения порой ускользал, и тогда для нее наступали мучительные дни. Но рано или поздно все становилось на свои места, она обретала себя, свой ювелирный стиль. И мало кто знал истинную цену этому обретению.

Наступил сезон Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Петрусева взметнула целый фейерверк рекордов на московском катке «Динамо» и на льду Медео. Ее время на километровой дистанции — 1.21,9 — казалось тогда просто не реальным. А позже она и этот результат улучшила на две секунды.

В январе восьмидесятого, ровно за месяц до Лейк-Плэ-сида, она побеждает американку Элизабет Хайден и впервые становится чемпионкой мира в многоборье. Вот тогда тренер американских конькобежцев, олимпийская чемпионка Инсбрука Диана Холам воскликнула: «Ну, держитесь! Теперь Петрусева почувствовала вкус к победам!»

Однако первую олимпийскую дистанцию — 1500 метров — Наталья провалила с треском. На следующей — 500 метров — заняла третье место. Но бежала ужасно. Словно это была не она. Бежала так, будто не лед под ней, а булыжная мостовая. Это — глазами всевидящей Елены Петровны, сидевшей дома у телевизора.

Предстоял третий старт на тысячу метров. Вечером накануне забега она зашла к старшему тренеру сборной Б. Стенину.

— С кем в паре завтра бегу?

Результаты жеребьевки тренеры обычно держат в тайне от спортсменов до последнего момента: к чему излишние волнения, ведь нервы и так напряжены до предела. Но Стенин подумал: человек она крепкий. Если спрашивает, значит, ей так нужно. И ответил:

— С Мюллер.

Американка Лиа Полос-Мюллер считалась одной из главных претенденток на победу.

К утру температура воздуха снизилась до 17 градусов, лед был как стекло. А на финишной прямой на хрупкие Наташины плечи обрушился встречный шквал.

Но она победила. Причем ту победную секунду, что разделила ее и занявшую второе место Мюллер, Наташа отыграла на последних трехстах метрах. Там, где большой спортсмен реализует все, что у него есть. И даже больше, чем все.

Признаться, от олимпийских выступлений Петрусевой ждали большего — она выиграла «лишь» одну дистанцию. В чем же дело?

Во время Игр наши журналисты много писали об отнюдь не комфортных условиях, в которых жили спортсмены в Лейк-Плэсиде. И когда Петрусева вернулась в Москву, я спросил ее, может быть, именно эти условия и помешали ей выступить лучше?

— Условия были действительно плохими, — ответила Наташа. — Но ведь для всех одинаковыми. К тому же мы о них заранее знали. И что густой снег валил — тоже не

причина провала на первой дистанции... В чем же дело?.. Просто плохо перенесла акклиматизацию, не сумела настроиться.

Нет, не сказала она главного. Того, как тяжело быть лидером в сборной своей страны. Знать, что если не выиграешь ты, то этого не сделает уже никто из подруг. И не просто знать, но постоянно слышать об этом. Промолчала Наташа о том, что тяжесть этого бремени плохо

понимают отдельные ответственные лица. Сколько ненужных, тягостных разговоров перед стартом. О долге, чести и т. д. Сколько крови наших спортсменов испортил в течение многих лет один только заместитель председателя Спорткомитета СССР В. Сыч. Молчаливая борьба с такими «настройщиками» была, возможно, потяжелее соперничества с самыми сильными конкурентами.

После олимпиады победы пошли одна за другой, и казалось невозможным, что Петрусева вообще способна кому-то проиграть. Она стала абсолютной чемпионкой страны. Год спустя — в Канаде — чемпионкой мира.

В сезоне 1982 года преимущество Петрусовой на чемпионате СССР было таким, что «Советский спорт» предварил отчет о соревнованиях крупной шапкой: «Театр одного актера». Она выиграла первые три дистанции многоборья. Готовилась к старту на четвертой. Однако судейская коллегия приняла редкое решение — забеги на 3000 метров из-за непогоды отменить. Человечно и благоразумно. Но в немалой степени такое решение было порождено преждевременным итогом соревнований: с подавляющим преимуществом в очередной раз победила Наталья Петрусева.

7 февраля того же года в голландском городе Алкмаре она добилась последнего, не достававшего ей из всех, титула — чемпионки мира в спринтерском многоборье. Снова выиграла три дистанции из четырех. Дополнительной наградой ей стал новый равнинный мировой рекорд в сумме...

Она готовилась и к сезону 1985 года. Но вскоре поняла, что ее время миновало. Чуда больше не случится.

Миновало еще олимпийское четырехлетие. Спортсменки ГДР, США, Голландии все дальше уносились вперед. И нет пока надежд, что кто-то из нашей сборной догонит их. Где же вы, преемницы Натальи Петрусовой? Время которой прошло. Но продолжается и будет продолжаться для вас и вами, юными, дерзкими, отважными. Может быть, вы просто сами еще не знаете себя такими...

Владимир Кучмий

«ВЫСТРЕЛЫ» В САРАЕВЕ

Атлет был молод и красив собой. Он стоял непринужденно, подбоченясь, весь пестрый, ослепительный — белозубая улыбка, волна выющихся волос, яркий, полосатый комбинезон облегал мощную фигуру. Казалось, атлет только сошел с рекламной афиши, которыми были густо обклеены горбатые улочки олимпийского Сараева.

Налетела стая репортеров. Застрекотали, словно кузнечики, затворы фотокамер. Атлет не был знаменит и ничего, собственно, на льду не сделал. Но он был австралийцем, а одно только это — спортсмен из знойной Австралии на морозном олимпийском льду — выглядело экзотично. И репортеры трудились в поте лица.

И только один из них к спектаклю явно запаздывал. Обвешанный «Никонами», он бежал с противоположной стороны катка «Зетра», чудом балансируя на льду. Смельчак наконец у цели, ворвался в толпу, вскинул фотокамеру... Когда пленка была отстреляна, он (а это был югославский репортер) даже прищелкнул языком от удовольствия:

— Каков красавец этот Малков!

Игорь Малков и в самом деле был одним из героев того олимпийского дня 1984 года в Сараеве — выиграл забеги на 10 000 метров и теперь скромно стоял в сторонке со своим тренером Альбертом Деминым. Был он с виду нескладный, угловатый — куда ему до экзотичного австралийца!

Когда югославскому репортеру объяснили его ошибку и показали истинного героя «Зетры», тот был поражен:

— Вот это Малков?! Да быть того не может!

Не стоит строго судить югославского репортера. Ведь даже многие советские журналисты, аккредитованные на Играх-84, не знали Малкова в лицо. Ни одной строчки о нем не было и в официальном

издании Оргкомитета «Кто есть кто» — конькобежный свет толком не знал о 19-летнем новичке из советской сборной.

Впервые на олимпийском льду появился и другой чемпион Сараева — Сергей Фокичев. На него, как и на Малкова, тоже никто всерьез не рассчитывал. Ну что, казалось, мог противопоставить 21-летний дебютант таким асам мирового спринта, как японец Акира Куроива, норвежец Кай-Арне Энгельстад, американец Ник Томец,

1

своим титулованным партнерам Владимиру Козлову или Александру Данилину? Но выступал он на «Зетре» дерзко, с вдохновением и стал третьим в истории нашим олимпийским чемпионом на дистанции 500 метров.

Да, именно новички, дебютанты крупных турниров сыграли главные роли на катке «Зетра», принесли советской команде медали и очки, вернули ей высокий авторитет, утерянный четырьмя годами раньше в Лейк-Плэсиде.

На фоне громких «выстрелов» в Сараеве Малкова и Фокичева две серебряные медали 28-летнего спринтера Сергея Хлебникова, одного из лидеров команды, были встречены не так шумно и торжественно. Но медали эти на вес золота. В сложной ситуации Хлебников вселил дух уверенности в молодых партнеров своей выдержкой и поистине олимпийским характером. И его немалая заслуга в том, что зимние Игры-84 стали одними из самых успешных для наших скороходов за всю олимпийскую историю.

Кто же они, герои Сараева?

Статистиков, как известно, трудно удивить. Во всяком случае, по части цифровых операций. Но после стайерского олимпийского турнира на катке «Зетра» даже искушенные конькобежные счетоводы держались за головы.

12 февраля швед Томас Густафссон на 5000 метров добился победы над Игорем Малковым за счет 0,02 секунды. В свою очередь 18 февраля Малков на 10 000 метров обыграл Густафссона на 0,05 секунды. Отложили секундомеры. Стали подсчитывать. Получилось, что на 5000 метров соперников разделили 230 миллиметров, на 10 000 метров — 530 миллиметров. Итого: на 15 километрах борьбы Малков был быстрее шведа на 0,03 секунды и опередил его на 300 миллиметров. Для полной ясности остается только назвать длину бегового конька — 425 миллиметров.

Такова цена этих ничтожных секунд и миллиметров. Ничтожных и великих.

После забегов на 5000 метров Густафссон прыгал как мальчишка на лезвиях своих зачехленных коньков. В его больших, чуть удивленных глазах было столько счастья, что оно, казалось, могло растопить сугробы на обочинах дорожки. Его, Густафссона, время устояло, пусть ценой двух сотых, но устояло!

Автобус с буквой «Ф» на лобовом стекле бежал по улочкам Сараева. Малков забился на заднее сиденье и напряженно смотрел в окно. Рядом сидел Альберт Демин, свердловский тренер. Они возвращались с «Зетры» в Олимпийскую деревню.

— У меня, кажется, сердце остановилось от тоски, — рассказывал Демин. — Я ждал, когда он заговорит первым. Больше всего боялся, что скажет равнодушно: «Эх, Альберт Андреевич, видно, не судьба...» Если это произойдет, думал я, то грош мне цена, значит, не сумел воспитать парня. А он так ничего и не сказал. Только вдруг заплакал. Я, извините за черствость, был счастлив. Выходит, задел его швед за живое, выходит, есть у него самолюбие. Плачь, мальчик, плачь, говорил я себе, это слезы мужчины, от них только злее становишься.

...Он резко бросал тело из стороны в сторону. Будто хотел погасить пожар на руках, на ногах, в груди. Снежинки неслись навстречу, таяли на лице и мелкими каплями сползали к уголкам рта. У них почему-то был соленый вкус.

Норвежец Нюланд, напарник по забегу на второй стайерской дистанции — 10 000 метров, мелькнул где-то далеко позади. Но этот факт мозг зафиксировал бесстрастно, чисто автоматически. Его сейчас волновал вовсе не Нюланд, а Густафссон. Швед закончил бег еще в первой паре и сейчас скорее всего грелся под байковым одеялом в раздевалке. На табло же напротив его фамилии остались гореть цифры — 14.39,95. Эти цифры — вот что было единственно важным теперь.

Он минул отметку 5000 метров, «съел» оставшийся кусочек прямой, аккуратно вышел из виража и только тогда мельком взглянул на табло. Но и этого было достаточно, чтобы понять: он проигрывал Густафссону пять секунд.

За месяц до олимпиады у Малкова спросили:

— На что реально вы рассчитываете в олимпийском марафоне?

— В принципе могу обыграть всех. Кроме одного — Густафссона. Он профессор десятки. Тут с ним тягаться бессмысленно.

По иронии судьбы в тот же день было напечатано интервью с Густафссоном, где ему задали такой же вопрос.

— У себя дома в Эскильстуне, — сказал швед, — я вбил в стену гвоздь. Знаете, для чего он предназначен? Для золотой медали в марафоне.

Белокурый Томас сказал это вовсе не для рекламы. Рекламу ему давно уже сделали блестящие победы на этой самой романтичной, самой изнурительной, самой престиж-

Г' I

ной дистанции, которая в кругу скороходов называется так прозаично — «десятка».

Не удивительно, что перед «профессором» все пре-1 дусмотрительно снимали шляпу. В том числе, конечно, I и Малков.

И в самом деле — что он, 19-летний дебютант (мальчик по конькобежным меркам!), сделал в большом спорте? Ну, на шумел накануне олимпиады быстрыми седеками на Медве. Да разве это повод, чтобы бросить вызов самому Густафссону! Он и в сборной был без году | неделя. Даже не все тренеры знали, как правильно произносить его фамилию, — Малков или Малков (потом только | ко разберутся, что ударение надо делать на первом слоге). | Мальчишка, как он мог не преклоняться перед «профес- | сором»?!

...Откуда-то со стороны гор налетел порыв ветра. Бросил в лицо пригоршню снега. Он вдруг вспомнил, как : один старый чемпион говорил им, юнцам, что коньки —| это не бальный танец, что ездят скороходы не по паркету, а по льду, и над головой у них не юпитеры, а что бог | пошлет — снег, ветер, туман и, бывает, ноги сводит судорогой, и слипаются ресницы на глазах, но если ты при этом хоть раз пожалуешься на судьбу, ты — не конькобежец, не мужчина.

Тогда он не очень-то понял смысл этих слов. Но теперь вспомнил о них. Ибо теперь-то как раз предстояло сделать | самое трудное — начать атаку на те цифры, что горели | напротив фамилии Густафссона. Сейчас или никогда. ■ * Теперь оставалось только одно — терпеть.

Он не мог посрамить свою мужскую честь, а потому | терпел. Его и еще троих одноклассников учительница ста- | вила после уроков к доске и велела дожидаться, пока не проверит все тетради. Наказание за то, что принесли; в класс ворону.

Он терпел и тогда, когда в детском саду спрятался с дружкой в деревянную ракету и два часа на морозе ждал, | пока опустеет двор. Потом они перелезли через забор и сбежали в город — за приключениями. Милиция их нашла только под утро.

Он и потом (ну, не мальчишка ли?) рассказывал об этом с какой-то затаенной гордостью: кажется, готов был снова нести в класс ворону или прятаться в ракете. Но под обо- | лочкой бесшабашного сорванца скрывалась натура чувствительная, тонкая. Слышали от Демина и от других о его нежной любви к матери Анне Трофимовне. Она 25 лет

проработала крановщицей на Первоуральском новотрубном в одном и том же цехе — номер шесть. Подражая матери, Игорь после школы год проработает на том же заводе, в том же цехе.

Воспитывали его мать да бабушка Акулина Тимофеевна. Жили они в Первоуральске в тесной коммунальной квартире на улице Гагарина, но о той коммуналке у него остались восторженные воспоминания. Они наполнены сказками бабушки, запахом пельменей из кухни, вечной веселой суетой.

В школе был хоть и шалуном, но учеником не последним. За десять лет учебы в годовых оценках ни одной тройки. Любил астрономию, географию, а считал лучше всех в классе — все математические олимпиады выигрывал. Его за это даже Пифагором прозвали. И первую телеграмму в Сараеве после победы получил от Любви Михайловны Нестеркиной — классного руководителя, учительницы математики.

Был логичным и выбор будущей специальности — инженера по электрификации городов. После завода поступил в Свердловский инженерно-педагогический институт. Первую в своей жизни зимнюю сессию сдать не смог — сдавал сессию олимпийскую. В Сараеве получил «отлично». А в спортивной сумке вместе с коньками и комбинезоном лежали учебники — готовился к сессии институтской.

В спорт, как сейчас принято, его привела за ручку мама. Привела сначала в фигурное катание, ну а уж потом в коньки — в заводскую ДЮСШ спортклуба «Уральский трубник». Игорь хорошо запомнил тот день — 5 сентября 1976 года. И еще запомнил удивительно мягкую, открытую улыбку тренера Виктора Васильевича Белова. Тот окинул его оценивающим взглядом, пощупал жидкие мускулы на руке и прищелкнул языком:

— Силен! Ну, что же, будем учиться ходить. На коньках.

...Спазмы сжимали горло. Снег застилал глаза. Изрезанный лед крошился под коньками.

Оставалось три круга, когда он в очередной раз поравнялся с «биржей» и увидел Демина. Тот выкинул вперед руку и опустил большой палец вниз. На хорошо им понятном языке это значило: он в одной секунде от Густафссо-на. Уже в одной. Демин что-то хрипло кричал вслед, но слова растворялись в туманной дымке где-то за спиной.

Альберт Демин производит впечатление человека мягкого, задушевного. Говорит и делает все не спеша, обстоятельно. Но когда возникает какая-нибудь сложная ситуация, чересчур горячится, начинает даже чуточку заикаться. Мнение свое отстаивает решительно, говорит напрямик то, что думает. Кое-кто считает эту черту чисто провинциальной: сражаться из-за пустяков — то же, что воевать с ветряными мельницами. Ребята же всегда тянутся к нему.

Он излучает какой-то домашний уют. Глядя, как он садится на сборах за обеденный стол, начинает одолевать чувство, что вот сейчас, рядом с ним, на столе появится пузатый самовар и баранки с сахаром на плоском блюде. Теперь понятно, откуда у его учеников столько покладистости, вдумчивости. Эти черты отличали олимпийского чемпиона Евгения Куликова, которого Демин разыскал когда-то в уральском городке Богданович. Этими чертами наделен олимпийский чемпион Игорь Малков, которого Демин нашел в Первоуральске.

А дело было так. В 1979 году в Свердловске на базе спортклуба Уральского турбомоторного завода открыли экспериментальную конькобежную школу. Старшим тренером был назначен Демин. Тогда-то он и отправился по городам области — набирать для школы таланты. В Первоуральске и отыскал Малкова.

— Куликов меня когда-то поразил своей мощью, яростью на льду, — рассказывает Демин. — А этот был щуплый, молчаливый, неприметный. Но пригляделся к нему повнимательнее: да у этого мальчонки характер похлеще куликовского! На тренировках, что называется, лед грызет: все уже скисли, а он губу прикусит и на дрожащих ногах передвигается. «Устал, небось?» — спрашиваю. «Да не, — хрипит в ответ, — только спину разогнуть не могу». Из таких настырных, терпеливых и выходили великие стайеры.

Об этих чертах Малкова — огромном терпении, стремлении сгореть дотла в горниле борьбы — слышали потом и от тренера юниорской сборной Валерия Лаврушкина, еще одного крестного конькобежного отца Малкова, и от тогдашнего главного тренера сборной СССР Бориса Барышева.

...Звонил колокол. Что-то кричал в микрофон диктор. Все вокруг хрипело, бушевало. Казалось, плавился лед под ногами. Он шел последний круг.

Он уже знал, что на этот круг ушел почти вровень с графиком Густафссона. Теперь все решали каждый шаг, каждое движение. Гудела голова, ныли ноги, сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышат трибуны. Он сбросил руки со спины и, работая ими с методичностью автомобильных дворников, устремился к финишу. Дотерпеть!..

И в тот момент он увидел Густафссона. Тот застыл на запасной дорожке и испуганно смотрел на табло. Когда он вышел из последнего виража, Густафссон закрыл руками глаза...

Автобус мчался из Шереметьева в сторону Москвы, и за окном мелькали еще заснеженные березки. Демин и Малков, словно замороженные, смотрели по сторонам сквозь запотевшие стекла автобуса.

И, глядя на них, вдруг вспомнилось, как Малков, еще не остывший после борьбы на льду, говорил в Сараеве:

— Я вот спрашиваю у себя: ради чего спортсмен переносит столько лишений? Как ради чего, отвечаю себе, ради победы. Ведь ей и друзья будут рады, и мама будет рада, и тренеры. А приеду домой, так даже незнакомые люди будут руку жать и говорить: не посрамил, мол, молодец! Раз моя победа нужна стольким людям, значит, я должен ради нее все возможное и невозможное сделать. Ведь правда?

Так он, ведая о том или нет, сформулировал свой долг — первый советский олимпийский чемпион в конькобежном марафоне, самый

молодой олимпийский чемпион в этой дисциплине за всю историю коньков. Сформулировал, быть может, по-мальчишески наивно, но, в сущности, довольно точно.

Он вошел в пресс-центр Сараева — юный, подтянутый. Строгий костюм. Вьющиеся светлые волосы. Чуть поклонился публике, а публика была сплошь журналистская — шла пресс-конференция. На вопросы отвечал спокойно, с достоинством.

А тем временем перед глазами стоял его бег. Описать его трудно, ибо это было какое-то причудливое и прекрасное переплетение цвета, ритма, неукротимости. Это был полет. Это было вдохновение. Между тем он бежал в первой паре, которую конькобежцы считают несчастливой. Бежал вместе с талантливым американцем Ником Томецом. Об этом беге он расскажет потом сам.

— Скорость была очень высокой. Первые сто метров — 9,96. **Я** входил в малый поворот. Сзади, совсем рядом, тяжело дышал Томец. Притормози я — и еще не известно, какой был бы исход поединка. Пришлось идти на грани риска. Другого выхода не было. Тут-то меня и потянуло к бровке — прямо наперерез Томецу. Испуга в тот момент не чувствовал. Только заныло сердце: неужели все пойдет насмарку? Устоял! А после финиша глянул на табло и ахнул. Всего-то 38,56. Только проехав два круга, понял, что это результат не мой, а Томеца...

Потом, подумав, добавил:

— Но и мои 38,19 не очень-то удовлетворили меня. Нужно было выскакивать на 38. Ведь совсем недавно в Давосе прошел пятьсот метров за 36,81.

— И все же вам, наверное, грех жаловаться на результат. Ведь он принес олимпийское «золото»?

— Знаете, до сих пор не осознал, что я олимпийский чемпион, как Гришин, как Куликов, перед которыми преклоняюсь. Я никогда не бегал на крупных международных турнирах, да и самое мое большое достижение до сих пор в спорте — юниорский рекорд мира и

бронзовая медаль чемпиона страны 1984 года. А тут сразу олимпиада, столько грозных соперников...

— Кое-какие факты из вашей биографии известны. Известно и то, что вы родились в Череповце. Выступаете за Центральный спортивный клуб Армии, учились заочно в Московском областном институте физкультуры. Рост сто восемьдесят два, вес семьдесят восемь килограммов.

— Исчерпывающе.

— Да не совсем. Иностранцы коллеги-журналисты замучили: кто такой этот сенсационный чемпион Фокичев, откуда взялся? Знали только некоторые анкетные данные. Так что давайте восполним пробел.

— Ну, что же, попробуем.

...Большую роль в спортивной судьбе Сергея сыграли родители. Отец, мастер цеха контрольно-измерительных приборов Череповецкого металлургического завода, в прошлом неплохой спортсмен, перворазрядник по легкоатлетическому десятиборью, чемпион и рекордсмен области (об этом олимпийский чемпион говорил с особой гордостью). И конечно же Фокичев-старший считал, что его сын не может быть в стороне от спорта. Такого же мнения была и мама — преподавательница истории. Собственно, она и вывела Сергея на лед. Правда, сначала это была не конькобежная дорожка, а каток, где занимались фигуристы.

— Тогда это было очень модно, — говорит Сергей. — И мама конечно же не могла удержаться от соблазна.

Буквально за руку, чуть не насильно, водила меня, шестилетнего, на тренировки. А мне было скучно. Так продолжалось два года, а потом меня выгнали из фигурного катания. Я, вместо того чтобы фигуры разучивать, старался как можно быстрее пробежать на коньках. «Мне такие скороходы не нужны, — сказал тренер. — Давай-ка, парень, подыскивай себе другое занятие».

И Сергей подыскал. Подыскал в рабочем спортивном клубе «Шексна», где конькобежной секцией руководил Александр Александрович Калинин. О Калинине, своем первом тренере, Фокичев отзывается с благодарностью, огромной теплотой.

— Понимаете, он не только конькам нас учил. Ксан Ксаныч удивительно умеет сделать жизнь других интересной. У него и на тренировках весело, он с нами и м поход, и в театр. Дни рождения вместе отмечали. Предстаньте, мы с ним делились самым сокровенным, советовались даже, какой галстук на свидание надевать, какие цветы девушке дарить.

И еще было одно увлечение у Сергея, для которого он потом старался выкроить немного времени. В школе после уроков и тренировок он спешил в судостроительный кружок. Там вместе с ребятами они мастерили яхту. Не яхту даже, а целую шхуну двухмачтовую. Назвали ее «Славянка». Мечтали на «Славянке» выйти в море, мечтали о дальних странствиях. Но моря в Череповце, как известно, нет. Поэтому заменила его ребятам река Шексна. Немного фантазии — и становился необозримым горизонт, соленый ветер бился в упругих парусах...

— Я и потом, — говорит Сергей, — как только приезжал домой, бросал чемодан и тут же летел к ребятам, к нашей «Славянке». И все повторялось, как в детстве. Садись на шхуну, уходили в плавание...

И снова разговор возвращается к «золотому» забегу.

— Олимпийскому спринту в Сараеве здорово не повезло: снег, ветер, трижды откладывались старты. А тут еще вам жребий уготовил первый забег. В такой ситуации, согласитесь, мог бы растеряться и искушенный спортсмен, не то что новичок...

— Я не считался лидером в сборной и уж конечно не был фаворитом олимпийского турнира. В команду попал в самый последний момент, когда стал третьим на чемпионате СССР. Так что мог чувствовать себя относительно спокойно. Когда началась вся эта нервозность с погодой и жребием, я сказал себе: «Успокойся, Сергей. Как бы ни

ло, ты обязан пробежать в полную силу. Только тогда I сможешь честно сказать себе, что сделал все, что мог». /■ Такой у меня был план. И я постарался от него не отступить.

Этому своему кредо Сергей Фокичев будет верен всегда. Еще долгие годы он оставался «королем» пятисотки, познав вкус ярких побед и дома, и за рубежом. В нем легко было найти черты и Гришина, и Муратова, и Куликова — лучших наших спринтеров разных лет, но всегда он оставался самим собой — спринтером яростным и непокорным.

Это потом уж Сергей Хлебников стал одним из самых популярных спринтеров мира, обладателем высоких титулов. В Сараеве он завоевал две серебряные награды (на дистанции 1000 и 1500 метров). Немногие спринтеры могут похвастать такой олимпийской коллекцией. Но мало кто знает, как необычно и трудно начиналась спортивная биография этого удивительного скорохода.

А история такова.

В 1974 году на Медео объявился некий загадочный человек из карельского городка Сортавала. Личность несколько странная. Косая сажень в плечах, стальные бицепсы, грудь моряка — вот-вот комбинезон разорвется. «Какой же это скороход, — посмеивались вокруг, — он ведь лед провалит. Ему бы штангу толкать». А атлет из Сортавалы, воспитанник тренера Юрия Скрипны, невзирая на насмешки бегал быстро, дрался на льду, как черт, и попортил нервы многим известным многоборцам. Это и был Сергей Хлебников.

Шел ему тогда 19-й год.

Так он появился на льду. И неожиданно исчез. Вспоминали о нем редко, а потом и вовсе забыли. А Хлебников, вернувшись в Сортавалу, забросил подальше коньки — наскучило ему это занятие, да и насмешки надоели. Разные профессии перепробовал, даже грузчиком подрабатывал — силой, слава богу, обделен не был.

Но вот в один прекрасный момент услышал он о чудо-рекордах олимпийского чемпиона Евгения Куликова, своего будущего друга. Они потрясли его. Рассудок твердил ему: «Забудь об этом, забудь!» А сердце призывно стучало: «На лед! На лед!» И он решил вернуться. Но теперь уже в новой роли, роли спринтера. Скептики на тренерской бирже посмеивались: опять культурист появился.

Чего стоило ему начать все сначала, знает только он сам. Приходилось сгонять вес, работать до полного изнеможения — едва добирался до кровати. Но от своего решения не отступил.

И вот его второе появление через четыре года! Снова Медео, снова недоуменные взоры. А он — сразу в бой. Тогда-то все, в том числе и сам Куликов, почувствовали силу этого загадочного Хлебникова. В одном только 1978 году он получил весной бронзовую медаль на спартакиадном турнире в Свердловске, выиграл осенью всесоюзный старт в Киеве, а в начале зимы победил на отборочных соревнованиях на Медео. Шутники притихли. А старший тренер тогдашней спринтерской сборной Валерий Муратов прямо сказал:

— Я бы не хотел раздавать преждевременно комплименты. Но, помяните мое слово, этот парень еще покажет себя. Никаких авторитетов не признает. А возможности у него огромные.

Спустя четыре года после этого разговора Хлебников стал чемпионом мира в голландском городе Алкмаре. Шел он к этому званию с упорством очень последовательного человека. Вот как выглядело это восхождение на четырех чемпионатах мира, участником которых он был. 1979 год — пятый, 1980-й — четвертый, 1981-й — второй, 1982-й — первый. Так скалолазы во время подъема прорубают себе ступеньки к вершине.

Так что успех Хлебникова в Сараеве выглядел вполне логичным, вполне закономерным.

— Конечно, мечтал об олимпийском золоте, — сказал Сергей. — На этот раз не получилось. Но я не унываю.

— Как вы оцениваете выступление нашей спринтерской команды в Сараеве?

— Вновь подтвержден высокий авторитет советской школы спринта. Особенно рад за Сережу Фокичева. Он продолжил на пятьсот метров золотую серию побед олимпийских чемпионов Евгения Гришина и Евгения Куликова. Парень с характером и, несомненно, талантлив. Значит, мы, ветераны, можем быть спокойны. В нашем спринте растет достойная смена. Так что будем с оптимизмом смотреть в будущее!

Владимир Кучмий Александр Любимов

ВСЕГДА ИСКРЕННЕ ВАШ...

Он ворвался в высший конькобежный свет ошеломляюще дерзко и стремительно. За два сезона Николай Гуляев выиграл все высшие титулы, существующие в спорте. Такого история коньков еще не знала. В сезоне-87, когда ему еще и двадцати одного года не исполнилось, стал чемпионом Европы и мира в классическом многоборье, а год спустя выиграл золотую олимпийскую медаль в Калгари на дистанции 1000 метров.

Но главная победа Николая Гуляева в другом — он выдержал все жестокие испытания и славой, и неверием, и шел к своей цели прямо, не по извилинам — открыто и естественно, будто спешил утолить жажду своего мятежного характера.

...Туман был густой и плотный. Он спустился на дорогу неожиданно, распластался в сумерках по обочине. Мощные фары «Вольво» едва выхватывали из тумана заградительные столбики вдоль шоссе Леуверден — Херенвен. Но ван дер Дюйм не погасил скорость.

Стрелка спидометра нервно пульсировала у отметки 150 километров в час.

Ван дер Дюйм спешил. Спешил в родной Херенвен, чтобы увидеть первые забеги чемпионата мира на катке «Тиалф».

На синем щите смутно мелькнул знакомый указатель: «Херенвен, центрум», и он знал, что сейчас будет последний поворот перед въездом в город, а потом крутой спуск. «Вольво» уже почти миновал поворот, как вдруг колеса понесло юзом по скользкому, как мыло, асфальту. Тяжелую машину бросило к обочине, и последнее, что сумел увидеть ван дер Дюйм, был громадный плакат на телеграфном столбе: «Спешите на каток «Тиалф»!»

В то время когда двукратный чемпион мира Хильберт ван дер Дюйм боролся за жизнь в отделении реанимации херенвенского госпиталя, на переполненном и ликующем «Тиалфе» чествовали нового чемпиона мира. Сани несли вдоль трибун человека с лавровым венком на шее, а зрители, приподнявшись на цыпочках, скандировали: «Гу-ля-ев! Гу-ля-ев!»

Мир приветствовал нового конькобежного «короля» — юного москвича Николая Гуляева.

Да, мужские коньки еще не видели такого стремительного шага из неизвестности к всеобщему признанию. «Еще вчера мы его не знали в лицо, — писала в те февральские дни одна из голландских газет. — Сегодня же трудно представить себе чемпиона более достойного и симпатичного, чем Гуляев».

Поздно вечером, в уютном придорожном ресторанчике близ Херенвена был устроен большой и шумный прием в честь призеров чемпионата — сверкали канделябры, шуршали длинные платья, официанты во фраках лавировали между столиками. Слово дали новому чемпиону. Он поднялся на сцену — ослепительно белокурый, статный, улыбчивый. Подошел к микрофону.

— Первым делом я хотел бы передать этот вымпел с автографами советской команде ван дер Дюйму — спортсмену, который многие годы был примером для всех нас. Его подстерегла беда, и мы желаем Хильберту выздоровления и передаем сердечный привет.

И Гуляев поднял над головой алый вымпел. Накануне он написал на нем по-английски: «Желаем видеть тебя

в хорошем состоянии и снова на коньках».

В дни сладкого триумфа не каждому дано вспомнить своего неудачливого конкурента...

А потом приехал оркестр. Сыграли для призеров несколько композиций. Дирижер спросил: «Что еще желаете услышать?» Олег Божьев, теперь уже экс-чемпион мира, ответил: «Нам бы гитару». Дали Божьеву гитару. Гуляев сел за ударник. И около часа зал слушал русские мелодии, слушал импровизации двух необычных солистов.

Он так же естествен и в жизни — этот белокурый парень, с которого впору писать портрет былинных русских богатырей. Его переполняют доброта и щедрость. Его сердце открыто всем. «Последнюю рубашку отдаст, не задумается», — говорил старший тренер сборной СССР Борис Васильковский.

В 1982 году на первом в своей жизни крупном турнире — чемпионате страны среди юношей в Горьком — за десять минут до старта в раздевалку вбежал первый наставник Гуляева Юрий Осадкин. И ужаснулся: сидит Николай на скамеечке босой, в трико и майке, вид растерянный.

— Что случилось? Почему не одет?! — воскликнул Осадкин.

— Извините, Юрий Николаевич, у Сережи Лучкина из Уфы комбинезона своего нет. А ему позарез бежать нужно. Ну я свой и отдал.

По характеру он игрок, импровизатор. Таков на льду: многие ходят на каток лишь для того, чтобы посмотреть раскованный, парящий бег Гуляева. Таков и в жизни.

Приехал однажды на тренировку без роликовых коньков — забыл дома. Васильковский возмутился, а он: «Не волнуйтесь, достану!» И достал-таки ролики 41-го размера, а у него — 44-й. Обрезал носки ботинок, явился на тренировку — катается, весело насвистывает.

На южном сборе команда тренировалась в шоссейных гонках. У всех велосипеды гоночные, никелем блестят, на таких только лучшие шоссейники гоняются, а для Гуляева подходящего велосипеда не оказалось — ему машина особая, тяжелая нужна. Тренеры говорят:

— Садись в техничку, поедем за гонкой. Словом, отдыхай. — А тот только усмехается:

— Как это — отдыхай! У меня своя машина есть.

Тащит дамский велосипед (и где только раздобыл —

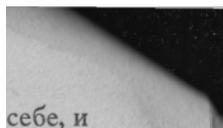
на таких барышни в парках катаются), говорит: «Чем не машина? Я и на такой погоняюсь». И сто километров мелькала его дамская игрушка среди сверкающих на солнце никелированных машин. И за все сто километров ни разу не остановился, от гонки не отстал.

Кое-кто его упрекает: «Это ведь спорт, а не игра!» А он искренне удивляется: «А разве спорт не игра!»

Кто же он — достойный и симпатичный чемпион? Как и когда взошла на конькобежный небосклон его счастливая звезда?

Алексей Иванович Гуляев, инженер-строитель по профессии, слыл в Вологде конькобежцем умелым и самобытным. Мастер спорта, чемпион «Труда», чемпион Северо-Западной зоны России, был человеком упорным, отчаянным.

Когда соревнования проходили в Вологде, Гуляев брал на стадион сына. Гуляев-младший ждал таких дней с нетерпением, как больших праздников, и словно верный оруженосец носил в большой сумке коньки и спортивный костюм отца. На стадионе ему разрешали подходить к самой бровке, и оттуда он с восторгом смотрел, как отец мощно резал диковинными «балангрудами» бугристый, шершавый лед, как неизменно приходил к финишу первым. Глядя восхищенно на лед, Николай и предположить не мог, что когда-то пойдет дальше отца, что с этого же бугристого льда, с этого маленького стадион-

чика шагнет на лучшие катки мира, принесет славу и своей Вологде.

Выбор Гуляева-младшего предопределило не только увлечение отца. Заядлой спортсменкой была и мать Маргарита Константиновна, техник-химик на заводе. Вся семья покатывалась от хохота, когда она рассказывала историю из времен своей юности:

— Проводились у нас как-то заводские соревнования по лыжам среди бригад. Я в своей бригаде — главное действующее лицо, лидер, как сейчас говорят. А меня мать, бабка Николая, ни в какую не пускает: стыдно, мол, говорит, с парнями бегать. Я вроде соглашаюсь, а сама тайком шаровары под юбку натягиваю, бегу на старт и лечу три километра с сумасшедшей скоростью, чтобы домой быстрее вернуться. И только на следующий день узнаю, что какой-то фантастический рекорд установила и меня судьи до позднего вечера разыскивали, чтобы вручить приз.

Повезло ему не только с родителями, но и с тренерами. И с первым вологодским тренером Юрием Осадкиным — молодым выпускником Смоленского инфизкульта, который давал ему первые уроки на льду и с которым они (разница в годах была невелика) порой спорили до хрипоты и о методике, и о тактике бега. А главное о том, как здесь, в неконькобежной Вологде, вдали от признанных центров, бросить вызов мировым лидерам. Мечты были дерзкие, но оба они, учитель и

ученик, верили в них самозабвенно, так же самозабвенно работали на льду.

Повезло и с преподавателями института физкультуры в Москве, куда он поступил после школы, — Виктором Чурсиным и Анатолией Безденежных. Это они, когда у Гуляева еще и настоящих беговых коньков не было, пошли в спорткомитет и доказывали там, убеждали, что Гуляев может стать выдающимся конькобежцем и специальные коньки ему нужны позарез, и внимание. Доказали-таки, убедили, и именно тогда имя Николая Гуляева впервые появилось в списках скороходов, которые проходили под банальным кодовым названием «перспективные».

Повезло и с тренером сборной «Буревестника» Людмилой Перель — тренером тактичным, тонким, через руки которой прошло немало знаменитых чемпионов. В студенческой группе он был самым младшим и самым еще неумелым скороходом, и Перель была к нему особенно внимательна, бережно опекала.

Главная же для него встреча состоялась летом 1984 года. Встреча с Борисом Васильковским.

у

Как-то к Васильковскому подошел Владимир Иванович Мацнев, его бывший учитель, один из знаменитой гвардии «стариков». Как бы вскользь заметил:

— Тут один парень появился — из Вологды. Чудо-паренек. Присмотрись к нему. Фамилия — Гуляев.

Васильковский взглянул в протокол забегов. На дистанции 5000 метров у Гуляева был результат 7.08,50. Результат средненький. Многие той весной бегали быстрее. Но Мацнева обижать не хотел. Пообещал за новичком присмотреть. Включил кандидатом в сборную. По весне, как правило, кандидатов набиралось немало, к осени многие отсеивались, не выдерживали отбора. Словом, Васильковский решил подождать до осени.

Летом команда собралась на первый сбор. Летели на юг, в Сочи. Встреча была назначена в московском аэропорту Внуково. Там к Васильковскому подошел высокий, белокурый парень, представился: «Гуляев, прибыл на сбор. Какие будут распоряжения?» Васильковский едва сдержал улыбку — уж очень официальный тон был у новичка. Сказал: «Задание такое: иди к ребятам, знакомься».

Сборная в ту пору была хоть и молода, но знаменита. Известность к ней пришла за одну последнюю зиму. Игорь Малков носил титул олимпийского чемпиона, Олег Божьев — чемпиона мира, Виктор Шашерин — мирового рекордсмена. Из «стариков», которым, впрочем, не было и двадцати пяти, оставались только Дмитрий Бочкарев, вице-чемпион мира, и Сергей Березин, победитель мировых и европейских первенств в марафоне. Кроме титула у каждого был свой нрав.

Но Гуляев вписался в эту пеструю компанию так легко и непринужденно, будто был знаком с ней всю жизнь. При этом в общении не подстраивался ни под чей характер, всегда оставался самим собой. И эта естественность подкупала. Новичку помогали чем могли, радовались его успехам, утешали в минуты неудач.

Особенно близко сошелся с Олегом Божьевым, чемпионом мира 1984 года. Вместе тренировались, вместе проводили свободное время. Однажды Божьев, который в общем-то громких слов не жалуется, вдруг сказал новому другу: «Через год будешь чемпионом». «Чемпионом чего?» — удивился Гуляев. «Как чего? Мира, конечно», — уточнил Божьев.

— В ритм, в жизнь сборной он вошел удивительно быстро, — вспоминает Васильковский. — На вид он не представлял собой ничего особенного. Высок — 192 сантиметра, но очень уж слаб был, на коньках стоял неуверенно, вот-вот ветром сдует. Но характером своим обезоружил сразу. В работе он человек железный, все делал от и до, во всем любил порядок. И все же с самого начала я понял, что к нему надо относиться бережно. Ему нельзя было просто заложить программу — делай, мол, то-то и то-то. К нему нужно было всегда прислушиваться, ибо он мог объективно оценивать свои возможности, свои настроения. Если говорил, я могу это сделать или я не могу это

сделать, ему следовало верить, и я верил ему. В спорте вообще нельзя механически планировать. В спорте, как и в любом творческом деле, нужен индивидуальный подход. Гуляев — очень индивидуален по характеру. Если бы мы, тренеры, не поняли этого, он мог бы просто не выразить себя, потеряться.

У него было много шансов потеряться в жизни. И после того, как на свет всплыло «дело Гуляева», которого на самом деле, как потом выяснилось, не было, но о котором весь предолимпийский январь шумела западная пресса. И после того, как, оказавшись уже в Калгари перед перекрестными настораживающими взглядами, упал, врезался в поролоновые маты уже на первой дистанции олимпийского турнира — 500 метров. Судьба не только баловала его — была и жестокой, испытывая и славой, и подножкой. Но он не потерял себя, шел к цели всегда прямо, не зигзагами — открыто и естественно. В этом его сила. И когда в Калгари он все же переломил себя и свою судьбу — выиграл с уверенностью «не свою» спринтерскую дистанцию 1000 метров, тому, кажется, никто не удивился — так прочна была вера в его успех и у публики, и у тренеров, и у соперников.

Константин Кудрявцев как-то сказал о нем:

— Он настолько естествен, настолько наполнен какой-то удивительной решимостью, что таким людям не верить просто нельзя.

Более емкую и точную характеристику придумать трудно.

Он и часу не бывает один — не может находиться в вакууме. В межсезонье, в пору короткого отпуска, многие сверстники прячутся от постоянных глаз, стараются остаться один на один со своими мыслями. Он же ищет встреч, общения. В Москве спешит в Большой на «Лебединое озеро», или в «Сатиру» на «Ревизора», или долгими вечерами просиживает с Васильковским, или едет в Вологду — к матери, старшей сестре, к старым школьным /рузьям, и тогда дом наполняется людьми. Мать готовит фирменное блюдо — тушеное мясо по-вологодски или торт «наполеон», а Николай помогает ей, носитя по магазинам и рынкам, стоит, надев фартук, у плиты и умело

сервирует стол, а потом бежит к друзьям, на футбол, в кино или в дискотеку.

Болезненно переживает, что у нынешних вологодских мальчишек уже нет такого интереса к конькам, какой был у него и его друзей, и мечтает восстановить конькобежную славу Вологды, устроить турнир звезд на местном катке — уже подбил Божьева и Бочкарева приехать туда с показательными выступлениями и уверен, что трибуны, как когда-то, будут ломиться от зрителей и в конькобежную школу Юрия Осадкина вновь повалят мальчишки.

Он умеет фантазировать, умеет сопереживать чужому горю, радоваться чужому счастью. Когда остается один на один с книгой, то не просто читает — общается с ее героями, как бы живет в ними. За несколько дней проглотил знаменитую трилогию Теодора Драйзера и все эти дни страдал, радовался, боролся вместе с ее героями.

И люди его влекут контактные, легкие на подъем, иронические (его определение), поэтому и в театре и в кино предпочитает таких актеров, как Евгений Леонов, Олег Табаков, Олег Янковский, в литературе — героев Михаила Булгакова, в спорте — партнера по сборной Игоря Железов-ского, который неуловимо похож на Гуляева и внешне и, главное, внутренне — так же легок в общении, так же открыт.

Он не может жить без зрителей, без трибун. Думаем, вряд ли бы стал олимпийским чемпионом или мировым рекордсменом на пустом стадионе. Он не может играть для самого себя — щедро делится своим талантом с трибунами, а те, чувствуя это, тоже платят ему своей признательностью. Стоит ему только появиться на каком-либо катке мира, и трибуны уже шелестят аплодисментами, на лед уже летят цветы и из-за бортиков тянутся открытки за автографами. Когда в январе 1988 года он не приехал на чемпионат Европы в Гаагу (готовился к олимпиаде дома), едва ли не треть билетов были возвращены в кассы катка «Аутхоф» — публика не мыслила себе этот чемпионат без Гуляева.

В чем же феномен Николая Гуляева? Быть может, в его внешнем обаянии? А может, в его блестящих рекордах и победах? Или в его

страстном желании бороться яростно, до конца? Или в его общительности, благородстве?

Но если все это объединить одним словом, то главное, чем подкупает, чем притягивает к себе этот человек, — его естественность. Он все делает естественно — бегают, бьет рекорды, улыбается, играет, общается с людьми. Он естественно живет.

...После чемпионата мира-87 он возвращался из Голландии рейсом Аэрофлота Амстердам — Москва. Его сразу же узнали в самолете, потянулись за автографами. Когда рейс подходил к концу, пилот объявил, что в Шереметьеве Гуляев встречает много народа — знакомые, журналисты, фотокорреспонденты. И в самом деле, в здании аэропорта он попал в окружение шумной толпы. Были цветы, рукопожатия, кузнечиками стрекотали фото- и кинокамеры. И вдруг в стороне он увидел до боли знакомую фигуру Евгения Кожевникова, старого вологодского друш детства. Извинился перед журналистами, которые приго-товились к интервью, сказал, что отлучится на минутку. Подбежал к Кожевникову. Обнялись.

— Слушай, Николай, не знаю, как быть — сказал Кожевников. — Я взял билеты на Вологду. Поезд отходит через два часа с Ярославского вокзала. Нужно немедленно садиться в автобус.

Гуляев шагнул к журналистам, поднял руку.

— Извините, но я должен ехать на вокзал. Интервью готов дать всем, кто пожелает ехать со мной.

Журналисты, не сговариваясь, двинулись к выходу с Гуляевым. Шофер автобуса, который должен был ехать в сторону Лужников, согласился изменить маршрут. Гуляев сел на место гида, взял в руки микрофон и весь путь до вокзала рассказывал журналистам о рекордах «Тиал-фа», о себе, о своих друзьях.

Он и на этот раз остался самим собой.

АЛМАЗ В ОПРАВЕ ГОР

Каких только эпитетов не доводилось слышать об этом уникальном горном уголке под Алма-Атой! Красивое слово — Медео — произносят чаще всего с восхищением. Иначе, наверное, и быть не может: здесь, на самом быстром в мире льду, более ста раз вносились изменения в таблицу рекордов планеты. Абсолютно точную цифру не могут назвать даже всезнающие конькобежные статистики, зато совершенно точно известно, что первый мировой рекорд, установленный на Медео и признанный ИСУ, датирован 4 февраля 1951 года. Его автор Софья Кондакова —

1000 метров за 1.36,8. А до этого...

Л

В конце сороковых годов Константин Кудрявцев, в то время один из сильнейших спринтеров мира, уже собираясь стать тренером, носился с идеей высокогорного катка. Он-то понимал, что скорость можно «поймать» только в горах. Счастливый случай свел его с Анатолием Мельниковым, сыном знаменитого советского скорохода Якова Мельникова. Мельников-младший рассказал, что институт, в котором он учился, в годы войны был эвакуирован в Алма-Ату.

И студенты — любители конькобежного спорта — отыскали близ города, в горах, где зима устойчива, где много солнца, а вода самой природой очищена от солей, великолепные места для заливки катка.

Как альпинист лазил Кудрявцев по горам, искал подходящее для будущего катка место и наконец нашел его в урочище Медео. Вскоре десяток энтузиастов с помощью алма-атинских любителей спорта соорудили здесь простенький ледовый овал.

Медео стал той стартовой площадкой, с которой поднялись к олимпийским высотам Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли, Инсбрука, Гренобля и Лейк-Плэсида Евгений Гришин и Юрий Михайлов, Борис Шилков и Лидия Скобликова,

Клара Гусева и Виктор Косичкин, Анте Антсон и Людмила Титова, Галина Степанская и Татьяна Аверина, Евгений Куликов и Наталья Петрусева. Надеюсь список этот будет обязательно продолжен.

Весной 1970 года Совет Министров Казахской ССР принял постановление «О проектировании и строительстве катка Медео». Французский архитектор Лоран Шаппи, знаменитый тем, что построил на своем веку больше сорока горных спортивных баз, исколесивший весь свет и знающий, наверное все чудесные уголки на Земле, побывал и в урочище Медео. Его мнение было однозначным: это лучшее место для высокогорного спортивного комплекса из всех, какие он когда-либо видел. Все его восхитило — и горы, и воздух, и вода, и проект катка, сделанный алма-атинскими коллегами. «Идея нового Медео овладела массой людей, — писали в те годы газеты. — И непосредственно причастных к будущему строительству, и тех, кто, казалось бы, прямого отношения к катку не имел. И тогда она, эта идея, стала, как и положено ей было стать, материальной силой.

Сила эта оказалась могучей. Она разворотила в самом прямом смысле этих слов горы и с удивительной ювелирной точностью и вкусом большого художника врезала в необыкновенной красоты корону из черных хребтов Заилийского Алатау этот алмаз — ледовый стадион Медео. Теперь, когда все готово, когда в горах на высоте 1691 метр над уровнем мирового океана перед вашим взором предстает вдруг этот единственный в своем роде

спортивный комплекс, складывается такое впечатление, что он всегда здесь был, что не люди его сотворили, а сама природа».

И все-таки именно люди воздвигли эту горную сказку — строители и монтажники Министерства автомобильных дорог Казахской ССР по проекту алма-атинских архитекторов (главный архитектор проекта Владимир Карцев). Создатели Медео были удостоены в 1975 году Государственной премии СССР. Рассказывают, что самым сложным было «испечь» бетонный пирог в 12,5 тысячи квадратных метров, начиненный 170

километрами труб. Сложность заключалась в том, что пирог этот должен был выдерживать колебания температуры от плюс 30 градусов до минус 25.

Сегодняшний Медео — это 10,5 тысячи квадратных метров искусственного льда, четыре холодильные установки мощностью пять миллионов килокалорий в час, 12 500 мест на трибунах, 1900 квадратных метров помещений, расположенных на пяти этажах и под трибунами: холлы, раздевалки, тренерские и судейские комнаты, буфеты, прокатный пункт, кинозал, медицинский комплекс с восстановительным центром, пресс-центр, узел связи. А рядом с катком — великолепная гостиница и открытый плавательный бассейн, магазины и рестораны, вместительные стоянки для автобусов и легковых машин. И конечно же горы — завораживающе красивые в любое время года, да воздух, пьянящий своей чистотой.

Медео — стадион для всех. Это не голословное утверждение.

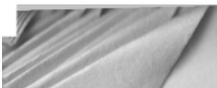
С сентября по апрель каждое воскресенье тысячи алмаатинцев и гостей столицы Казахстана направляются в «конькобежную Мекку». По традиции на этот день не назначается никаких соревнований и турниров, и полными хозяевами Медео становятся почитатели коньков. Всего за 30 копеек им предоставляется возможность оставить «автограф» на льду, где «расписались» буквально все сильнейшие в мире скороходы последнего десятилетия.

Да, Медео забываем, Медео неповторим. Сколько чудес свершалось на этом отливающем голубизной льду!

И память бережно хранит эти мгновения.

...Словно из катапульты вылетает из внутреннего виража на финишную прямую Евгений Куликов. Олимпийский чемпион 1948 года Свер Фарстадт, представляющий на матче СССР — Норвегия крупнейшую газету своей страны «Арбейдербладет», восклицает: «Фантастик!» — и пожимает плечами. Эта

мимическая сцена расшифровывается приблизительно так: «Не понимаю, как он мог удержаться на ногах при такой скорости?» А Евгений удержался, буквально пролетел последнюю стометровку, и стадион дружно ахнул: 37,99 показывало табло. Новый мировой рекорд в спринте!

А потом, меньше чем за месяц, все на том же Медео /Куликов доведет рекорд до фантастической по тем временам цифры — 37,0. Еще через год он станет олимпийским чемпионом на этой дистанции в Инсбруке...

...Улыбающиеся Эрик и Бет Хайден, удобно расположившись на поролоновых матах, обрамляющих виражи ледового овала, и с удовольствием подставив лица горному солнцу, отвечали на наши вопросы. «Да, этот каток создан природой для того, чтобы здесь били рекорды. Ничего подобного нигде в мире мы не видели. Правда, Бет?» И миниатюрная сестренка в знак согласия кивает головой. Через день юный американец докажет правоту своих слов, продемонстрировав удивительные скорости на дистанции 1000 метров. Через год он будет уже обладателем всех титулов в мировом конькобежном спорте, кроме олимпийского. А через три года он совершит такое, что превзойти уже невозможно, а можно лишь повторить: выигрывает все пять дистанций на Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде...

За два мартовских дня весны 1983 года участники матча СССР и ГДР переписали на Медео чуть ли не всю таблицу мировых достижений. Небывалый фейерверк рекордов!

Дерзкий вызов времени, торжество скорости — все это подарил нам Медео. В чем же секрет его быстрого льда? Существует ли какая-либо тайна? Нет, никаких секретов и тайн. Все проще простого: кристально чистая вода ледника Туюксу родила кипенно-белый поток речки Малая Алмаатинка, а ее

стремительность, весь динамический заряд вобрала в себя ледовая дорожка катка.

Слава об удивительном катке разлетелась по свету. И вовсе не удивительно, что лондонская «Таймс» в августе 1982 года со ссылкой на агентство Рейтер опубликовала пространный материал о Медео, в подзаголовке которого стоял вопрос: «Имеет ли советский курорт в Центральной Азии основания для организации зимних олимпийских игр?» А вот вывод, сделанный автором статьи: «В мире не так много подобных мест, где есть все необходимое для проведения соревнований по дисциплинам, входящим в программу зимних Игр».

Лев Россошик

ДВА ЛАВРОВЫХ ВЕНКА ЗА ОДНУ ПОБЕДУ

Зимой 1962 года Виктор Косичкин был увенчан лавровым венком чемпиона мира, и его несли на руках перед ликующими трибунами 100-тысячных Лужников. Это был еще один яркий миг в череде громких побед советских скороходов той незабываемой золотой поры. К победам этим так привыкли, что, казалось, им не будет конца. Но

случилось нечто непредвиденное. Шли годы, а Косичкин так и оставался нашим последним чемпионом.

Раздосадованный неудачами своих преемников, он пообещал, что отдаст свой лавровый венок тому, кто повторит его лужниковский успех.

Ждать ему пришлось 22 года...

Зимой 1984 года москвич Олег Божьев получил два лавровых венка за одну победу — на мировом чемпионате. Первый ему надели на катке «Уллеви» в Гетеборге, второй вручил уже в Москве Виктор Косичкин. Божьев — с его именем и связано возрождение наших мужских коньков 80-х годов.

А еще в начале зимы того памятного олимпийского сезона перед ним едва не закрыли дверь в сборную. Понять тренеров, впрочем, было нетрудно. Никому до тех пор не знакомый новичок, воспитанник тренера Владимира Филиппова из спортклуба «Москвич», с неожиданным блеском выступил на январском чемпионате страны в Москве и тем самым поставил тренеров в сложное положение. С одной стороны, олимпийская команда уже была, по сути, определена, с другой — следовало соблюсти спортивный принцип, а значит, включить в состав победителя чемпионата. Брать или не брать Божьева в Сараево — этот вопрос дискутировался на катке «Динамо» до позднего вечера на заседании президиума конькобежной федерации. К счастью, спортивный принцип взял верх, хотя противников у новичка было предостаточно — они считали его успех случайным.

— Да ведь это самый настоящий выскочка, — слышалось в коридорах катка. — Стоит ему выйти на лед в Сараеве, как у него задрожат коленки!

Но коленки у выскочки в Сараеве не задрожали. В острейшей борьбе с признанными лидерами на катке «Зетра» он выступил с большим достоинством в забегах на 1500 метров и принес команде бронзовую медаль. Уступил он только двоим — тем, кого в тот момент обыграть было просто нереально, — канадцу Гаэтану Буше и лидеру советской сборной Сергею Хлебникову.

Но — странное дело! — даже после этого многие отказывались принимать Божьева всерьез. И ростом он не вышел, и мощностью, и конькобежных университетов не кончал — ну, какой из него лидер! Но свое право на лидерство он доказал не словами, не спорами — делом. После победы в Гетеборге шведские газеты писали о нем с восторгом, подметив в новом чемпионе и элегантность стиля, и расчетливость, и страстность, и умение четко выверять каждый свой шаг. Шведы, в отличие от наших тренеров, сумели увидеть в нем большой талант, за врожденной скромностью, даже застенчивостью разглядеть натуру пылкую, дерзкую.

Пройдут годы, и его лидерство признают все. Он окажется самым надежным, ровным скороходом среди своих

стников, завоеует высокий авторитет в конькобежном е. После Гетеборга Божьев еще трижды участвовал в емпионатах мира и трижды завоевывал серебряные награды. Стабильность при современной конкуренции исключительная.

И человек он стабильный, верный на льду и в жизни, челоВ' с обостренным чувством долга. Весной 1986 года он попал с тяжелой травмой в Первый Московский физкультурный диспансер и, едва перенеся сложную операцию, уговорил врачей выписать его раньше времени — рвался на лед, на тренировки. Потом он объяснил это так:

— В то время сборная еще окончательно не сложилась. Ее старший тренер Борис Васильковский только подбирал молодых талантливых ребят, но их время тогда еще не пришло. А у меня уже был и опыт, и титулы, и в тот момент только я мог реально бороться с голландцами, шведами, норвежцами за высокие места. Поэтому во что бы то ни стало должен был выйти на лед, поддержать новичков. Даже с Филипповым и женой, помню, поссорился — они настаивали, чтобы я продолжал лечение. Но я настоял на своем — другого выхода тогда не было. Рядом с ним, с лидером, несомненно, быстрее раскрылся талант и Виктора Шашерина, рекордсмена мира, и особенно Николая Гуляева — будущего чемпиона Европы, мира и олимпийских игр.

С Гуляевым они подружились сразу, как только тот оказался в сборной в 1985 году. Так в жизни бывает — незнакомые люди с первой встречи становятся друзьями. Божьев внимательно следил за своим юным партнером и однажды, после очередной тренировки, неожиданно сказал ему:

— Николай, через год ты будешь чемпионом.

— Чемпионом чего? — удивился Гуляев.

— Как — чего? Мира, конечно, — серьезно объяснил Божьев. Через год Гуляев стал чемпионом мира на катке «Тиалф» голландском городе Херенвене. На пьедестале они стояли рядом: Гуляев на верхней ступени, Божьев рядом, на второй. И когда трибуны скандировали «Гу-ля-ев, Гу-ля-ев!», новый чемпион вдруг схватил Божьева за руку и поднял ее вверх. Это был знак признательности верному другу, который научил верить, бороться и побеждать. Вспоминая тот момент, Божьев пошутил:

— Кажется, в тот момент я покраснел от смущения до корней своих огненно-рыжих волос. Это был такой счастливый миг...

Любая яркая победа помнится долго. Но есть победы, которые не забываются никогда, которые имеют особый вес, — те, что открывали путь целым поколениям, окрыляли партнеров, преемников. Мария Исакова, Евгений Гришин, Олег Гончаренко, Евгений Куликов — каждый из них в свое время был как бы знаменем, символом для тех, кто выходил на лед рядом с ними, продолжал их дело. В этот ряд можно поставить и имя Олега Божьева. Прервав кризис, затянувшийся на долгих двадцать два года, он вселил надежду и веру в наш конькобежный спорт, а уж за ним пошли и другие.

Право, он был достоин того, чтобы получить за свою победу в 1984 году два лавровых венка...

Владимир Кучмий Александр Любимов

Владимир Кучмий А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Итак, перед вами промелькнули сто лет. Прошелестел страницами целый конькобежный век. Он был соткан из смешного и грустного, из восторженных побед и печальных разочарований, из золотых взлетов и затяжных кризисов, из бессонных ночей, вечных поисков и больших надежд. Наконец, он был соткан из реальных человеческих судеб, и эти судьбы и есть главное достояние нашей конькобежной истории. Ведь историю, как известно, творят люди.

Да, многое осталось в воспоминаниях. Но жизнь продолжается. Чем живут наши коньки сегодня? Что их ждет завтра? На пороге нового конькобежного века давайте поразмышляем об этом.

Олимпиада-88, как помните, кончилась для нас провалом. Это если сравнивать то, что ждали, с тем, что получили. Ждали мы от мужчин (о женщинах речи не шло — тут ситуация тупиковая) 3 золотые медали в солидной оправе серебра с бронзой, а получили только одну от Николая Гуляева, подслащенную бронзой Игоря Железovsky-го. Полетели кресла из-под главных и неглавных тренеров, срочно стала составляться новая программа, и надежды отложили на первый послеолимпийский (он же первый предолимпийский) 1989 год.

Он действительно принес симптом выздоровления, если и не полного, то частичного наверняка. Чтобы убедиться в этом, достаточно пересчитать итоги сезона-89 по олимпийским очкам и сравнить их с итогами Калгари-88. Вот каковы наши позиции на фоне ведущих конькобежных стран:

Но это — голые цифры. Они безлики. А что за ними?

1988 год

Место Очки Место

3	28	4
1	77	1
2	41	2
4	29	3

1989 год

Медали Очки

сер.	бр.	
1	1	34
6	3	76
2	2	44
—	3	32
1	1	16

	зол
СССР	3
ГДР	3
Г оландия	2

США	1
Норвегия	1

Пожалуй, главными действующими лицами зимы-89 вновь были два наших старых знакомых — Николай Гуляев и Игорь Железовский. Но пути-дороги их разошлись, а судьбы на этот раз оказались совершенно разными — один, что называется, упал, другой, напротив, вновь высоко взлетел. Но падение одного и взлет другого в одинаковой степени отражают суть того, что происходит сегодня с нашими мужскими коньками.

Многоборный чемпионат мира на этот раз проходил в Норвегии на катке «Валле Ховин», но на самом деле он был голландским. Золотую и серебряную медали выиграла оранжевые комбинезоны — Лео Фиссер и Герард Кемкерс. А вот турнирная судьба наших: Гуляев получил малую золотую медаль на 500 м, Ильдар Гараев малую бронзовую на 1500 м, и он же, Гараев, — единственный, кто попал в список шестнадцати финалистов с 11 очками в многоборье. Как относиться к этим скромным результатам?

Конечно, проще всего было бы удариться в сравнения, ведь все в сравнении и познается. Тогда станет очевидно: даже при этом сделан шаг вперед и после проваленного нами мирового чемпионата-88 в Алма-Ате, и после чемпионата европейского в Гетеборге — прежде всего за счет отдельных дистанций. Наконец, мы получили право в 1990 году (а это право было опять-таки потеряно в Алма-Ате) выступать полным составом на первенстве мира, вчетвером, а это тоже важно.

И все же не будем лукавить. Чемпионаты-то испокон веку многоборные, а в многоборье мы потерпели полную неудачу, пусть и подслащенную медалями на дистанциях. Тем более что и тут есть пример для сравнения: в недалеком 1987 году у нас, как теперь у голландцев, были в руках оба высших титула — и европейский, и мировой.

Так что сравнивать можно и так и этак, на любой вкус. Мне же кажется, куда важнее не бросаться в крайности, а посмотреть на происшедшее зимой-89 сквозь призму будущего, попытаться разглядеть за малыми медалями и большими цифрами конкретных людей и конкретные обстоятельства. Словом, попытаться уловить суть.

Тот чемпионат на «Валле Ховине» мы выиграть не могли. Могли выступить чуть лучше или чуть хуже, но выиграть — нет. Ибо сейчас это по силам лишь одному человеку — Гуляеву, а сил-то для этого у него и не было.

Гуляев, как известно, взлетел быстро и высоко. За два только сезона — 87-го и 88-го годов — добился того, к чему иные идут долгими годами и очень часто безуспешно: чемпион Европы, мира, Олимпийских игр. Полный комплект для славы. Талант он и в самом деле редкий, об этом постоянно шумит и наша и западная пресса, и я рискну даже предположить: по таланту Гуляев стоит выше всех лауреатов того же чемпионата в Осло. Тех же Фиссера и Кемкерса он бивал, за исключением марафона, не однажды, а о других и говорить нечего. Но Фис-сер и К° пошли дальше. Гуляев же пришел в сезон опустошенным.

Не имея прочной базы, по конькобежным меркам еще очень молодой (всего-то 21-й год шел ему тогда), он будто кинулся головой в омут и за два сезона едва не иссушил свой талант до дна. Был бесшабашен сам, бесшабашны были и тренеры — взяли от него сразу и легко все, что можно было взять. После Олимпиады его обследовали врачи в космической клинике и ужаснулись: полное истощение, болезнь желудка, функциональные нарушения.

Словом, талант остался, за ним — пустота.

На чемпионат-89 я ездил руководителем нашей делегации. Перед Осло мы неделю провели в Инцеле — прекрасном высокогорном катке неподалеку от Мюнхена. В Инцеле Сергей Марчук, новый тренер сборной, сам в прошлом чемпион Европы, не отходил от Гуляева ни на шаг. Все с тренировки, они — в тренажерный зал. Все со льда, они еще на льду. Каждый день Гуляев сажал на плечи массажиста Анатолия

Глебова, а в том 95 кг, и шагал по крутой горе — вверх, вниз. Будто заново учился ходить, работать, жить. К вечеру едва добирался до кровати. А Марчуку все мало. Прибежит уже за полночь ко мне в номер, бросит с порога:

— Может, нагрузку ему увеличить, как думаете?

— Ему лучше саночки дать, пусть покатается, хоть божий свет увидит, — отщучиваюсь.

Утром вижу: Гуляев катится на санках с альпийской горы с криком: «Эх, прокачу!», а Марчук в сторонке хлопает в ладоши: «Оживает человек, оживает!» И тренер и ученик — они прекрасно понимали, как важно сейчас попасть в Осло, чтобы вновь почувствовать вкус настоящей борьбы, чтобы обрести себя.

Но поездка в Осло для Гуляева едва не сорвалась. Последовали начальственные звонки из Москвы: «Гуляеву в Осло делать нечего, он там будет только публику раздражать и ни одной медали не получит!» Мы с трудом отбили ему право поехать на чемпионат и, уверен, были правы. И дело тут не только в его малой золотой медали на 500 м, хотя и она стоила многого. Главное, в Осло он вновь обрел себя, в себя поверил, будто ожил. Приняла его, поверила в своего прежнего любимца и публика. Вначале настороженная, сна устроила ему овацию после спринтерских забегов, а уже на исходе чемпионата центральная трибуна подхватила его на руки, принялась качать, а потом он, как когда-то, сел в оркестрике за ударник, и зрители, раскачиваясь в такт, пели под аккомпанемент Гуляева. Редко видел, чтобы так чествовали даже чемпионов.

Пишу о судьбе Гуляева еще и вот почему: нам надо учиться беречь таланты, как умели их беречь скороходы старших поколений, верить им, а не беспечно сбрасывать со счетов. Из-за такой беспечности наш спорт, в том числе и конькобежный, потерял немало ярких личностей. Как бы нам вновь не пострадать от недалёковидности, от нетерпения блеснуть сразу, не заботясь о завтрашнем дне. Слишком дорогой ценой платим мы порой за тренерскую амбициозность, нетерпеливость.

Мы очень были близки к тому, чтобы потерять и Игоря Железовского — одного из самых ярких спринтеров мира последних лет. Дважды он становился чемпионом мира, и не было предела восторгам и громким эпитетам. Споткнулся на Олимпиаде (только бронза, а ведь ждали золота!), и посыпался град уреков, нетактичных обвинений. И уж все разом забыли, что целых четыре года до Калгари Железовский нес на своих плечах всю тяжесть нашего спринтерского престижа и, как Гуляев, надорвался, в Калгари приехал усталым и проиграл тем, у кого четыре года выигрывал легко и без проблем.

Железовский рассказывал потом, что он был на пределе, в полном отчаянии, даже закрадывалась мысль оставить лед, но судьба (а точнее — близкие люди, верные тренеры) хранила его. Выбросил сомнения из головы, постарался забыть обиды, чтобы в 25 лет использовать, быть может, последний свой шанс на спринтерском чемпионате-89. Тем более что проходил тот на голландском «Тиал-фе» — катке под крышей, самом тепер, пожалуй, быстром катке в мире. На «Тиалф» Железовский приехал неудачником Калгари. Уезжал оттуда героем «Тиалфа».

За два дня на чемпионате под крышей Железовский выиграл три дистанции из четырех и установил великолепный мировой рекорд в сумме многоборья — 149,945 очка.

Так Игорь Железовский в третий раз стал чемпионом мира, и это рекорд для нашего спринта. Подобный стабильностью за всю историю мог похвастаться лишь знаменитый американец Эрик Хайден. Это говорит о том, -как труден и тернист путь к лаврам «короля спринта». Можно, вытащив счастливый билет, выиграть одну дистанцию и стать олимпийским чемпионом, выступить с блеском на четырех дистанциях мирового первенства случайно нельзя, тем более трижды. Это еще раз говорит о высокой цене той победы, которую Железовский в острейшей конкуренции одержал на «Тиалфе».

Для нашего спринта голландский каток под крышей стал успешным вдвойне. Еще и москвич Андрей Бахвалов, оттеснив многих звезд с мировым именем, и прежде всего американцев, завоевал большую бронзовую медаль. После тройного успеха Сафронова, Муратова и

Куликова в 1976 году у нас не было столь счастливого чемпионата. Мы вновь вернули себе утраченный авторитет в мире и вошли в новый олимпийский цикл в роли законодателей мод.

Но какими бы разными ни были судьбы Гуляева и Железовского, наших мужчин-многоборцев и мужчин-спринтеров, в обоих случаях нас тревожит одна и та же (да к тому же не новая) проблема.

Талантливой молодежи в стране немало, но ни второго Гуляева, ни второго Железовского сегодня нет. А лидер без дублера — это всегда огромный риск. Не только для сегодняшнего дня, но и — особенно! для завтрашнего. Из нашей конькобежной истории по хорошо известно.

Как по пи парадоксально, 22-летний Николай Гуляев ос I л леи последним из той плеяды «стариков», которые поит ми вкус больших битв и больших побед. Ушел Олег Ё кы в, который в 1984 году после двадцатидвухлетневернул стране лавровый венок чемпиона

мира, сходит Виктор Шашерин. На их место встали неискушенные еще в турнирных интригах юнцы — такие, как Ильдар Гараев, Бронислав Снетков, Андрей Бобров, Андрей Ермолин. У каждого из них есть маленькие победы, маленькие медали — стабильности, смелости, настроя на высокие цели нет. В том видны не только чисто технические тренерские просчеты, но и воспитательные: мы вольно или невольно приучаем молодежь довольствоваться малым, откладывая большие победы на потом. И Гараев, и Снетков на чемпионате в Осло выглядели бледно на фоне лидеров, хотя тренеры не раз уверяли, что оба обладают большим потенциалом. Возможно, так оно и есть, но свою бронзовую медаль на дистанции сам Гараев расценил как большую победу.

Примерно та же картина и в спринте. Четыре года рядом с Железовским тренировались немало молодых спринтеров. За это время многому можно было научиться у лидера, пройти хорошую школу. Но обучение, похоже, прошло безуспешно. Ни Виктор Маковецкий, ни Роман Попадчук, на которых возлагались особые

надежды, ни их партнеры так и не достигли высокого международного уровня, надежности в главных стартах года.

Но, несмотря на все проблемы, именно мужчины в последние годы доставляли нам минуты радости, поддерживали на международной арене высокую марку наших коньков. Главная же наша боль — коньки женские. Кризис здесь, похоже, затянулся надолго.

А наступил он не сегодня и не вчера — еще в начале восьмидесятых. Последний лавровый венок был завоеван в 1981-м Натальей Петрусевой. После Олимпиады-84 в Сараеве сборную оставили (по разным причинам) все лидеры: Петрусева, Татьяна Тарасова, Валентина Лаленкоза, Наталия Шиве. Понятно, чтобы восполнить такую потерю, нужно было время. Было принято, наверное, единственно верное решение — не форсировать события, подготовить план постепенной ликвидации отставания от зарубежных лидеров. План был утвержден тренерским советом.

Начали с нуля. Набрали по стране 16 юных спортсменок. По расчетам тренеров план должен был принести первые плоды именно к Олимпиаде-88. Время показывало: тренеры были на правильном пути. На юниорских чемпионатах мира Людмила Туберозова заняла 2-е место в 1985 году, выиграв две дистанции, и 3-е — в 1986-м, выиграв одну дистанцию. Налицо был прогресс и в личных достижениях.

Но тогдашнее конькобежное начальство посчитало, что этого мало, последовал окрик: чему радуется, нам большие победы нужны, нам ГДР обгонять надо! А куда молодежи тягаться с грандами — Карин Каниа, Андреа Шене, Габи Шенбрунн, Сабиной Брем из ГДР, Ивонной ван Геннип из Голландии! Сменили тренеров, перекроили целевую программу. Многие были сломлены психологически. К Калгари-88 наши женские коньки пришли ни с чем.

Так опять ради сиюминутного успеха, причем обманчивого, ради кабинетных амбиций в жертву была принесена стратегия, а значит, и будущее. Те наши «девочки» сегодня уже постарели, так славы и не снискав. И вновь мы (вот ведь какой парадокс!) вынуждены были вернуться к опытным спортсменкам, и это в то время, когда в ведущих

командах мира шло омоложение, началась смена поколений — там смотрели далеко вперед. И на чемпионате-89 наша сборная была едва ли не самой великовозрастной...

Смешно? Печально. И снова все приходится начинать сначала. И набор молодежи, и разработку новой программы. И опять на это требуется время — никак не меньше 3—4 лет, чтобы прочно встать на ноги.

Что касается женского спринта, то его сегодня на высоком уровне попросту не существует. Как не существует в стране и спринтерских школ. По-прежнему здесь процветает старый принцип — в спринт идут несостоявшиеся многоборцы.

Что ж, картинка для юбилейной книги получилась, наверное, не из приятных. Что поделаешь, розовые краски пока придется отложить в сторону. Лучше уж это сделать сейчас, чем пожинать горькие плоды завтра.

...Больно за наши коньки. Больно говорить об этом в юбилейный год. Но от эмоций — к делу. И в деле этом не должно быть ослепления временными успехами, дилетантского, чиновничьего вмешательства в тренерские дела, командных окриков. Творчество, компетентность, ответственность — вот верные союзники. Прежние поколения принесли всемирную славу нашим конькам. Молодежи эту славу множить — другого пути нет.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Время бежит неумолимо, его не остановить.

Не остановить и технический прогресс, в том числе и в спорте.

Совсем недавно скороходы накануне соревнований внимательно слушали сообщения Гидрометцентра о предстоящей погоде: «Ой, хоть бы не было ветра!» «А вдруг пойдет дождь!» Ведь конькобежные состязания проводились при любой погоде.

В конце восьмидесятых многое переменялось. Появились настоящие ледовые замки — крытые катки: «Тиалф» в голландском городе Херенвене, «Овал» в канадском Калгари, «Динамо» в столице ГДР — Берлине. Недавно накрыли козырьком каток в Гааге. Теперь скороходам не страшны бури и метели, снег и дождь. И это сразу отразилось на результатах. Скорости выросли словно на дрожжах.

Без крытых катков сейчас не прожить, скоро появятся они и у нас. Уже завершены проекты строительства катков под «зонтиком» в Ленинграде и Горьком, предстоит частичное перекрытие московской искусственной дорожки «Динамо».

Мы привыкли к классическому бегу на коньках — парами с переходом дорожек. Но в мире появляются новые виды конькобежного спорта. Меняется и форма состязаний. И это прекрасно. Ведь коньки от этого только выигрывают. И завоевывают новых поклонников.

Совсем недавно мы ничего не знали о шорт-треке, иначе говоря, о скоростном беге на коньках в хоккейной коробке. А в Северной Америке он культивируется почти сто лет. Казалось бы, пионеры шорт-трека должны были уйти далеко вперед, но наши ребята и девчата сумели в довольно короткий срок не только догнать своих соперников, но и преподнести именитым канадцам сюрприз у них на родине.

Для пропаганды конькобежного спорта в Голландии стали проводиться состязания в часовой гонке и в беге на сверхдлинные дистанции. В 1989 году был проведен первый экспериментальный чемпионат мира.

Активно начала работать советская конькобежная федерация нового созыва. Ее председатель Николай Лыков уверен, что возглавляемой им организации удастся найти спонсоров и в ближайшее время сделать конькобежный спорт самоокупаемым.

Наш конькобежный спорт начал отсчет своего нового века. И скороходы входят в следующее столетие с оптимизмом.

Александр Любимов

а

Вместо предисловия.....

Для массового читателя

ВЕК РОССИЙСКИХ СКОРОХОДОВ

Составитель Лев Владимирович Россошик

Заведующий редакцией *Р. В. Орлов*. Редактор *Ю. Л. Китаев*. Художник *О. И. Айзман*. Художественный редактор *Ю. В. Архангельский*.
Технический редактор *О. А. Куликова*. Корректор *В. К. Янковская*

ИБ 2649. Сдано в набор 06.03.89. Подписано к печати 02.11.89. А
07974. Формат 84X 108/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура Таймс.
Высокая печать. Уел. п. л. 11,76+ 1.68 вкл. Уел. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд.
л. 13,86 + 1,58 вкл. Тираж 50 000 экз. Издат. № 8292. Зак. 254. Цена 1 р.
10 к.

Ордена Почета издательство «Физкультура и спорт» Государственного
комитета СССР по печати. 103030, Москва, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150014,
Ярославль,

ул. Свободы, 97.

